

**РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА**

IX ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Союз Советских Социалистических Республик, 1922-1991 гг.:
исторический тупик или перспектива исторического
развития?**

Материалы конференции

30 мая – 1 июня 2010 г.

Санкт-Петербург

2010

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА

IX ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Союз Советских Социалистических Республик, 1922-1991 гг.:
исторический тупик или перспектива исторического
развития?**

Материалы конференции

30 мая – 1 июня 2010 г.

Санкт-Петербург

2010

Лев Аннинский
10070

Научный редактор – Т.И.Филимонова, кандидат исторических наук
Научный рецензент – Н.Р. Петер, доктор философии

ISBN 5-8192-0127-2

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и образование Союза советских социалистических республик в 1922 г. явились одними из наиболее значимых событий в истории XX столетия. Ядром социальной политики нового государства стала сфера общественного производства и развития самого человека, что нашло отражение в повышении материального благосостояния общества, способствовало росту культуры, творческой и социальной активности граждан. Существование СССР, социальной направленности его внутренней политики объективно создавало конкуренцию капитализму.

Включенные в сборник материалы посвящены анализу истории существования и причин распада СССР в 1991 г. Они отражают различные подходы и взгляды специалистов в области истории, философии, политологии, социологии и экономики на предложенную к обсуждению тему и ориентированы на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, интересующихся актуальными проблемами общественных наук.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т.И.Филимонова (Санкт-Петербург)</i>	Предисловие.....	5
<i>Н.А.Косолапов (Москва)</i>	СССР как «исторический тупик»: попытка осмыслиения проблемы.....	6
<i>Г.Г.Богомазов (Санкт-Петербург)</i>	Г.В. Плеханов о судьбах русской революции.....	10
<i>В.Н.Сачков (Троицк)</i>	Новые материалы к истории первых шагов группы «Освобождение труда».....	15
<i>О.А.Белёвский (Киев)</i>	Всеобщее и особенное в русской революции	20
<i>Ш.Риндлисбахер (Берн)</i>	Трагический конец революционной жизни Веры Ивановны Засулич	24
<i>Ю.В. Симонов (Санкт-Петербург)</i>	К вопросу о соотношении субъективного и объективного в революционной тактике и стратегии большевизма (на примере последних работ В.И. Ленина).....	28
<i>Б.Ф.Славин (Москва)</i>	Национальный вопрос и образование СССР в понимании Ленина и Сталина	33
<i>Д.И.Рублёв</i>	Годы становления СССР и НЭП: взгляд анархистов	43
<i>Е.В.Чернышева (Челябинск)</i>	Советская власть и земские служащие (некоторые вопросы историографии проблемы)	48
<i>А.В.Пильцын (Санкт-Петербург)</i>	Историю нельзя исказить. Победа в Великой Отечественной войне – достояние СССР	52
<i>И.Н.Олегина (Санкт-Петербург)</i>	Был ли полезен в мировой политической и социально-экономической истории опыт создания и функционирования советского многонационального государства?	57
<i>Hartmut Rüdiger Peter (Halle)</i>	„Traum und Terror”: Menschewistische Diskussionen über Erfolg oder Scheitern der Revolution nach dem II. Weltkrieg. Problem und These	60
<i>В.Ф.Солдатенко (Киев)</i>	Украинский коммунизм в поиске теоретических моделей сочетания социальных и национальных факторов создания и развития федеративного социалистического государства.....	66
<i>И.Н.Панюта (Киев)</i>	Классовая природа СССР и причины поражения строительства социализма	71
<i>В.В.Тузов (Санкт-Петербург)</i>	СССР - до срока рожденное дитя истории	76
<i>В.Г.Буров (Москва)</i>	Ретроспективный взгляд на историю Советского Союза	80
<i>В.В.Калашников (Санкт-Петербург)</i>	Советский путь - не тупик.....	81
<i>В.Н.Шевченко (Москва)</i>	Экономическая независимость СССР: пути достижения, историческое значение, причины ее утраты.....	85
<i>И.А.Благих, Д.В.Мельник (Санкт-Петербург)</i>	Организация внешнеэкономического сотрудничества СССР: успехи и проблемы	88

<i>A.E.Крохин (Санкт-Петербург)</i> Об одном, но очень важном показателе	92
<i>Б.И. Максимов (Санкт-Петербург)</i> Положение и ориентации рабочих накануне и в начале перестройки	96
<i>Т.К.Муслимов (Махачкала)</i> Русские как ключевой фактор консолидации дагестанских народов в полигэтническую общность	98
<i>Т.В.Котюкова (Москва)</i> Национально-территориальное размежевание народов Средней Азии: исторический тупик или перспектива исторического развития?	104
<i>О.К.Цапиева (Махачкала)</i> Создание и развитие системы образования и науки в Советском Дагестане (20-90-е годы XX века)	107
<i>Т.М.Смирнова (Санкт-Петербург)</i> Новая историческая общность – советский народ. Невыученные уроки	111
<i>Чэн Хун (Харбин)</i> Китайские ученые о распаде Советского Союза	115
<i>Тадаси Кано (Токио)</i> Некоторые размышления, касающиеся работ, анализирующих вопрос распада СССР	119
<i>М.Слюфиньска (Краков)</i> Точка зрения Леона Блюма и Франсуа Миттерана на СССР	123
<i>В.П.Любин (Москва)</i> Образ СССР в Италии, 1922-1991 гг.	126
<i>В.И.Пантин, М.В.Пантин (Москва)</i> Исторический опыт СССР и перспективы мирового развития	132
<i>Йохан Бекман (Хельсинки)</i> Феномен Советского Союза и общественные науки Запада	136
<i>Elizabeth Clarke (Лондон)</i> Revolutionary ferment of twenty years ago. The nightmare of capitalism's return to the land of the October Revolution	140
<i>В.Ф. Исайчиков (Москва)</i> Причины образования и распада СССР	146
<i>М.Слива (Краков)</i> Будущее социализма в Польше после распада Союза Советских Социалистических Республик	154
<i>И.Г.Абрамсон (Санкт-Петербург)</i> Об интернациональных основах социалистической революции и Советской федерации	158
<i>А.А.Куренышев (Москва)</i> Современные неонародники о создании, природе и гибели СССР	160
<i>Axel Rüdiger (Халле)</i> Terror and Dream: The Russian revolution between historicism and world history. Considerations about revolution and failure	164
<i>Э.О. Шульц (Санкт-Петербург)</i> СССР: тупик или перспектива исторического развития глобального социума?	170
СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ	175

Т.И.Филимонова (Петербург)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет исследования IX Плехановских чтений – «Союз советских социалистических республик, 1922-1991 гг.: исторический тупик или перспектива исторического развития?» - развивает тематику предыдущих Чтений¹, предлагая к рассмотрению вопросы, связанные с анализом теоретико-методологических проблем общественного развития; историей создания и функционирования первого социалистического государства, организацией его социально-экономической, политической и культурной жизни, вкладом СССР в общемировой исторический процесс.

Как следует из включенных в сборник материалов, к моменту начала перестройки, т.е., к концу 80-х гг., СССР представлял собой стабильное развивающееся самоподдерживающееся общество: плановая система хозяйствования, успешно решавшая задачи научно-технического прогресса; доступная система народного образования и медицины, динамично развивающаяся наука, высокий уровень развития культуры, литературы и искусства. Без преувеличения можно сказать, что выработанный тип жизнеустройства, базировавшийся на традициях российских организационных технологий, адаптированных к современным geopolитическим условиям страны, явился результатом творчества народных масс. Совмещение хозяйственных и административных, налоговых и предпринимательских функций в единой структуре управления позволяло направлять значительную часть общественного продукта на нужды страны без использования классического налогового механизма. Распределение благ в обществе проводилось с учётом целесообразности для страны в целом. Данная система нуждалась в централизованном планировании, которое имело определенные решаемые недостатки, связанные с трудностями учёта всей информации и сложности согласования разных интересов центра и периферии.

Насколько имевшиеся недостатки и сложности подрывали жизнеспособность советской системы? Следует ли считать почти одновременный «отказ» народов СССР и стран социалистического лагеря от социалистического жизнеустройства следствием осознания того, что ранее была избрана (или навязана) «тупиковая ветвь» исторического пути? Или имелись иные причины, которые еще предстоит выявить и понять?

Ответы на некоторые из поставленных вопросов и вновь сформулированные гипотезы и предположения представлены в публикуемых материалах.

¹ «Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований» (2006), «Россия в 1912-1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации» (2008).

СССР как «исторический тупик»: попытка осмыслиения проблемы

1. Государство СССР уже двадцать лет как принадлежит истории. Поэтому Союз не может ни быть тупиком, ни сохранять какие-либо перспективы – то и другое предполагает наличие объекта. Но размышления об исторических тупиках и перспективах представляются в высшей степени полезными, а опыт бывшего СССР и современной России дает для них богатый материал.

СССР – одна из государственных форм социалистического эксперимента, определившего облик и содержание XX века. Период жизни СССР оказался короче, чем продолжительность эксперимента в целом: начавшийся в 1917 г. в России, социализм до сих пор развивается в Китае. В ряде стран Западной Европы социал-демократия добилась столь глубокой интеграции ряда его идей в уклад жизни, что соответствующие положения стали там фактором стабильности и даже перехвачены правоцентристскими партиями.

Но СССР – и один из этапов истории России. Логику этой истории мы пока понимаем плохо и предпочитаем удовлетворяться субъективистскими псевдообъяснениями («виноваты царизм, Сталин, Горбачев, Ельцин» и т.д.).

2. (а) **Что мы оцениваем, говоря о «тупике»:** только и исключительно СССР; социалистический эксперимент, неотделимой и одной из важнейших, а на каком-то этапе определяющей частью которого был Советский Союз; историю России? Иными словами, что есть объект и предмет нашего анализа?

(б) **Что такое «исторический тупик» как явление,** какими критериями оно может быть определено и измерено? Все исторически известные нам империи и абсолютное большинство государств¹ так или иначе прекратили существование. Означает ли это, что их жизнь, путь, опыт были историческим тупиком?

(в) Выход из тупика только назад. Но до какого рубежа следует вернуться, чтобы открыть возможность новой попытки создать в стране «нормальные» жизнь, общество, государство? Где начало тупика – в 1922 г., в октябре или феврале 1917 г., раньше, позже? Каковы критерии определения этого начала?

(г) Возможен ли вообще выход из тупика исторического (в отличие от городского)? Тупиковая ветвь развития в эволюционных процессах означает смерть или консервацию вrudиментарных формах. Умер СССР? – что именно умерло? Или претерпевает трансформацию? – тогда какую?

(д) В последнем случае о перспективе чего именно может или должна идти речь – социалистических идеи и практики, возвращения к СССР (какому – 1930-х, 1950-х, 1970-х, других годов), или же о перспективе той России, какую мы имеем сегодня, «на выходе» советского социалистического опыта?

3. **Объектов** анализа два. Социалистический эксперимент: без него СССР не возник бы. Если бы революция 1917 г. остановилась на Феврале, устройство страны, безусловно, со временем бы изменилось достаточно глубоко, как это происходило в странах Европы. Но никакого СССР бы не было. Перефразируя Маяковского, можно сказать, что СССР и социализм так же нераздельны, как Ленин и Партия. Но второй объект – история России, подвешенная к 1917 г.

При таком понимании предмет анализа меняется: тупиком чего был Союз (если он был именно тупиком): социальнно-исторического развития как такового, развития России (какой – царской, советской) или же тупиком социалистического эксперимента? В последнем случае, – в какой его части: социалистической идеи

вообще, ее советского воплощения или же одного из течений социалистической мысли – большевистско-коммунистического?

4. **Что такое тупик исторический?** В повседневном смысле это путь, открытый только назад, с обязательным поворотом на какую-то другую дорогу. Никакой физический тупик сам по себе не определяет количество дорог, на которые можно свернуть по выходе из него. Даже если это одна дорога, можно повернуть вправо или влево. Но в общественной жизни, в истории, да и в жизни отдельного человека «вернуться назад» в принципе невозможно.²

История не поворачивает вспять; она всегда и везде, при всех условиях движется только вперед. Строительный материал и продукты истории – страны и государства, народы и культуры, явления и процессы – проходящи и по ходу их ограниченной жизни проходят через подъем, расцвет и упадок. Тупиковой может оказаться ветвь эволюции. Но тогда содержание этой ветви – этносы, культуры, социальные формы и пр. ожидает выпадение из эволюционного ряда. Оно может означать физическое исчезновение, сохранение в старых формах на обочине продолжающейся общей эволюции или перелив в новые, более жизнеспособные образования. Ни в одном из этих вариантов неправомерно, однако, вести речь о «выходе из тупика». Угодившее в тупиковую ветвь эволюции в ней и остается – посмертно или как живая, но бесперспективная архаика. Рывок в развитии назад невозможен в принципе. Если же он происходит куда-то вперед или «вбок», то это означает, что данная ветвь тупиковой не является.

Мог ли СССР сохраниться как вариант бесперспективной архаики? – В общем, почему нет: есть в мире народы, живущие еще в первобытном состоянии. Анализ гипотетических условий подобной архаизации СССР выходит за рамки поставленной темы. Но СССР больше нет; из этого и надо исходить. Видимо, нужно более четкое теоретико-методологическое разграничение двух смежных, но разных процессов – эволюции форм жизни и истории как хода социального развития. Эволюция знает тупиковые ветви; история же не останавливается (это признал даже Ф.Фукуяма) и тем более не поворачивает вспять. Можно уверенно утверждать, что исторический тупик как явление не существует в принципе.

5. Говоря об историческом тупике, мы подразумеваем прозаические вещи: каким-то странам удалось вырваться вперед в качестве развития, а Россия остается позади них, и шансы сравняться с ними в обозримой перспективе вызывают у нас сомнения. Но если Россия отстает на протяжении минимум четырех столетий, то это явление системное. Оно не может быть объяснено одними лишь пороками правителя, режима, социально-экономического и/или политического устройства. Его причины объективны; искать их, видимо, надо в социоисторическом генотипе культуры. Он обладает высокой устойчивостью, иначе культура нежизнеспособна. Если уж задаваться вопросом о глубинных причинах перманентного, после всех рывков³ отката в очередное отставание, они скорее всего где-то здесь.

6. Где было начало тупика, если допустить, что таковой имел место? СССР был создан через пять лет после Великой Октябрьской социалистической революции. В.И.Ленин был против создания СССР⁴. Союз не «распался», а был политически и юридически прекращен в 1991 г. Процесс демонтажа начался в 1990 г., когда КПСС и союзное руководство не ответили со всей решительностью (не имею в виду применение силы) на принятие Декларации независимости РСФСР. А возможно, еще с январтского пленума ЦК КПСС 1987 г., после которого игра в высших этажах союзной номенклатуры пошла без всяких правил. Явились ли началом тупика само образование СССР; или ведший к нему Октябрь 1917 г.?

Или извращения ленинских идей, репрессии сталинского периода, волонтаризм Хрущева? Неспособность распознать и адекватно ответить в 1964-1985 гг. на экономические и научно-технические вызовы быстро уходившего в отрыв капитализма? Традиционно большевистская «методология» перестройки 1986-1990 гг.? Понятно, что все эти причины сыграли свою роль в судьбе Союза. Но, перечисляя их, мы расписываемся в том, что начала «тутика» – если он был, – мы не видим. Это не удивительно: нет научно объективного, неангажированного исследования СССР и его финального этапа – перестройки – как явлений. Но если мы не видим начала, правомерно допущение, что никакого тутика не было вообще. Тогда странно заниматься поисками выхода.

7. Есть те, кто считает туником весь период с Октября 1917 по декабрь 1991 гг. Эта позиция представлена во власти России все постсоветские годы. Тогда логично «вернуться» (не в прямом смысле, конечно) в постфевральский период 1917 г. (не доводя дело до июля). Однако слов о буржуазной демократии в постсоветской России сознательно избегают. И в то же время возникает все больше аналогий с периодом до Февраля 1917 и даже до 1905 г. Так, положение бизнеса в современной России едва ли не хуже, чем при царизме, считавшем главным врагом партию кадетов и тех, чьи интересы она выражала. Случайны ли эти сходства? Внешние они – или отражают некую суть? Какую?

8. **Перспективу чего именно мы оцениваем?** Не СССР – возродить его невозможно. Даже полная экономическая, политическая, военная реинтеграция постсоветского пространства не стала бы восстановлением прежнего СССР (как в свое время образование СССР не стало воскрешением Российской империи).

Перспективу идеи и практики социализма? Тогда надо говорить о Китае, о европейской и мировой социал-демократии, новых движениях левого толка. Тема достойная, но отдельная и в отсутствие ясного понимания термина «социализм» расплывчатая. Значение СССР здесь в любом случае уже в прошлом.

9. **Иное дело перспектива России, а также социально-экономического и научно-теоретического наследия СССР.** Здесь есть и перспектива, и ее многовариантность. Попробую их обозначить.

(i) Применительно к истории России XX век – от России царской до России современной – многократно укрепил и усилил перераспределительскую модель общественно-экономического устройства, в которой при всех сменах идеологии и надстроек неизменно торжествует над личностью, обществом и экономикой тот самый «подлец и насильник», о котором писал Ленин. Облеченный ли он в форму бюрократа, бизнесмена от чекизма или какую-то иную, дело десятое. И здесь налицо не тутик, но факт последовательного развития этого типа культуры⁵.

(ii) В социально-экономической области речь может идти о **первой смене формации в рамках доминирования общественной собственности**. Убежден, что именно это и имело место. Тема большая, сложная, требующая отдельного доклада, поэтому здесь я только постулирую это свое убеждение⁶.

(iii) В социально-историческом плане человек в XX веке совершил переход из эпохи социоисторического бессилия и производного от нее доминирования психологической компенсаторики во всех сферах сознания (в общественно-политической мысли особенно) к сознательному и рациональному обустройству своего бытия и к рационалистическому мышлению. В практическом отношении это сделал первым СССР, но не удержался на траектории рационалистического мышления в силу особенностей российского менталитета (в частности, ведущей роли в нем эмоционального начала).

(iv) Рациональное обустройство бытия требует трех начал: социального проектирования, планирования и управления процессом развития общества. Во всех этих трех сферах СССР был первоходцем. Его поражение обусловлено не этой ролью, но дефицитом обратных связей в обществе и государстве, которые продолжали целенаправленно искореняться до последних дней СССР.

(v) Опыт СССР доказывает **исключительное значение идеологического начала** в современной жизни. Проблема с марксизмом-ленинизмом была в том, что, декларировав себя научной идеологией, он на практике опирался еще на религиозный исторический тип сознания и потому сам легко трансформировался в псевдоученный аналог религии. Подходы к возможности научной идеологии появляются только в начале XXI в. Но и сейчас они не могут быть реализованы в полной мере – не позволяет пока уровень наук об обществе и человеке.

(vi) В международно-политическом плане специфика российской культуры, не допускающая выбора между Западом и Востоком, обеспечила постсоветской России новое для нее положение буферного государства между Китаем и НАТО, отчасти между Китаем и США, объективно способствующее закреплению этого типа культуры в российских жизнях и моделях общественного устройства.

¹ Я разделяю здесь страну – территорию, где на протяжении исторически длительного времени живет и хозяйствует определенный титульный этнос или происходила последовательная смена ряда таких этносов; и государство – высшую политико-административную организацию страны. Россия за постмонгольское время сменила несколько форм государственности: от Московского царства через Российскую империю, РСФСР в составе СССР до нынешней РФ. Многие другие страны (но далеко не все) также пережили ряд аналогичных трансформаций.

² Конечно, можно декларировать радикальное «завтра начинаем все с нуля, с чистого листа», и даже попытаться осуществить такое решение. Но ряд принципиально важных параметров связи прошлого и настоящего изменены быть не могут. Это потраченное, безвозвратно ушедшее время; накопленный опыт, знания – как позитивные, так и разочаровывающие; материальные и духовные результаты прошлых усилий, определяющие «сегодняшние» положение и сознание общества (в экономической теории и в социологии этот эффект принято называть *path dependency* – «зависимость от траектории предшествующего развития»).

³ Рынки петровский и сталинский – лишь наиболее трагически яркие по их одинаковой (!) относительной человеческотратности.

⁴ Одна из последних записок В.И.Ленина – «К вопросу о национальностях или об "автономизации"», датированная 30 декабря 1922 г., – начинается словами: «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик...» (так!! Выделено мной. – Н.К.). Охарактеризовав поведение С.Орджоникидзе, который, как известно, мордобоем доказывал руководству тогдашней Грузии необходимость такого союза, В.И.Ленин продолжает: «При таких условиях очень естественно, что "свобода выхода из союза" (слова из принятого 6 октября 1922 г. постановления пленума ЦК РКП(б) "О взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками" – «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986)». – М., 1983. Т. 2. С. 599-600. – Н.К.), которой мы оправдываем себя, окажется пустотой бумажкой (и ведь в 1991 г. оказалась – Н.К.), неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» («КПСС в резолюциях...», М., 1983. Т. 3. С. 16-17). И далее: «нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской

швали...» (Там же. С. 17). По в общем спокойному тону записки, по отсутствию в ней каких-либо конкретных, сиюминутных политических рекомендаций, вопросов, требований, императивных предложений – столь типичных для В.И.Ленина, когда он считал необходимым действовать, и действовать безотлагательно, – представляется практически несомненным: В.И.Ленин и не подозревает, что вопрос о создании «кажется, ...союза» в этот самый день уже решен, и его записка не имеет никакого смысла и значения.

⁵ Мне приходилось выступать на эту тему на Плехановских чтениях: Н.Косолапов. О некоторых аспектах социально-исторического развития России // Плехановские чтения. Исторические судьбы России. 29.05-30.05.1999 г. Тезисы докладов. – СПб.; Российская национальная библиотека - Дом Плеханова; 1999. С. 7-13.

⁶ Подробно этот вопрос рассмотрен мной в: Н.Косолапов. Анклав в поле глобализации? (К политэкономии постсоветского пространства) // Россия и новые государства Евразии. – М.: ИМЭМО РАН. 2008. С. 08-30.

Г.Г.Богомазов (Санкт-Петербург)

Г.В. Плеханов о судьбах русской революции

Г.В.Плеханов был одним из образованнейших людей своего времени с широчайшим диапазоном научных интересов и знаний. Это и философ, и историк, и экономист, и искусствовед, и литературовед. Поэтому есть все основания считать Г.В.Плеханова историком и аналитиком общественных отношений, которые он рассматривал с последовательно марксистскими позициями с учетом всех составляющих этих отношений, с учетом причин и факторов их порождающих и корректирующих. Он оставил после себя огромное творческое наследие. При этом его труды глубокие по содержанию, отличаются яркой формой, прекрасным литературным стилем. Нередко они остро полемичны и ироничны.

Революционную деятельность Г.В. Плеханов начал как народник, что было вполне понятно, ибо именно народническая идеология имела в те годы наибольшее влияние на сознание свободомыслящего молодого поколения 60 – 70-х годов. Естественно, что в этот период он вполне разделял традиционную для народников идею о том, что Россия может и должна миновать стадию капиталистического развития и обеспечить себе быстрое продвижение к социализму.

Осмысливая проблемы социалистического переустройства общества, он видел два возможных пути его осуществления, определяемых историческими условиями развития различных стран.

Так, в западных странах коллективный труд и коллективистки настроенный пролетариат, считал он, порождаются развитием производительных сил в промышленности через создание крупного машинного производства. В России же в силу ее особенностей как аграрной страны и по существу повсеместного господства общинных отношений, условия коллективного труда создает коллективная форма владения. Следовательно, у Запада и у России, в силу особенностей их исторического развития, различны пути их движения к социализму. И, тем не менее, уже на раннем этапе революционной деятельности, в отличие от идеологов народничества, которые во главу своих программных представлений ставили политические отношения, Г.В. Плеханов в основе общественных процессов видел отношения экономические.

В 1879 г. В передовой статье для первого номера газеты "Черный передел он писал: "экономические отношения в обществе служат субстратом для всех основных категорий человеческих отношений".

Таким образом, даже в начале своего творческого пути Г.В.Плеханов склонен к материалистическому пониманию истории, он признает прогрессивность капитализма на Западе, возникновение социализма трактует как экономическую закономерность, осуществление которой на Западе связывает с политической борьбой рабочего класса. Именно такой образ восприятия действительности и привел его не только к скорому разрыву с народниками, но и обусловил активную критику их идейных представлений.

Понимая бесплодность надежд на ближайшую перспективу социализма в России, в декабре 1881 г. в письме к П.Л. Лаврову он пишет, что Россия уже вступила на путь "естественного закона своего развития" и все другие пути для нее закрыты.

С этого времени свои творческие силы Г.В. Плеханов направил на то, чтобы русское революционное движение отказалось от утопических устремлений к социализму, а в качестве альтернативы народнической идеологии выдвигает марксизм, который он всеполно принимает и начинает пропагандировать.

Об этом свидетельствуют такие его труды как "Социализм и политическая борьба" (1883 г.), "Наши разногласия" (1885 г.) и другие. В 1895 г. в Петербурге вышла в свет его знаменитая книга "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карапееву и К^о".

Именно с этого времени началось реальное влияние идей Г.В. Плеханова на российское революционное движение, ибо в силу хорошо налаженной на российской границе цензурной деятельности более ранние работы Г.В. Плеханова были мало известны на Родине.

Критикуя взгляды народников, он спрогнозировал ситуацию, которая, по его мнению, неизбежно сложится в случае, если в крестьянской России произойдет революция и будет сделана попытка установления социализма. Такая попытка не будет ни понята, ни поддержана большинством населения страны, т.е. прежде всего крестьянством, которое стремится лишь к тому, чтобы получить землю, при этом на правах собственности. И, в конечном счете, инициаторы социалистических преобразований будут вынуждены или отказаться от своих намерений, или прибегнуть к силе. Возникнет новая привилегированная каста, управляющая общественным производством, и ни о каком реальном социализме в таком случае нельзя будет и помышлять.

А опасность такого хода событий он не исключал, так как глубоко понимал все сложности и противоречия революционного движения в России. Он отмечал, что для него характерны черты бланкизма, преимущественно силовые методы борьбы, волонтаризм и в связи с этим предупреждал, что если разочарование основной массы населения страны существующим строем "не будет достаточно сильно, то не будет и народоправления, и совершившаяся революция может привести к ...обновленному царскому деспотизму на коммунистической прокладке".

Г.В. Плеханов выдвигает два основных условия осуществления социализма. Во-первых, это достижение высокой степени остроты противоречия между общественным характером производства и индивидуальным присвоением капиталистами результатов труда наемных рабочих. Поскольку воспрепятствовать росту общественного характера производства невозможно, то

единственным средством разрешения этого противоречия является установление общественной собственности на орудия и средства производства.

Вторым и весьма значимым условием социалистических преобразований является необходимость осознания рабочим классом объективной возможности перехода к социализму. При этом решающими факторами социалистической организации общественного производства являются высокий уровень организации национального труда, высокие культура и политическое сознание трудящихся масс. Без наличия этих факторов попытки правительства к установлению принципов равенства неосуществимо. Г.В. Плеханов считал аксиомой, что "действительное понимание социализма идет лишь рядом с экономической необходимостью".

Таким образом, он отказывался от распространившейся в русской общественной мысли субъективной социологии, на которой основывались идеология и практика народников, отрицал идею гипертрофирования роли субъективного фактора в истории и утверждал, что возможности людей влиять на общественно-экономическое и политическое развитие находятся в прямой зависимости от понимания ими состояния существующих экономических отношений.

П.П. Маслов писал позднее, что Г.В. Плеханов "опередил русскую общественную мысль на целое десятилетие... Вопрос о судьбах экономического развития России, который должен был иметь решающее значение в экономической и социальной политике страны, поставлен был впервые на правильный путь Плехановым.

Многое из тех идей, которые тогда он проводил и которые казались еретическими, теперь приняты даже экономистами не только не имеющими ничего общего с марксизмом, но и ведущими против него борьбу... Экономисты, которые сделали карьеру на марксизме, многое и гораздо хуже повторили то, что писал Плеханов в 80-х годах".

Осмысление проблем общественно-исторического развития привело Г.В. Плеханова к необходимости более глубокого изучения экономической науки и ее истории.

Раскрывая, в частности, особенности русской экономической мысли, Г.В. Плеханов выделил ряд специфических ее черт, которые и для современных ученых представляют немалый интерес. Он писал о том, что для отечественной экономической науки характерны идеализм в построении планов общественного устройства, поиск абстрактных нравственных идеалов, изучение экономических отношений с точки зрения того как оно "должно" быть и, наконец, постоянное обращение к западным теориям. Но эти теории, подчеркивал он, рождались на иной общественно-экономической и политической почве и потому не могли успешно применяться в российских условиях. И как результат часть отечественных интеллектуалов полностью отказались от западных идей и занялись разработкой теорий "самобытности" русского прогресса в рамках, например, славянофильства или народничества. Другая же часть, прибегая к западному образу экономического мышления и не учитывая историческую специфику России, впадали исторический идеализм и приходили к выводу о том, что не бытие определяет сознание, а наоборот – сознание бытие. И то и другое Г.В. Плеханов считал ошибочным и выход из создавшейся ситуации видел в европеизации страны.

Такой мировоззренческий подход освободил Г.В. Плеханова от той широко распространенной ошибки, которую допускали многие видные русские и

западные марксисты (например, В.И. Ленин, Р. Люксембург), что давало основание критикам марксизма обвинять это учение в том, что знание в нем подчинено целеполаганию, что истина для марксизма предстает как единство знания и воли. В таком случае "истина" действительно становится тенденциозной, обусловленной целью, волей, желаниями.

Признание приоритета экономического фактора в общественном развитии открыло Г.В. Плеханову перспективу развития России по пути капитализма. Такое видение исторических судеб России позволило ему правильно оценить в дальнейшем все три русские революции и весьма нетрадиционно для марксизма трактовать проблему диктатуры пролетариата и классовой борьбы.

Он не отказывался от этих марксистских постулатов, но считал, что классовая борьба рабочего класса должна выражать общечеловеческие интересы, и полагал, что пролетариат должен бороться за общие интересы истины, культуры, справедливости и человечности. Он связывал успехи борьбы пролетариата за свои идеалы с ростом демократизации общества и политических свобод. Г.В. Плеханов исходил из того, что российское общество страдает от недостаточного развития капитализма, проявляющегося в политическом бесправии людей и по существу неограниченном абсолютизме власти. Это давало ему основание утверждать, что в борьбе пролетариата за политические свободы его будут поддерживать различные социальные слои, которые, также как и рабочий класс, страдают от отсутствия гражданских свобод и всесилия самодержавия.

"Классовая борьба, – писал Г.В. Плеханов, – не есть самоцель. Она есть только средство для защиты классовых интересов... и великое счастье русского пролетариата наших дней состоит в том, что его классовый интерес совпадает теперь в борьбе за новый строй с интересами тех слоев населения, которые хотят раз и навсегда покончить с пережитками старого порядка". Поэтому пролетариат "должен выдвигать теперь вперед не то, что разъединяет его с этими слоями, а то, что объединяет его с ними".

Не вполне традиционно для русского марксизма решался Г.В. Плехановым и земельный вопрос в России. Он был противником поспешной национализации земли, объясняя это тем, что такое решение одной из вечных проблем российской жизни ведет к укреплению власти государства и, в частности в дореволюционных условиях, к укреплению царской власти. Вот почему при обсуждении аграрного вопроса в 1906 г. Г.В. Плеханов выступил сторонником муниципализации земли, за передачу ее органам местного самоуправления.

После февральской революции 1917 г. он опять-таки призывал к определенному компромиссу и предлагал, чтобы не обострять социально-экономическую и политическую обстановку в стране, пойти на выкуп помещичьих земель, оставив часть владений в неприкосновенной частной собственности. В конечном счете, не исключая полной национализации земли в принципе, Г.В. Плеханов полагал, что это будет возможно только в условиях полной политической свободы и в рамках общей национализации средств производства.

Он исходил из того, что по мере развития капитализма неизбежно проявляются две социально-политические тенденции. Первая заключается в возникновении и разрастании классовой, политической борьбы рабочего класса за свое освобождение. Вторая же состоит в росте цивилизованности, сознательности и культуры трудящихся масс. Именно поэтому, оценивая революционные

события 1905-07 гг., он подчеркивал, что Россия созрела лишь для буржуазной, но не для пролетарской революции.

Вот почему в 1906-07 гг. он выступал за участие социал-демократов в выборах в Государственную Думу, за блок с кадетами. Вот почему после Февральской революции 1917 г. он выступал за классовое сотрудничество пролетариата и буржуазии, призывая всех сплотиться вокруг Временного коалиционного правительства. "Наше спасение не в гражданской войне, — писал он, — а в сознательном, всесторонне обдуманном и добровольном соглашении тех двух классов, совокупные усилия которых одинаково важны, при нынешних конкретных условиях, для экономического обновления России". Одновременно он осуждает стремление большевиков взять политическую власть в стране в свои руки. Он настаивает на том, что Россия не созрела для социалистических преобразований. И после того как в стране свершилась Октябрьская революция 1917 г. Г.В. Плеханов пишет "Открытое письмо к петроградским рабочим", в котором достаточно убедительно аргументирует преждевременность завоевания пролетариатом власти в стране и указывает на дальнейшие последствия этого события. "Нет, — писал он, — наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы, в то же время, величайшим несчастием и для всей России".

Объясняя свою позицию, Г.В.Плеханов в качестве основных аргументов указал на то, что пролетариат в России составляет меньшинство населения, что "хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма, а потому крестьянство "совсем ненадежный союзник" рабочего класса в деле строительства социализма. Далее он говорит о том, что нет никакой надежды на реальную помощь европейского пролетариата, т.е. на мировую революцию, на которую так рассчитывали большевики.

В итоге Г.В. Плеханов приходит к следующему выводу: "Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершил социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года". Стоит ли говорить о том, что этот мрачный прогноз почти полностью оправдался.

Глубина восприятия событий, происходивших в России, позволила Г.В. Плеханову понять и другое. Он считал большевизм в тех условиях неизбежным этапом русской революции, связанным со стихийным движением неразвитого в политическом и культурном отношении пролетариата. По воспоминаниям соратника Г.В. Плеханова по группе "Единство", возникшей в середине 1917 г., он заметил ему, что большевики взяли власть надолго и не только в районе Петербурга, но и по всей России, и что ни Керенский, ни кадеты, никакая другая партия ничего не смогут сделать, ни о каком серьезном сопротивлении большевикам не может быть и речи.

В России действительно возобладала разрушительная стихия масс, доведенных до отчаяниявойной, голодом и разрухой. Большевики оказались на гребне этой стихии и во многом были вынуждены выполнить ее требования.

По существу, осуждая Октябрьскую революцию 1917 г. и действия большевиков с ней связанные, Г.В. Плеханов, тем не менее, категорически отверг предложение Б.В. Савинкова возглавить антибольшевистское правительство.

Б.В. Савинков обратился к Г.В.Плеханову как посланец от поднявших антисоветский мятеж казаков во главе с генералом П.Н. Красновым и А.Ф. Керенским. Они надеялись привлечь на свою сторону такого крупного и авторитетного политика как Г.В. Плеханов. "Я, — сказал он Савинкову, — сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути. И Вам не советую этого делать".

Немалый интерес в творческом наследии Г.В. Плеханова представляют его работы по проблемам искусства и литературы. Что же подвигло его на написание такого рода произведений? Вероятно, во многом его собственный эстетический интерес, его глубокое проникновение в тайны прекрасного. Но он писал не только о прекрасном в искусстве. Искусство во всех формах его проявления трактовалось Г.В. Плехановым, прежде всего, как "общественное явление". В бесклассовом обществе оно непосредственно определяется материальной деятельностью и материальными отношениями людей. В обществе же, разделенном на классы, искусство утрачивает эту связь, но его общественная роль от этого не только не ослабевает, но, наоборот, — возрастает. Логика рассуждений Г.В. Плеханова по этому поводу сводилась к следующему: экономическое развитие общества приводит его к делению на противостоящие классы, которые в своем стремлении реализовать свои интересы и цели используют все формы идеологии, в том числе и искусство. В принципе он допускал, что искусство можно рассматривать как "средство незаинтересованного наслаждения", но основной акцент Г.В. Плеханов все же делал на том, что оно является орудием политической борьбы. Этот свой тезис он достаточно убедительно подтверждал многочисленными примерами из истории европейской культуры.

Постоянно подчеркивая, в том числе и в статьях по проблемам искусства, что бытие определяет сознание, он писал, что "особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается. Общественное же настроение всякой данной эпохи всегда обусловливается соответственными ей общественными отношениями". Следовательно, и в понимании художественной жизни общества, Г.В. Плеханов четко придерживался материалистического подхода. Все это позволяет сделать не тривиальный для нашего времени вывод о том, что на основе последовательного понимания и использования ряда принципиальных постулатов марксизма, Г.Г. Плеханову удалось довольно точно оценить возможности революционных преобразований в окружавшем его мире и показать те опасности, которые стояли на пути русских революционных сил в лице народников и радикального крыла социал-демократов.

В.Н.Сачков (Троицк)

Новые материалы к истории первых шагов группы «Освобождение труда»

15 (27) июля 1883 г. Л. Г. Дейч отправил из Женевы в Цюрих П. Б. Аксельроду следующее письмо: «Не писал я тебе, дорогой Павел, потому, что выждал окончательного ответа от братьев Игнатовых насчет того, могут ли они достать сумму, необходимую для существования нашей группы в продолжение года — 1½. Из прилагаемого письма ты узнаешь ответ тебе незнакомого, младшего Игнатова, Ильи, недавно сюда приехавшего. Не получая долго от них ответа, и так как я почти не знаком с Ильей, у которого, вообще, имеются деньги (у Василия его деньги все вышли уже), между тем как Жорж был с ним 5½ лет

тому назад приятелем, — мы и решили, чтобы Жорж к нему съездил в Эгль и прямо, откровенно переговорил. Оказывается, что и ему он заявил то же самое, т. е. что «в этом году он, Илья, абсолютно ничего не может достать, а относительно будущего года не знает ничего определенного и просит считать его лишь «близким к нашей группе». <...>

Таким образом, почти потеряв, как нам казалось, довольно надежную поддержку с их стороны, мы должны теперь решить, как нам быть, что предпринять. Ввиду полной невозможности и категорического нашего решения никогда не соединяться с народовольцами (чего мы им, впрочем, не хотим еще заявлять), даже если бы они того теперь захотели, — нам нужно так или иначе начать существовать открыто. Поэтому, мы склонны уже не быть столь «основательными», как нам бы хотелось, т. е., мы готовы так или иначе приступить к печатанию, хотя бы одних брошюр под определенной фирмой, раз только получим какой-нибудь ответ из России на посланное нами через одного парня письмо. <...>

Материальные дела Жоржа несколько поправились: пока он достал 100 франков, надеется на днях еще получить 250; словом, ты не присылай, если получишь, а лучше всего сделаешь, если прямо, не откладывая, — вдруг приедешь сюда повидаться, так как «конгресса», вероятно, не скоро дождешься. А нам было бы очень приятно потолковать и обсудить, как нам держаться с внешней публикой и пр. Ну, целую вас. До скорого, быть может, свидания. Очень может быть, что из Харькова ты получишь для меня деньги¹.

Историкам, представляющим в самых общих чертах историю создания группы «Освобождение труда», понятно, о чем здесь идет речь. Впрочем, напомню. К лету 1883 г. находившийся в Швейцарии центральный (эмигрантский) кружок «Черного передела» фактически прекратил существование. Он не распался, однако участники его почти совсем оставили прежние народнические убеждения и почти вовсе потеряли связи с прежними единомышленниками на родине. Т. е. он превратился фактически в совершенно другую организацию — с другими целями и задачами, с абсолютно иной идеологией. И сами чернопередельские кружки в России частично прекратили существование, частично значительно сократились в численности и резко уменьшили свою активность и влияние по сравнению со временем их расцвета в 1880 г. У Г.В. Плеханова вполне сформировались марксистские взгляды.

Отсюда у членов плехановской группы появился проект вхождения в партию «Народная воля» на правах фракции. Переговоры о вступлении, продолжавшиеся с перерывами в течение нескольких месяцев, явно шли в тупик, но это не сильно огорчало обе переговаривающиеся стороны. Условиться удалось лишь об участии плехановского кружка в подготовке первого номера журнала «Вестник Народной воли». Для него было написано три материала: статья Аксельрода «Социализм и мелкая буржуазия» и две работы Плеханова — «А.П. Щапов» и «Социализм и политическая борьба». Первые две из них Л. Тихомиров, редактировавший «Вестник Народной воли», принял к публикации. Третью он категорически отказался печатать и передал П.Л. Лаврову, также состоявшему в редакции. Петр Лаврович, как известно, в целом по-своему критиковал позиции народовольцев, их взгляды во многом не разделял, но в данном случае он согласился с Тихомирова в том, что в журнале «Социализм и политическую борьбу» не следует печатать. Свою аргументацию отказа он изложил в статье, которая была опубликована в «Вестнике Народной воли». В июне 1883 г. Плеханов уже получил рукопись статьи и с ней ознакомился. Тем самым стало

возможным считать разрыв будущих членов группы «Освобождение труда» с народничеством и с «Народной волей», в частности, фактически состоявшимся.

В этот самый момент они оказываются в исключительно неопределенном и тяжелом положении. Чтобы открывать целое новое направление в русской отечественной мысли, одних идей недостаточно. По самому минимуму требовалось напечатать «Социализм и политическую борьбу», распространить в России. На это нужны были денежные средства, а Плеханов с товарищами был тогда в самом критическом материальном положении. Приходилось нищенствовать в буквальном смысле слова. О каком печатании могла идти речь? Да и одной печатью тоже нельзя было ограничиться. В магазине русских книг в Женеве и без того сравнительно малые тиражи отдельных изданий распродавались в течение десяти лет, то есть на выручку от распространения в эмиграции серьезно рассчитывать не приходилось. А значит, без кооперации с сочувствующими на родине и мыслить о новом начинании было нельзя. Это было бы полнейшей авантюрой.

И вот в этот самый неопределеннейший и критичный момент, как deus ex machina, появляется из России «один парень», который буквально спасает Плеханова сотней франков, вскоре после своего отъезда присыпает еще 250 и принимается отвезти письмо московским студентам. Вот как описывает этот эпизод в своих воспоминаниях Л. Г. Дейч: «Сношения с ним [Л. Яновичем, — В. С.] я завязал через студента моск. университета Светлицкого, приезжавшего в Швейцарию летом 1883 г. и причислившего себя к народникам. Когда он в конце лета решил возвратиться, я и Плеханов, по принятому нами тогда правилу относительно лиц, возвращавшихся на родину, вручили ему большие письма «к товарищам», в которых каждый из нас, конечно, по-своему, излагал причины нашего разрыва с народовольцами, а также наши марксистские взгляды и задачи. Сверх того я снабдил его небольшим количеством наших изданий и условился с ним о дальнейшей переписке и сношениях. Мы с Плехановым как в наших письмах к товарищам, так и устно через него и других уезжавших просили москвичей и также вообще учащуюся молодежь и других городов, если они сочувствуют нашему решению заниматься печатной и устной пропагандой марксизма, вступить с нами в тесную связь и прислать к нам кого-нибудь для переговоров»².

Приведенные мемуары Дейча довольно точны и верны, но удивительным образом до сих пор никто из историков не заинтересовался миссией и личностью Светлицкого, хотя это сыграло, может быть, ключевую роль для принятия решения создать первую марксистскую группу в России. Во всяком случае, в моральном плане мне это представляется несомненным.

Итак, что это за Светлицкий? Кем он в действительности был? С какой стати оказался в Швейцарии? Что его связывало с Яновичем? Действительно ли он связал будущих членов группы «Освобождение труда» с московскими студентами? Какие другие, важные или неважные, услуги он оказал Плеханову и его соратникам, если оказал? Как сложилась его судьба в дальнейшем?

Как выяснилось, Дейча, возможно, немного подвела память. Светлицкий учился не в Московском университете, а в Петровской академии, как и Людвик Янович (что подтверждает, с другой стороны, верность воспоминаний). В отличие от других личных дел студентов, его дело³ оказалось заметно менее полным. Отсутствовали свидетельство о рождении, полные сведения о близких родственниках, а также копия аттестата об окончании военной гимназии.

В списке студентов и вольнослушателей Петровской земледельческой академии на 1880 г. указывается: «191. Светлицкий Александр [Иванович], р. 4 авг. 1860 г., окончил З С.-петербургскую военную гимназию, поступил 27 сентября 1880 г., сын купца, православный, I курс, сельскохозяйственный факультет»⁴. Воспроизведу сведения о Яновиче из того же списка: «253. Янович, Людвиг, род. 24 авг. 1859 г., окончил Виленское реальное училище, поступил 27 сентября 1880 г., дворянин, римско-католического вероисповедания, I курс сельскохозяйственного факультета, [постоянное место жительства] Шавельский уезд»⁵. Просление о поступлении в академию Светлицкий отправил в 1880 г. из Харькова, где он тогда жил по окончании военного училища с родителями⁶.

Во втором семестре 1881/1882 учебного года Светлицкий с Яновичем жили в одной коммуне на даче Кондратьева в Выселках, близ Петровской академии вместе со студентами Копаневым, Власовым, Готовцевым, Толстиковым, Эйсмонтом, Ермолинским и Волковым. Весьма вероятно также, что ранее, в первом семестре 1880/1881 г. Светлицкий с Яновичем жили вместе на Выселках в номерах Благосклонного⁷. То, что они жили еще в одно и то же время в одной коммуне, свидетельствует о том, что они были не просто лично знакомы, но дружили. Хотя это было, с другой стороны, еще до того, как, по имеющимся данным, Янович включился в революционное движение (с лета 1882 г.).

Одной из явных причин того, почему историки не уделяли внимания личности Светлицкого, является, по-моему, то, что жандармам он совсем никогда не попадал на заметку, всегда считался благонадежным. Благополучно закончил в 1885 г. Петровскую академию, в 1886 г. числился при Московской казенной палате, а позднее сделал успешную карьеру, дослужившись к 1917 г. до управляющего крупнейшего в Петрограде Международного коммерческого банка. Поэтому упоминать его имя в революционных мемуарах стало этичным лишь после революции, но тогда появилось вдруг еще одно мешающее обстоятельство. По свидетельству мемуариста, в ноябре 1917 г. он выступил одним из руководителей банковского саботажа⁸, что не могло не послужить серьезной причиной для забвения его давних былых революционных заслуг и вообще его имени в этом контексте.

Установлению товарищеских отношений между Яновичем и Светлицким способствовало также то, что они были одной национальности – русинами. В одних архивных документах Петровской академии (в т. ч., цитированном мною выше) Светлицкий называет себя православным, в других – католиком. Вряд ли он был вообще верующим человеком, но даже если и был, то называть себя прямо греко-католиком, во избежание совершенно ненужных проблем, уклонялся. Но указывать вероисповедание в различных документах требовалось постоянно. Отсюда эвфемистические расхождения. Янович проще относился к своей религиозно-национальной самоидентификации, определяя свое вероисповедание постоянно и везде римско-католическим.

13 ноября 1884 г. А. И. Светлицкий обвенчался с Марианной Людвиговной Хмелевской⁹. Это дополнительно указывает на то, что он, как многие русины, в совершенстве владел польским языком и что многие русские принимали его, как и Яновича, за поляка, хотя таковыми они оба не являлись. Общая национальность в данном случае тоже явно способствовала сближению друзей.

Парадоксальным образом личность Светлицкого и мотивы его деятельности в 1880-е годы получаются, таким образом, тем загадочнее и необъяснимее, чем они больше становятся нам понятными, чем больше нам становится о них известно.

В самом деле, с одной стороны – абсолютно благонадежный обыватель, никогда не попавший на заметку охранки, успешный финансист, если угодно, неромантический чеховский «человек в футляре». С другой, одновременно, – исполнитель достаточно исторически важной миссии, ради выполнения которой ездил из Москвы в далекую Женеву. С третьей стороны, Дейч называет его в своих мемуарах определенно народником, а, между прочим, из продолжавших действовать в России в 1883 г. местных чернопередельских организаций, харьковская была самой деятельной¹⁰. Т. е., живя после окончания военной гимназии в 1879-1880 гг. в Харькове, Светлицкий вполне мог хорошо сблизиться с местными народниками и приехать поступать в Петровскую академию уже убежденным чернопередельцем. И в первые годы обучения в академии он имел превосходную среду для общения с единомышленниками и своего дальнейшего развития. Однако для отправки в командировку с целью установления связей московских или харьковских чернопередельцев с эмигрантами этого не было достаточно. Для этого требовалось быть гораздо более вовлеченым в конспиративные дела, а значит, неизбежно быть замеченным охранкой. По всей видимости, Светлицкий в 1883 г. за границу ездил по личным делам. Так, в его личном студенческом деле имеется датированная 10-м ноября 1884 г. справка харьковского врача Захаржевского о том, что «его сестра Лариса Ивановна, 18 лет, психически больна и нуждается в том, чтобы брат сопроводил ее на лечение в Кизляр»¹¹. А в 1883 г. он вполне мог возить ее на лечение в Швейцарию, что для состоятельных людей того времени было естественным. Между делом выполнил важное поручение товарищей, что, собственно, не было связано с большим риском. Ведь больших полномочий, судя по мемуарам Дейча, он не имел, то есть не заключал и не мог заключать никаких соглашений, а только рассказал о деятельности московских студентов и перевез для них письма эмигрантов. Мог даже из осторожности и не перевозить. Важно было рассказать в Москве о деятельности близких по взглядам эмигрантов и сообщить их контакты. Вроде совсем немного, но в драконовских условиях того времени даже одно это было ценнейшим огромным делом. А риск был ничтожным. Даже если бы жандармы выявили факт его встречи с Дейчем, то одно это не могло послужить основанием для явных репрессий. В самом худшем случае грозил непродолжительный негласный надзор.

Из личного дела студента Светлицкого явствует, что он возвратился из заграничной поездки до 29 июля (10 августа по новому стилю) 1883 г. и в только что названный день подал заявление о восстановлении его в числе студентов. Дейч, таким образом, немного спутал дату выезда Светлицкого из Швейцарии, отнес ее на конец лета.

С этого все и началось. Намечавшаяся встреча, о которой договаривался Дейч с Аксельродом в письме, цитированном здесь в самом начале, оказалась исторической. На ней была образована группа «Освобождение труда».

¹ Из архива П. Б. Аксельрода. Выпуск 1. 1880-1892 гг. М., 2006. С. 173, 174.

² Дейч Л.Г. Вместо библиографии // Группа «Освобождение труда». Сб. 3. С. 356.

³ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5438.

⁴ ЦГИАМ. Ф. 131. Оп. 38. Д. 67. Л. 121.

⁵ Там же. Л. Д. 122 об.

⁶ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5406. Л. 2.

⁷ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 7101. Л. 25-25об.

⁸ Гиндин А.М. Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961.

⁹ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5438. Л. 34 об.

¹⁰ Сачков В.Н. Бунин Ю.А. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1. А-Г. М., 1989. С. 362.

¹¹ ЦГИАМ. Ф. 228. Оп. 3. Д. 5438. Л. 61. В период с 5 ноября 1884 г. по 15 января 1885 г. Светлицкий действительно ездил с этой целью с Харьков и Кизляр. Там же. Л. 59.

О.А.Белёвский (Киев)

Всеобщее и особенное в русской революции

В отношении великой русской революции 1917-1991 гг. сегодня совершается величайшая несправедливость, которая, правда, совершается в истории всякий раз, когда революция терпит поражение: контрреволюция исполняет над трупом поверженного врага свой победный танец, навязывая обществу свою, отнюдь не беспристрастную, точку зрения. Отрицанию подвергается все – семьдесят четыре года советской эпохи буквально вычеркиваются из отечественной истории. Те, кто это делают, не задумываются над тем, что, отрицая русскую революцию и советский период отечественной истории, они одновременно унижают национальное достоинство народа, ее совершившего, ибо всякая великая революция имеет не только всеобщий – всемирно-исторический, – но и национальный характер.

Когда-то М.Горький писал, что «всегда и всюду особенно злы, бесстыдные формы принимает ложь обиженных и побежденных»¹. У русской революции, как у всякой великой революции прошлого, были свои великие сражения и великие победы, соответственно – как и у всякой революции, у нее были свои обиженные и побежденные. Еще недавно казалось, что в лучшем случае их удел – опубликованные за рубежом мемуары, в худшем – забвение, т.к. вопреки всем канонам диалектики была абсолютная уверенность в том, что в отличие от великих революций прошлого наша революция победила окончательно и бесповоротно.

Но в последнем десятилетии XX века история сделала неожиданный поворот, как будто специально для того, чтобы доказать мысль Н.А.Бердяева о том, что «всякая революция бывает неудачной»². Великая русская революция перестала быть историей и потерпела вполне реальное политическое поражение. В этом поражении уже не было ничего величественного и героического. Осажденная крепость, которая, демонстрируя миру чудеса мужества и героизма, выдерживала тяжелейшие удары истории, спасшая мир от фашизма, была разрушена предательством, превратившимся из моральной категории в категорию историческую. Советскому социализму, как и древнему Вавилону, не помогли высокие и крепкие стены; ворота врагу были открыты изнутри – своими собственными гражданами, утратившими в силу объективных и субъективных причин коммунистическое самосознание. (Объективно-научное познание оснований и логики этой утраты является одной из важнейших задач, стоящих перед современной марксистской мыслью).

С исторической точки зрения поражение русской революции и созданного ею советского социализма есть великое историческое несчастье: к началу XXI века человечество оказалось без надежных средств самозащиты, один на один с сильным и ловким хищником – глобальным корпоративным капитализмом. Трагизм положения усугубляет специфическая форма поражения: потеряв свой социалистический характер и капитулировав добровольно, русская революция сильно разочаровала тех, к кому она обращалась все это время – трудящиеся

massы. Тяжелые моральные последствия такой самодискредитации, похоже, еще не скоро будут нейтрализованы. Утратив веру в коммунистическую перспективу, человечество, несмотря на все тяготы жизни в условиях глобального капитализма, не видит иной перспективы, кроме жизни в удушливой атмосфере постмодерна, в ситуации без выхода и без надежды. Такая жизнь может длиться достаточно долго, но вряд ли вечно. Рано или поздно человечество вынуждено будет обратить свой взор в сторону коммунизма, ибо только он является формой кардинального разрешения противоречий капитализма. Очевидно, что русская революция 1917 года была первой, но отнюдь не последней социалистической революцией в истории человечества. Пока существует капитализм – индустриальный, постиндустриальный, информационный и т.д. – сохраняется возможность и необходимость новой социалистической революции. В этом смысле законы истории неумолимы и они рано или поздно определят волю и разум людей. Тем более, что в отличие от современников, которые, по словам Г.Баттерфилда, «склонны оценивать революцию исключительно по ее ужасам», потомки смогут на революции с прямо противоположной позиции; и это, заметим, значительно облегчает истории выход на новый виток своего развития. Опыт русской революции 1917 года и советского социализма, безусловно, еще будет востребован будущими поколениями во всей его полноте.

Этот опыт, на наш взгляд, имеет две составляющие. С одной стороны, великая русская революция демонстрирует всеобщую и универсальную логику любой социалистической революции как перехода от капитализма к социализму. Эти универсальные закономерности не зависят от места и времени, они будут в той или иной форме «работать» в каждой будущей социалистической революции. Содержание этих универсальных закономерностей выражают общие принципы марксистской теории, такие, как: отрицание частной собственности вообще и капиталистической частной собственности в частности, диктатура пролетариата и постепенное отмирание пролетарского государства в пользу самоуправления, интернациональное единство пролетариата в борьбе против капитала, всестороннее и гармоническое развитие человеческой личности и т.д. В отношении этих универсальных принципов среди марксистских теоретиков прошлого и настоящего существует определенное единство взглядов. Поскольку марксизм претендует (и не без оснований) на объективно-истинное отражение тенденций развития капиталистического общества, то порождаемая капитализмом социалистическая революция выглядит как воплощение в жизнь положений марксистской теории.

Однако следует учесть и то обстоятельство, что революционное преобразование капиталистического общества и реализация марксизма всегда осуществляются в конкретно-исторических условиях. Социалистическая революция неизбежно приобретает национальный характер – становится русской, венгерской, кубинской и т.д. Национальные особенности составляют вторую сторону всякой социалистической революции вообще и русской революции 1917 года в частности. Именно здесь, как правило, разыгрывается основная драма. Причем разыгрывается неслучайно, ибо применение марксистской теории к условиям конкретной страны – задача не простая. Речь не может идти о простом, механическом наложении общих принципов марксизма на историческую реальность. Наложить нужно так, чтобы особенности этой реальности были учтены. В этом непростом деле марксизм, имея общие алгебраические формулы и некоторые превосходные примеры и образцы их применения Марксом и Энгельсом, не имеет твердо установленных шаблонов. Поэтому при решении задачи приложение марксизма к условиям конкретной страны возможны

различные решения, в результате чего происходит разделение марксистов на большевиков, меньшевиков, сталинистов, троцкистов и пр. Полемика между различными течениями марксистской мысли, между различными фракциями революционного коммунистического движения не может рассматриваться как досадное историческое недоразумение. Она есть объективная закономерность, которая присутствует в русской революции и, в той или иной степени, будет присутствовать в каждой будущей социалистической революции.

В русской революции национальная особенность сыграла, на наш взгляд, особо важную роль. Если отбросить в сторону откровенно капиталистические, крайние, неисторические формы критики русской революции, отрицающие очевидное – ее объективную неизбежность и великие достижения в деле национального возрождения, то главный пункт обвинений сводится к тому, что достижения революции были достигнуты непомерно высокой ценой – крайним напряжением сил, большим количеством отданных жизней, применением насилиственных методов.

Безусловно, цена, уплаченная русским и другими народами Российской империи за попытку построить социализм, высока. Кажется, что на примере революционной России история решила проверить на прочность стремление человечества к новой, социалистической форме жизни, воздвигнув на пути строителей социализма нечеловеческие трудности. Впервые в истории человечества рабочая, коммунистическая партия пришла к власти и начала строить социализм в стране, совершенно не готовой к социализму по уровню своего экономического и культурного развития. М. Горький не без оснований писал, что среда, в которой разыгрывалась трагедия русской революции – «это среда полутихих людей»³. Он объяснял жестокость форм революции исключительной жестокостью русского народа и при этом, заметим, защищал ее вождей (с которыми был лично знаком и которых нередко критиковал) от обвинений в зверствах – сами эти обвинения он рассматривал как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий, или – если они звучали со стороны людей честных – как добросовестное заблуждение.

Если даже отбросить в сторону некоторую резкость горьковской мысли, то следует признать, что многие проблемы русской революции и советского общества, на которых сегодня активно спекулирует антикоммунистическая пропаганда, были обусловлены тем, что идеи Маркса, которые являются выражением и квинтэссенцией западной культуры, пришло впервые в истории воплощать в жизнь на периферии западного мира, ломая сопротивление и кость не только буржуазных, но и добуржуазных форм жизни и сознания – со всеми вытекающими отсюда последствиями. (Эту мысль в свое время высказывал советский философ-марксист Э. В. Ильинов в статье «Маркс и западный мир»).

В понимании сущности этой исторической коллизии мысли Г. В. Плеханова представляют большую ценность. Драма социалистической революции в России стала его личной, жизненной драмой. Г. В. Плеханов был первым человеком в России, который понял великую историческую роль пролетариата в русском революционном движении. Однако, как известно, он считал взятие государственной власти пролетариатом в лице большевистской партии большой исторической ошибкой. «Меня эти события огорчают»⁴, – писал Г. В. Плеханов в открытом письме к петроградским рабочим в связи с известными событиями октября 1917 года, благодаря которым пало правительство Керенского и власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ссылаясь на слова Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, чем захват политической власти в то время,

когда он к этому еще не готов, Плеханов категорически утверждал, что «наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти»⁵. Взятие власти в таких условиях он считал величайшим историческим несчастьем, как для самого пролетариата, так и для всей страны.

Аргументы, которые приводил Г. В. Плеханов в пользу такой точки зрения, были достаточно весомые. Он обращал внимание на то, что в населении России пролетариат составляет меньшинство, тогда как для успешного осуществления диктатуры пролетариата и построения социалистического строя необходимо, чтобы пролетариат составлял большинство населения страны. Главным союзником российского пролетариата считалось крестьянство. Г. В. Плеханов обращал внимание на несоциалистический характер его революционных устремлений: «Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается...»⁶. Ошибкой он считал надежды на то, что совершивший революцию русский рабочий класс будет поддержан европейским пролетариатом. Г. В. Плеханов видел оппортунистическое перерождение передовой немецкой социал-демократии и писал о том, что ни немец, ни француз, ни англичанин не смогут «докончить то, что будет начато русским». И потому «несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершил пролетарской революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте...»⁷.

Сегодня не требуется слишком много ума, чтобы увидеть, что в своем итогом вывode великий Г. В. Плеханов все-таки ошибся. Российский пролетариат, поддержавший в октябре 1917 года большевистский переворот, сумел выстоять в навязанной ему жестокой гражданской войне. Он не отступил от позиций февраля-марта 1917 г., чего так боялся Г. В. Плеханов. Он победил, хотя эта победа стоила ему больших человеческих жертв и больших разрушений – разрушена была почти половина производительных сил и без того отсталой России. Но было бы совершенно неправильно и несправедливо ответственность за эти жертвы и разрушения возлагать исключительно на силы революции. В войне, в том числе гражданской, воюют (причем не без жестокости) как минимум две стороны. Обе – стреляют, обе – расстреливают. Разница лишь в том, что одни расстреливают во имя прошлого, а другие – во имя будущего. Таковы законы этого жанра, являющегося своеобразной квинтэссенцией жестокой человеческой истории.

Безусловно, в политическом споре Г. В. Плеханова и В. И. Ленина по поводу возможности победы пролетариата в отсталой стране прав оказался последний – в крайне трудных условиях, впервые в мировой истории большевики сумели пробить брешь в системе мирового империализма. Но политический проигрыш Г. В. Плеханова отнюдь не означает, что обозначенная им проблема неготовности России к социализму перестала существовать. Экономическая и культурная отсталость России по-прежнему продолжала накладывать свой отпечаток на весь дальнейший ход русской революции, придавая ей оттенок крайнего драматизма. Социализм приходилось строить в отсталой крестьянской стране. В лице русского крестьянства, нуждающегося в земле, но не нуждающегося в социализме, революция получила союзника и одновременно огромную историческую проблему, которая рано или поздно должна была до предела обострить и ожесточить характер русской революции. Первой «ласточкой» будущих потрясений стал Кронштадтский мятеж 1921 г. Будучи жестоко подавленным, он, тем не менее, заставил большевиков изменить свою политику – НЭП был очевидным экономическим отступлением русской революции от своего

социалистического курса. Экономически укрепляя буржуазные элементы в городе и в деревне, НЭП создал все необходимые предпосылки для нового столкновения между силами революции и контрреволюции. Формами этого столкновения стали индустриализация и коллективизация. Обе эти задачи, которые в крайне неблагоприятных исторических условиях и в предельно короткие сроки пришлось решать русской революции, не имели специфически социалистического характера. Социализму пришлось делать то, что должен был сделать, но не сделал российский капитализм. Индустриализация и коллективизация создали базовые основы социалистического строя в СССР и стали величайшими победами русской революции. Но трудный процесс достижения этих побед внес в жизнь советского общества особую степень напряженности, придал ему форму мобилизационного социализма – социализма осажденной крепости, без демократии и особых потребительских удобств. Такой социализм не вполне соответствовал абстрактному и романтическому «идеалу», но именно такой социализм сумел вынести на своих плечах тяжелейшие исторические испытания 1941–1945 гг.

На наш взгляд, не крайнее напряжение сил и жестокости классовой борьбы сталинской эпохи погубили отечественный социализм. Причина заключалась в другом: создав основы социалистического строя в некогда отсталой стране, отстояв свое право на жизнь, русская революция продолжала оставаться, по меткому выражению историка Исаака Дойчера, «незавершенной революцией». Ее завершенность могла быть достигнута переходом от формального (государственного) обобществления к обобществлению реальному, упраздняющему отчужденные (товарно-денежные и государственно-принудительные) формы отношений, превращающему культуру в деятельную способность каждого индивида. Неспособность т.н. «развитого» советского социализма в лице КПСС теоретически осознать и практически разрешить эту жизненно-важную для социалистической революции задачу обернулась для советского общества застоем и гниением. Последующая перестройка, сделавшая попытку вылечить советское общество чуждыми его природе рыночными средствами, стала для отечественного социализма настоящей катастрофой.

¹ Горький М. О русском крестьянстве. Издательство И. П. Ладыжникова. Берлин, 1922.

² Бердяев Н.А. Размышления о русской революции.

³ Горький М. О русском крестьянстве. Издательство И. П. Ладыжникова. Берлин, 1922.

⁴ Плеханов Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим. // Плеханов Г.В. Год на родине. Т.2. Париж. 1921. с.244

⁵ Плеханов Г.В. Открытое письмо к петроградским рабочим. // Плеханов Г.В. Год на родине. Т.2. Париж. 1921. с.246

⁶ Там же, с.246

⁷ Там же, с.247

Ш.Риндлисбахер (Берн)

Трагический конец революционной жизни Веры Ивановны Засулич

I. В. И. Засулич и Первая мировая война

После поражения Первой русской революции Вера Ивановна Засулич отошла от активного участия в революционной деятельности, вышла из нелегального положения и получила паспорт. Работа переводчиком приносила небольшой доход, которого, однако, хватало на жизнь. В 1909 г. Засулич купила небольшой домик в Тульской губернии, где жила и отдыхала летом. Но уже в 1913 г. Засулич вновь приняла участие в дискуссии по вопросу о так называемых

«ликвидаторах», активно защищая позицию Александра Николаевича Потресова в его полемике с Георгием Валентиновичем Плехановым.

Когда в 1914 г. началась война против Центральных держав, В. И. Засулич стала горячим сторонником «защиты отечества». В этом вопросе между меньшевиками возник раскол: одну группу составляли оборонцы (Потресов, Плеханов), в другой интернационалисты (Мартов, Дан, Аксельрод). Состояние здоровья В. И. Засулич не позволяло вести активную деятельность в РСДРП, но занятия литературной деятельностью, участие в партийной и общественной дискуссии в контакте с «ликвидатором» А. Н. Потресовым – редактором журнала «Дело» и сборника «Самозащита», стали формой ее участия в политической жизни. На страницах этих изданий в 1916 г. были опубликованы две статьи Засулич, объяснявшие ее «патриотическую» позицию: «С самого начала я желала и продолжаю желать как можно более полного поражения Германии, и не одна любовь к родной стране внушает мне это желание. Гибель или хотя бы ослабление западных демократий в пользу и без того могучей страны, руководимой полуабсолютистской Пруссиею, было бы громадной потерей в настоящем и угрозой будущего, к которому стремится пролетариат»¹.

Победа Германии означала бы невозможность развития демократического и потом социалистического строя в Западной Европе и в том числе в России. Поражение Германии, наоборот, способствовало бы развитию демократических режимов в Европе и во всем мире. Победа международной демократии стала бы гарантшей прогресса и всеобщего разоружения. Тогдающая война должна была быть последней, так как в будущем, при постоянном развитии капиталистических структур экономики национальных государств становятся все взаимозависимыми. Чтобы добиться всемирного демократического устройства и всеобщего разоружения социалистам необходимо сотрудничать с прогрессивными буржуазными силами. В. И. Засулич сама действовала согласно этому убеждению и участвовала в работе Центрального военно-промышленного комитета, являвшегося организацией российских предпринимателей, представителей политических партий, рабочих комитетов и общественных объединений и созданного с целью мобилизации промышленности для обороны страны. В 1917 г. в издательстве этого комитета была опубликована брошюра Засулич «Верность союзникам».

2. Февральская революция

Свержение самодержавия было одной из главных целей, за которую В. И. Засулич и ее товарищи боролись всю свою революционную жизнь. После Февральской революции она была среди тех общественных и революционных деятелей, которых восторженно приветствовала публика на концерте-митинге в «Память борцов за свободу» 25 марта 1917 г. Ее приглашали на партийные конференции меньшевиков, где рассматривались вопросы о коалиции с Временным правительством, призванной обеспечить порядок в стране, упрочить революционные достижения, оказать помощь в создании демократических структур в российском обществе.

По возвращении Г.В. Плеханова из эмиграции в Россию их личные отношения были восстановлены и В. И. Засулич вошла в состав группы «Единство», находившейся на правом фланге РСДРП и изолированной от меньшевистской фракции.

Однако уже с марта 1917 г. В. И. Засулич чувствовала, что будущее революции небезопасно, поскольку продовольственное положение в Петрограде,

особенно в вопросе обеспечения города хлебом, оставалось напряженным, чем, как она полагала, могут воспользоваться большевики ради пропаганды своих идей. Она была видным противником радикального курса большевиков, которых, как отмечала в письме к племяннику, ненавидела «больше, чем не только Романовых, а даже Вильгельма». В апреле Вера Ивановна опубликовала в газете «Единство» статью, где содержалась критика большевиков за отказ сотрудничать с Временным правительством и за тактику объявлять каждого противника буржуем и врагом пролетариата. Летом 1917 г. В. И. Засулич вместе с Л. Г. Дейчем участвовала в митингах и публичных выступлениях группы «Единство», что способствовало разъяснению позиции и распространению идей группы.

До осени меньшевикам так и не удалось выработать общую политическую линию, поэтому к моменту выборов в Учредительное собрание не существовало единого списка, они выступили тремя группами: меньшевики-оборонцы во главе с А.Н. Потресовым, меньшевики-интернационалисты, сторонники Ю.О. Мартова и Ф.И. Даны и плехановская группа «Единство». Из-за болезни Г.В. Плеханов не мог участвовать в качестве ведущего кандидата «Единства» в Петрограде. Было решено, список группы возглавит В.И. Засулич. Во время предвыборной кампании «Единство» защищало необходимость продолжения войны и коалиции внутриполитических сил, необходимых для успеха революции.

Но осенью 1917 г. мало кто в стране разделял подобную позицию. У меньшевиков, в особенности у группы «Единство», в отличие от большевиков, выдвинувших лозунги «Хлеб для рабочих» и «Мир для солдат», или партии эсэров, настаивавших на передаче земли крестьянам, не было сколько-нибудь привлекательной самостоятельной программы. Помимо защиты Февральских свобод у них отсутствовали убедительные аргументы в пользу собственной политической платформы. В Петрограде многие голодали, солдаты более не хотели бороться за, как они считали, бессмыслицу войну в то время, когда дома уже начали перераспределять землю помещиков. Временное правительство оказалось не в состоянии помешать распространяющемуся общественному хаосу, так как растеряло какую-либо поддержку среди населения. 25 октября большевикам удалось низложить его и без большого сопротивления взять власть в свои руки.

В середине ноября состоялись более или менее свободные всероссийские выборы в Учредительное собрание. Список «Единства» получил в Петрограде всего 0,2 % голосов; (РСДРП (б) - 44%, кадеты - 26%, социалисты-революционеры - 16%; РСДРП (о) - 2% и РСДРП (и) - 1%). Провал «Единства» стал очевидным, что явилось сильным стимулом для переоценки идейной позиции В.И. Засулич и ее революционной деятельности.

3. Переворот большевиков и начало Гражданской войны

Несмотря на провал на выборах, В.И. Засулич немедленно поддержала оппозицию против режима большевиков. Например, в конце ноября, в однодневной «Газете-Протест» Союза русских писателей, в котором также участвовали М. Горький, Д.С. Мережковский, А.М. Калмыкова, Ф.И. Дан, А.Н. Потресов и ряд других деятелей, была помещена ее статья, в которой защищались гражданские права, обретенные в ходе Февральской революции, в частности такие, как уважение свободы слова и свободы печати. Далее она писала, что демократическое развитие по западному (либерально-буржуазному) типу – единственный благополучный выход для современной России, и что диктатурская политика Ленина приведет страну к катастрофе. При большевиках стране

угрожает после семи месяцев свободы опять деспотизм, поэтому сознательные русские люди должны активно показать, что в России, кроме деспотов и рабов, существуют и граждане, уважающие «честь и достоинство своей страны»². В декабре того же года Засулич опубликовала следующую статью, призывающую солдат защитить Учредительное собрание против от большевиков.

Тем не менее, правительство Ленина и Троцкого оказалось стабильнее, чем предсказали его критики, однако и ему не удалось остановить хаос в России. Наоборот, в начале 1918 г. снабжение продуктами городов заметно ухудшилось. Уровень промышленного производства постоянно снижался. Германское правительство не соглашалось на заключение мира без аннексий и выплаты контрибуций – только на таких условиях оно и было готово заключить мир. В разгар этих событий В.И. Засулич опубликовала свою последнюю политическую статью в журнале «Наша жизнь», в которой выступила против «социализма Смольного». Ей казалось, что проект большевиков – организовать процесс социалистического переустройства России – являл собой не более, чем фантазию сумашедших: Россия еще не завершила этап буржуазного развития; условия для осуществления социалистических преобразований, определенных в теории Маркса, которую проповедовали Ленин и его товарищи, отсутствовали. Как и Г.В. Плеханов, она полагала, что самым опасным для рабочего класса станет попытка преждевременного захвата власти. Поэтому В.И. Засулич заключала, что большевики покинули точку зрения научного социализма и являются новыми самодержцами: «С точки зрения социалистов, оставшихся верными тому пониманию социализма, которое разделяла когда-то и вся русская социал-демократия, нет у социализма в настоящий момент более лютых врагов, чем господа Смольного. Не капиталистический способ производства они превращают в социалистический, истребляют капиталы, уничтожают крупную обрабатывающую промышленность. [...] Разрушается и исчезает все, к чему прикоснется рука Смольного»³.

У В.И. Засулич оставался небольшой круг близких друзей, одним из которых был А.Н. Потресов. Он и организовал в конце марта 1918 маленькую вечеринку к сорокалетию ее оправдания перед судом присяжных после получившего широкую известность покушения на градоначальника Трепова. На встрече Потресов высоко оценил подвиг В.И. Засулич и назвал ее оправдание судом примером «всей русской общественности и гражданственности», до тех пор так мало развитые в России.

Но и в 1918 г. в жизни В.И. Засулич произошли тягостные события. В конце мая скончался Г.В. Плеханов, с которым ее связывали годы дружбы и совместной борьбы. Как и другим жителям Петрограда, ей пришлось пройти через испытание голодом. После подписания мирного договора с Германией Россия теряла одну за другой принадлежавшие ей территории, вспыхнула Гражданская война и западные державы угрожали интервенцией.

В конце 1918 г. Петроградский совет ликвидировал Дом писателей, где с 1909 г. жила В.И. Засулич. Все жители, кроме нее, подлежали выселению, из-за отсутствия отопления, также оказалась вынужденной покинуть Дом. Друзья Засулич, супруги Мякотины, выехавшие на Украину, предоставили свой домик в Петрограде в ее распоряжение. Холод и плохое питание еще более подорвали здоровье, ухудшилось зрение настолько, что она более не могла читать, зимой у В.И. Засулич развилась пневмония. Ее привезли в больницу, где она оставалась до начала марта. Уже находясь в больнице, она сделала несколько записей, фрагменты которых на нескольких страницах сохранились в Доме Плеханова. Из записей видно, что Засулич находилась в глубокой депрессии, когда писала о том,

что «России, которую я знала и любила, нет больше на свете»⁴. Она видела, как весь мир вокруг нее распадается на части, и чувствовала себя в некоторой степени ответственной за подобный исторический исход, потому что вместе с Г.В. Плехановым и П.Б. Аксельродом была одним из первых русских проповедников марксизма в его «научном образе». Теперь большевики – их наследники – разрушали родину во имя этих идей.

В марте 1919 В. И. Засулич выздоровела и могла вернуться домой, где ее старые друзья Иосиф Соломонович Блюменфельд и Лев Григорьевич Дейч как могли помогали с продуктами. Она всегда любила животных, особенно кошек. В марте она испытала еще один удар, когда умер ее кот, который для нее был «как человек». Спустя месяц она снова заболела, но в этот раз врачи помочь ей не смогли. Вера Ивановна Засулич умерла 8 мая 1919 г. По воспоминаниям Потресова, находившегося у ее постели в час смерти, в конце жизни Засулич проектировала свою революционную деятельность.

На похоронах Веры Ивановны присутствовали делегации всех сохранившихся социалистических партий. Большевики, как, например, В.Д. Бонч-Буревич, вспоминали заслуги В.И. Засулич, но и отмечали, что в последние годы она больше не понимала «революционного пролетариата России».

В.И. Засулич, кстати, как и Г.В. Плеханов, в конце жизни была уверена, что историческое развитие России похоже на развитие Запада. Капитализм и либеральное общество являлись необходимыми условиями будущего социализма. Она более не верила в возможность особого пути развития России, в том числе и в возможность резкого скачка в новое общество, подобно тому, как эсеры хотели сделать это с помощью крестьянских общин, или большевики, как Троцкий, в условиях перманентной революции. Но в 1917 г. эти аргументы не могли найти достаточной поддержки среди населения новой Российской республики

¹ Засулич В.И. О войне // Самозащита. Марксистский сб. Пг., 1916. С. 1.

² Засулич В.И. Слова не убить // Газета-Протест. 26.11.1917. С.1.

³ Засулич В.И. Социализм Смольного //Заря. Орган социал-демократической мысли. № 9-10 (1922). С. 286 (перепечатка из газеты «Наша жизнь». № 4 (1918).

⁴ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 637. Л. 1.

Ю.В. Симонов (Санкт-Петербург)

К вопросу о соотношении субъективного и объективного в революционной тактике и стратегии большевизма (на примере последних работ В.И. Ленина)

Данная статья представляет собой попытку краткого анализа некоторых аспектов начальной истории СССР, а именно периода 1921 -1924 гг, который стал решающим в формировании дальнейшей политики советского руководства, а также в судьбах СССР.

Представляется, что многие, если не все основные противоречия, присущие более «зрелому» СССР и приведшие к его конечному распаду, были порождены именно в тот период.

Они стали результатом сочетания как объективных социально-экономических условий, сложившихся к тому времени в стране, так и субъективного фактора, находившего свое выражение в практической

деятельности партийного руководства РКП (б), пытавшегося разрешить эти противоречия.

Субъективный фактор и политическая практика того времени также неразрывно связаны с деятельностью В.И. Ленина, о последних годах жизни следует сказать особо.

Кризис НЭПа как выражение нарастающих объективных социальных противоречий в стране в условиях «кризиса цен» (провал политики НЭПа?); нарастание противоречий между городом как носителем индустриальной экономики, и деревней как основным поставщиком ресурсов для индустриализации.

Уже в начале осуществления НЭПа, несмотря на первоначальные успехи, эта политика вывела новые экономические и социальные противоречия. Одним из них стала необходимость получения из деревни продовольствия, сырья и средств для восстановления промышленности, снабжения продовольствием городов и осуществления индустриализации, с одной стороны, и нежелание подавляющей массы крестьянства предоставлять такие средства в условиях навязываемых ему неравновесных цен на сельхозпродукцию - с другой.

Правящий режим в лице руководства РКП (б) пытался осуществлять то, что тогда называлось «смычкой между рабочим классом и крестьянством».

На деле, однако, вся политика большевиков с самого начала приобрела характер нажима на крестьянство с целью заставить его предоставить столько продукции и сельскохозяйственного сырья, сколько это было необходимо городской промышленности с целью ее скорейшего восстановления и расширения.

Давление осуществлялось в годы НЭПа в форме ценовой политики, или «ножниц цен», то есть посредством перекачки денежных средств и натуральной продукции из деревни в город через незквивалентный обмен: при этом продажная стоимость продукции промышленности государственными органами завышалась, а на сельхозпродукцию - занижалась.

В этих условиях уже в 1923 году страна столкнулась с первым кризисом поставок сельхозпродукции, прежде всего товарного зерна. Кризисы повторялись с определенной периодичностью вплоть до 1929 года, несмотря на попытки руководства партии и государства исправить ситуацию посредством некоторого увеличения цен на закупаемое зерно.

Последствия уже первого кризиса оказали серьезное воздействие на членов РКП(б) партию, усилив дискуссии среди ее руководства и столкновения лидеров наиболее влиятельных фракций.

Еще одним феноменом советского общества периода Гражданской войны и начала НЭПа стало появление так называемого «третьего элемента» в «государстве рабочих и крестьян», то есть утверждение в качестве самостоятельной политической силы разраставшегося партийного и хозяйственного аппарата и их бирократизация. Опасность развития этих тенденций для судеб «социалистической» революции ясно осознавалась уже в 1920-21 гг.

Упомянутые факты не могли не беспокоить В.И. Ленина и в период 1922-23 гг. им был написан ряд статей¹, в которых формулировались основные принципы строительства «социализма», а также партийного и государственного руководства в рамках такого строительства, и принципы борьбы с

бюрократизмом. Однако эти статьи, несмотря на авторитет Ленина, вызвали в партии неоднозначную реакцию.

Попытки Ленина повлиять на ситуацию внутри партии и страны – последние статьи и письма; ленинизм как проявление волонтеризма в идеологии и практике; поражение Ленина?

За последние тридцать лет в СССР и России было опубликовано значительное количество работ, посвященных последним годам жизни и деятельности В.И. Ленина. Особенно заметными в этом отношении являются ряд работ, опубликованных в годы «перестройки» и начале 1990-х гг.

В данной работе сделана попытка выделить такой аспект ленинской теории и практики, как волонтеризм.

В чем проявился волонтеризм Ленина и практики «ленинизма»?

Прежде всего в том, что Ленин, как впрочем, и другие лидеры РКПб – ВКПб, исходил из примата общественной надстройки над базисом. В качестве аргумента приведем некоторые цитаты из ленинских работ, отражающих его понимание революции, а также соотношения базиса и надстройки.

Вот цитата из одной из ранних работ В.И. Ленина: «Буржуазное развитие России к 1905 году было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленной ломки устаревшей надстройки — устаревшего, средневекового землевладения...»². В этой работе В.И. Ленин, утверждая «капиталистическую зрелость» России начала XX века, еще придерживается, по крайней мере, внешне, марксовой диалектики соотношения базиса- надстройки.

Однако в дальнейшем взгляды Ленина претерпевают быструю трансформацию. Так, в работе «Новые задачи и новые силы» Ленин отмечает: «...Революция есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по-своему создать новую надстройку»³. Еще одно его высказывание на данную тему: «Старая «надстройка» в революционную эпоху лопается, а новая создается у всех на глазах самодеятельностью различнейших социальных сил, показывающих на деле свою истинную природу... Пока не сметена прочь старая, прогнившая надстройка, заражающая весь народ своим гниением, — до тех пор всякое новое поражение будет поднимать новые и новые армии борцов...»⁴. Это позволяет сделать вывод о том, что уже в более ранний период своей теоретической и практической деятельности взгляды В.И. Ленина на диалектическое соотношение базиса и надстройки, в котором последней отдавался приоритет, вполне сложились. Это в дальнейшем не могло не оказать решающего воздействия на всю деятельность «вождя международного пролетариата» и практику большевизма, в каких бы формах она не проявлялась.

Логическим завершением эволюции таких взглядов В.И. Ленина на революцию и соотношение надстройки и базиса стала его знаменита статья «О нашей революции». По поводу записок Н. Суханова», опубликованная в 1923 году. В ней, неохотно признав определенную правоту меньшевиков и других социалистов относительно факта незрелости России для социалистических преобразований, он открыто выражает свое убеждение в том, что «...если своеобразие обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну, в которой замешаны все сколько-нибудь влиятельные западноевропейские страны, поставило ее развитие на грани начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в такие условия, когда мы могли осуществить именно тот союз «крестьянской войны» с рабочим движением, о котором, как об одной из возможных перспектив, писал так

«марксист», как Маркс, в 1856 году по отношению к Пруссии? Что если полная безвыходность положения, удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории? Изменились ли от этого основные соотношения основных классов каждом государстве, которое втягивается и втянуто в общий ход мировой истории?

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (выд. – Ю.С.). «Для создания социализма, говорите вы, — пишет далее Ленин, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?».

Далее Ленин заявляет следующее: «Нашим Сухановым, не говоря уже о праве их стоящих социал-демократах, и не снится, что иначе вообще не могут делаться революции. Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»⁵.

Исходя из содержания приведенных фрагментов В. И. Ленина можно утверждать, что наиболее фундаментальному пересмотру в статье подверглось положение марксизма о диалектическом соотношении и взаимодействии двух составляющих дилеммы «базис- надстройка» при определяющей в ней роли базиса; здесь же утверждается возможность революционных изменений в странах с преобладанием архаичных социальных структур путем взятия государственной власти в них «партией профессиональных революционеров», действующей от имени рабочего класса и других эксплуатируемых слоев населения.

Полагаю, что последние работы Ленина были написаны на основе указанной выше установки о возможности создания нового общества, главными из которых являются наличие революционной воли и овладение властью от имени рабочего класса революционной партией; если последний не составляет численного большинства, то можно воспользоваться силами других социальных групп, предусмотрительно объявленных «революционными» и «авангардными».

Чем можно объяснить эволюцию подходов В.И. Ленина к данной проблематике? Представляется, что есть два фактора, которые могут понять движущие силы этой эволюции.

Первый – личность самого В.И. Ленина, его «революционное нетерпение», склонность к завышению буржуазного потенциала российского социума начала ХХ в. и его готовности к социалистическим преобразованиям.

Второй – объективные условия Советской России после событий 1917 года, в период 1918-1921 г, когда она осталась одна перед лицом иностранной интервенции, внутренней смуты и отсутствия мировой революции.

Второй фактор оказал сильнейшее, если не решающее воздействие на субъективные установки В.И. Ленина, искавшего выход из данных противоречий

путем усиления «диктатуры пролетариата» и роли правящей партии как ее «передаточного звена», то есть усилением «революционной надстройки».

В целом, если рассматривать данную проблему в более широком контексте, ленинский тезис логично вытекал из общего положения большевиков о возможности сознательного вторжения в ход истории; вторжения не только с целью разрешения с помощью субъективной воли объективных противоречий, порожденных «пролетарской революцией» в крестьянской (общинной, по сути), стране с господством архаичных социальных структур, но также из установки на сознательную перестановку стадий объективного развития общества.

Последние работы В.И. Ленина, упомянутые выше, прежде всего его «Письмо к съезду», необходимо рассматривать именно в таком ключе, если мы хотим усвоить логику их автора и логику большевизма в целом.

«Письмо к съезду», написанное Лениным, явилось попыткой воздействовать на ход внутрипартийных дискуссий; на борьбу партийных лидеров, прежде всего, Троцкого и Сталина, за власть в партии и государстве в условиях, когда другие социальные группы уже не могли повлиять на расстановку внутри партийных сил. В условиях реального господства бюрократического аппарата в обществе оно стало последней отчаянной попыткой Ленина изменить ситуацию посредством изменений в надстройке, путем пополнения правящего аппарата новыми людьми «из народа», прежде всего, из рабочего класса и крестьянства.

Основным положением указанных ленинских работ было стремление к сохранению политического господства правящей партии РКП (б) как «носительницы власти рабочего класса и трудового крестьянства» и «единственной силы, осуществляющей пролетарскую политику».

При этом Ленин не эксплицитно, но достаточно явно отмечает тот удивительный факт, что «пролетарскую политику» осуществляла не сам пролетариат, как субъект революции, а тонкий слой правящей «старой гвардии», партийных вождей, что делало единство партии, с точки зрения Ленина, особо важным элементом партийной политики⁶. Т.о., Ленин вновь подчеркивает решающее значение субъективного и надстроичного фактора в строительстве «социалистического общества» в условиях недостаточного развития материальных предпосылок в базисе. Эта установка становится одним из краеугольных принципов учения и принципов организации партийного и общественного управления, получивших в дальнейшем название «ленинизма».

Вопрос, однако, заключается в другом: насколько большевикам в целом, и Ленину в частности, удалось добиться поставленных целей в плане переустройства российского общества на социалистических началах? Или, говоря иначе, насколько «революционно субъективное» смогло реально изменить «контрреволюционно объективное»? Еще один вопрос: насколько Ленину удалось повлиять на ситуацию в партии и стране в том ключе, который он рассматривал как наиболее желательный с его собственной субъективной позиции и с точки зрения «строительства социализма» в крестьянской стране?

Дальнейшая история СССР и стран так называемого «реального социализма» доказывает тот факт, что объективно развитие этих стран шло в направлении, противоположном заявленному Лениным и большевиками.

К числу доказательных аргументов, подтверждающих высказанное утверждение, относится усиление объективного фактора закона стоимости в экономике СССР и других «социалистических» странах и товарности их экономик («социалистический рынок»); их все большее вовлечение в международное, то есть капиталистическое разделение труда; процесс

классогенеза в обществах этих стран, приведший, в конечном итоге, к образованию нового правящего класса с подчиненной ролью всех остальных классов и групп; усиливающееся отчуждение непосредственных производителей от средств производства и результатов труда и ряд других факторов.

Одним из самых поразительных свидетельств поражения практики большевизма является крах попытки найти решение национального вопроса во всех многонациональных странах, называвшихся своим руководством «социалистическими».

Что же касается «политического завещания» В.И. Ленина, то с учетом всего сказанного, можно также отметить крах ленинской политики во всех ее аспектах, взяв в качестве доказательства два исторических факта: ни Советская Россия (СССР), ни одна из стран «реального социализма» не стали «обществом цивилизованных кооператоров», даже несмотря на попытки некоторых правящих партий местных большевиков ввести волевым, то есть волонтиаристским путем, общественное устройство подобного типа (пример Югославии); ни СССР, ни какая иная страна «реального социализма» не стали бесклассовыми обществами и даже не приблизились к ним, превратившись, наоборот, в общества с новым, резко очерченным классовым разделением.

¹ Ленин В.И. О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова; Письмо к съезду; О кооперации; Как нам реорганизовать РАБКРИН; Лучше меньше, да лучше; Страницы из дневника и др. // Полн. собр. соч. Т. 47.

² Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову, 16 декабря 1909 г.—Полн. собр. соч. Т. 47. С. 230.

³ Ленин В. И. Новые задачи и новые силы. Там же. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 304.

⁴ Ленин В. И. Революция учит. Там же. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 134.

⁵ См. прим. 1; Ленин В.И. Последние письма и статьи. М. 1984.

⁶ Там же.

Б.Ф. Славин (Москва)

Национальный вопрос и образование СССР в понимании Ленина и Сталина

В 1922 году в политике РКПб на одно из первых мест вышел национальный вопрос, непосредственно связанный с образованием СССР. Острота этого вопроса вытекала из ошибочной национальной политики, которую, во время болезни Ленина, начал проводить И.Сталин, став Генеральным секретарем партии. По мнению Ленина, ошибки в национальном вопросе, прежде всего, определялись неправильным пониманием принципа интернационализма, которое допускал Stalin и его ближайшее окружение. В итоге национальный вопрос стал причиной острого конфликта Ленина со Сталиным в последние годы жизни основателя советского государства.

Возглавляя наркомат по делам национальностей и, считая себя специалистом в национальном вопросе, Stalin был решительным противником ленинского плана образования СССР, основанного на равноправии и добровольном вхождения в Союз независимых национальных республик. Он считал, что Ленин, говоря о равноправии республик, входящих в будущий Союз, проявляет по отношению к ним своеобразный «национальный либерализм». Он был убежден, что Союз следует строить по принципу автономного вхождения этих республик в состав РСФСР и их прямой подчиненности российскому центру.

По Ленину эта идея «в корне была не верна и несвоевременна»¹. Она порождала националистические настроения на местах, способствовала недоверию и дистанцированию от центра национальных республик. Ленин видел в реализации сталинской идеи «автономизации» требование бюрократического российского аппарата, что могло привести и приводило на практике к прямому нарушению принципа пролетарского интернационализма.

Ленин был уверен, что сталинский план создания СССР на основе «автономизации» есть результат его торопливости, администрации и озлобления по отношению к националам вообще, и грузинским, в частности. Дело в том, что последние хотели входить в СССР на равных правах с русскими. Сталин же, считал это требование уклоном в «социал-национализм». Ленин, напротив увидел в таких обвинениях проявление великодержавного шовинизма со стороны великороссов. Он писал позднее: «Тот грузин, который...пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности»².

Такая резкая отповедь Сталину со стороны Ленина была обострена последствием инцидента, который возник между Орджоникидзе, представлявшего власть центра в Закавказье, и одним из членов грузинской компартии (Кабахидзе), которого он ударил рукой в ответ на его устное оскорбление: Орджоникидзе был назван «сталинским ишаком». Так возникло так называемое «грузинское дело», которое больше других волновало Ленина и о, котором он в конце своей жизни думал не переставая.

Всестороннее осмысление этого дела привело Ленина к тому, что он стал готовить своеобразную «бомбу», которая должна была на XII съезде партии взорвать великодержавную политику, проводимую Сталиным в национальном вопросе. Ленин напрямую связывал «грузинское дело» с игнорированием отдельными руководителями партии принципа интернационализма как основы ее деятельности во внутренней и международной политике.

Именно в оценке «грузинского дела» особенно наглядно проявились две противоположные позиции, существовавшие в то время в партии: **интернационалистская**, которую отстаивал Ленин, и **великодержавная**, которой руководствовался Сталин. Не случайно самый последний документ, продиктованный Лениным, посвящен именно этому «делу». Я имею в виду письмо к старым грузинским коммунистам П.Г.Мдивани и Ф.Е.Махарадзе, которых Сталин обвинял в национал-уклонизме. Вот его текст, написанный 6 марта 1923 года: «Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь. С уважением Ленин»³. Узнав о содержании этого письма, Сталин на следующий день информирует Орджоникидзе о том, что Ленин в этом письме «солидаризируется с уклонистами и ругает тебя, т. Дзержинского и меня. Видимо, имеется цель надавить на волю съезда компартии Грузии в пользу уклонистов»⁴.

В чем же заключалось суть этого «дела»? На первый взгляд, оно выглядело как обычный конфликт, разгоревшийся между двумя не в меру темпераментными грузинами. На самом деле все было гораздо сложнее: поводом для конфликта послужило разное понимание линии партии на Кавказе у Орджоникидзе, проводившего в жизнь установки Сталина, и у коммунистов

группы Мдивани. Возглавлявший в то время Закавказский краевой комитет РКП(б) Г.Орджоникидзе жестко осуществлял на Кавказе сталинский план объединения независимых республик в Союз на основе идеи «автономизации». Сопротивляясь осуществлению этого плана, руководство компартии Грузии на своем заседании принимает следующее решение: «Предлагаемое на основании тезисов тов. Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным»⁵.

Ленин в это время отсутствовал в Кремле по причине своей болезни, а созданная Политбюро ЦК РКП(б) комиссия для подготовки вопроса о создании Союза отклоняет резолюцию руководства компартии Грузии и принимает за основу образования Союза план Сталина. Ознакомившись с решением этой комиссии, Ленин пишет письмо Л.Каменеву для членов Политбюро, в котором решительно выступает против сталинской идеи «автономизации» и предлагает совершенно иной путь создания СССР на основе равноправия и сохранения независимости республик. Для него важно, чтобы «мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимости, а создавали еще *новый этап*», федерацию равноправных республик»⁶.

Тем не менее, Сталин, явно не понимая интернационалистской сути плана образования СССР, предложенного Лениным, выступает против его критики проекта автономизации. Как уже отмечалось, обвиняя Ленина в «национальном либерализме», он одновременно доказывает ненужность двух ВЦИКОв в будущем Союзе: российского и союзного. При этом он требует, в частности, от Каменева «твердости против Ильича». Как бы отвечая Сталину, Ленин пишет: «Т. Каменев! Великодержавному шовинизму объявило бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди

Русский

Украинец

Грузин и т.д.

Абсолютно!». Ваш Ленин»⁷.

Такая решительная позиция Ленина привела к тому, что Октябрьский Пленум ЦК, рассматривающий проект создания Союза, встал на ленинскую точку зрения, отказался от идеи «автономизации» и осудил проявления великодержавности со стороны Сталина. Вот как итоги этого Пленума характеризовал Мдивани: «Сначала (без Ленина) нас били по-держимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин после нашего с ним свидания и подробной информации, дело повернулось в сторону коммунистического разума... Принят добровольный союз на началах равноправия», и «удушающая атмосфера против нас рассеялась...»⁸.

Однако после этого Пленума конфликт между группой Мдивани и Орджоникидзе вспыхивает с новой силой. Камнем преткновения стал вопрос о том, как Грузия должна входить в Союз: через Закавказскую Федерации или самостоятельно, напрямую. Орджоникидзе настаивал на первом варианте, группа Мдивани - на втором. Начались взаимные обвинения в национализме и в великодержавном шовинизме. В этой атмосфере и состоялся инцидент с рукоприкладством Орджоникидзе. В итоге большая часть ЦК КП Грузии подала в отставку и обратилась в ЦК РКП(б) с жалобой на Орджоникидзе. В конце ноября Политбюро приняло решение направить в Грузию комиссию во главе с

Ф.Дзержинским. 12 декабря 1923 года Дзержинский доложил Ленину результаты работы комиссии, которые сводились к следующему выводу: линия Закавказского бюро и Орджоникидзе «вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной». Таким образом, комиссия Дзержинского, которая должна была внимательно и всесторонне изучить это «дело», фактически оправдывала рукоприкладство Орджоникидзе и его политику на Кавказе.

Грузинский конфликт и данный вывод комиссии Дзержинского глубоко потрясли Ленина, отрицательно повлияв на его здоровье. Узнав после разговора с Дзержинским о таком исходе конфликта, Ленин решает непосредственно вмешаться в него, несмотря на резкое ухудшение его здоровья. Позднее он скажет своему секретарю Л.Фотиевой: «Накануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об «инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло»⁹. Одновременно он продолжал борьбу со Сталиным, сделав из сложившейся ситуации в Грузии далеко идущие выводы. В итоге он полностью изменяет план образования СССР, представленный Сталиным и предлагает собственный план его создания, который основывается на полном равенстве прав каждой независимой республики, желающей вступить в Союз. Он предлагает «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»¹⁰. По его мнению, нужно сделать все для того, чтобы устранить любые несправедливости со стороны большой нации по отношению к нации маленькой, чтобы в условиях революционного пробуждения Востока, самим не попадать «хотя бы даже в мелочах, в империалистические отношения к угнетаемым народностям»¹¹.

Несмотря на свою обострившуюся болезнь и невозможность выступить на съезде Советов, где в то время создавался Советский Союз, Ленин пишет свою знаменитую работу «К вопросу о национальностях или об «автономизации», в которой дает политическую оценку «грузинскому делу», осуждает поведение Орджоникидзе и его рукоприкладство как злоупотребление властью и проявление великодержавного шовинизма. «Орджоникидзе, - писал Ленин, - не имел права на ту раздражимость, на которую он и Дзержинский ссыпались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый в «политическом» преступлении»¹².

Ленин считал: «грузинское дело» показало, что многие руководители партии не разобрались в национальном вопросе и не поняли сути пролетарского интернационализма. В свою очередь, он подробно показывает, как эти вопросы следует понимать. По его мнению, надо отличать «национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной», национализм большой нации и национализм нации маленькой», что по отношению ко второму национализму «почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того - незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений». Из этого Ленин делает вывод, что для пролетарской солидарности надо максимум доверия со стороны инородцев, а этого можно достигнуть лишь хорошим отношением, компенсирующим недоверие и обиды, которые им были нанесены в прошлом правительством «великодержавной» нации¹³.

В практическом плане Ленин потребовал «примерно наказать тов. Орджоникидзе», «доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются. Политически -

ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского»¹⁴.

Однако на этом «грузинское дело» не заканчивается. Stalin втайне от Ленина проводит заседание Политбюро, где утверждает ошибочные выводы комиссии Дзержинского и рассыпает соответствующее письмо низовым организациям партии. Ленин, в свою очередь, создает свою комиссию по грузинскому вопросу и просит предоставить ему соответствующие материалы комиссии Дзержинского. Stalin отвечает, что без решения Политбюро материалы «дать не может»¹⁵. Узнав об этом, Ленин заявляет, «что будет бороться за то, чтобы материалы дали»¹⁶. В итоге 1 февраля 1923 года Политбюро разрешает их выдать Ленину. Получив необходимые документы, секретари Ленина обнаруживают в них отсутствие заявления потерпевшего. После соответствующего выяснения от Сталина получен ответ: оно «пропало».

Создав из секретарей свою комиссию для изучения поступивших материалов, Ленин предлагает ей определенные вопросы для анализа. Среди них: физические способы подавления («биомеханика»), линия ЦК РКП(б) в отсутствие Ленина и при нем, рассмотрение комиссией Дзержинского обвинений как против ЦК КП Грузии, так и против Закрайкома и др. (См.: там же, с.606-607). Через три недели секретари Ленина представляют результаты своей работы и выводы, о которых почти не говорилось в печати. В частности, они показали, что начиная со второй половины 1922 года произошло изменение курса ЦК РКП(б) по грузинскому вопросу. Если до болезни Ленина ЦК придерживалось линии, сформулированной Лениным в его письме от 14 апреля 1921 г., где Ленин предлагал грузинским товарищам не применять у себя «русского шаблона», проявлять больше «уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству», то после заболевания Ленина эта линия изменилась. ЦК КП Грузии был обвинен в «националистическом уклоне». Этот уклон Stalin объяснял тем, что грузинские коммунисты «сделали фетиш из тактики уступок, между тем как теперь время не политических уступок, а наоборот, политического наступления».

Исходя из этого сталинского тезиса, ЦК РКП(б) поддерживал все действия Закрайкома, которым руководил Орджоникидзе, допускавший администрирование и грубость по отношению к членам ЦК КП Грузии. В частности, расходясь с грузинскими коммунистами по вопросам вхождения Грузии в Закавказскую федерацию и СССР, он требовал беспрекословного подчинения себе, допускал «площадную ругань» и грозил репрессиями старым работникам компартии Грузии. Орджоникидзе снял авторитетного коммуниста Окуджаву с поста секретаря ЦК грузинской компартии и обещал, в случае несогласия с ним, «разгромить всю партию и создать новую из молодых». Считая себя «резким человеком в проведении политической линии партии», он допускал «случай рукоприкладства» и «запугивания при голосовании» и т.п. Грузинские коммунисты обвиняли Орджоникидзе в «шовинизме» и «держимордовстве», применении «методов военного коммунизма». Они цитировали слова Орджоникидзе, который, повторяя Сталина, утверждал, что будет «каленым железом выжигать остатки национализма». К сожалению, комиссия Дзержинского не придала всем этим фактам должного значения. В своем заключении комиссия, созданная Лениным, констатировала, что вопрос о разногласиях в компартии Грузии носит «характер политический и должен быть выдвинут на предстоящем съезде компартии».

Параллельно с работой секретарей по изучению материалов «грузинского дела» Ленин готовил соответствующую речь по национальному вопросу, которая

в Центральном партийном архиве отсутствует. Означает ли это, что она была в свое время кем-то изъята из бумаг Ленина? Ответа до сих пор нет. Предположение работников ЦПА о том, что ее (с их слов) не существует в природе, противоречит тому, что писал Ленин, который всегда выражался очень точно. Вместе с тем, содержание данной речи можно воспроизвести по тем ленинским запискам по национальному вопросу, которые он нам оставил в работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Проясняют позицию Ленина и следующие его слова, записанные 14 февраля 1923 г. Фотиевой: «...Намекнуть Сольцу, что он на стороне обиженного. Дать понять кому-либо из обиженных, что он на их стороне. 3 момента: 1. Нельзя драться. 2. Нужны уступки. 3. Нельзя сравнивать большое государство с маленьким. Знал ли Сталин? Почему не реагировал?»¹⁷. В этом же русле следует рассматривать и его последнее письмо грузинским коммунистам, о котором шла речь выше.

Итак, изучив материалы по «грузинскому делу», Ленин приходит к выводу, что оно во многом связано с неверной политической линией Сталина, курировавшего национальный вопрос в партии и правительстве. Учитывая это, а также другие существенные расхождения со Сталиным, в частности, по вопросу образования СССР, Ленин принимает решение обратиться к очередному XII съезду партии с решительной просьбой о «перемещении» Сталина с поста генсека.

В этой связи, следует рассматривать и его январское добавление к Письму к съезду, в котором ранее давались сжатые характеристики всем главным руководителям партии и государства, и которое могло быть, по предположению отдельных историков, непосредственной реакцией на грубое оскорбление Крупской. Вот это дополнение, о котором рядовые члены партии узнают лишь тридцать с лишним лет спустя: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или такая мелочь, которая может получить решающее значение».¹⁸

Позднее, интерпретируя это письмо, Сталин скажет, что в нем лишь указывалось на его грубость. При этом он соглашался на счет своей грубости, оправдывая ее тем, что она якобы порождена борьбой против врагов рабочего класса. Однако, это была полуправда, а правда заключалась в том, что Ленин расходился со Сталиным почти по всем основным политическим вопросам. В итоге Ленину еще до съезда удается одержать ряд внушительных побед. Он добивается существенных изменений в политике партии по вопросу о принципах образования СССР, о монополии внешней торговли, о совершенствовании функций госплана и др. Планировал он на съезде одержать победу и над генсеком Сталиным. Однако это ему не удалось, хотя и остались многие документы, показывающие, что он предпринимал для решения этого вопроса.

Вот, что об этом вспоминает Троцкий, передовая соответствующую беседу Ленина с одним из его секретарей Гляссер: «А вы не знаете, как относится к грузинскому вопросу Троцкий?» спрашивает Ленин «Троцкий на пленуме выступал совершенно в вашем духе», отвечает Гляссер, которая секретарствовала

на пленуме. «Вы не ошибаетесь?». «Нет, Троцкий обвинял Орджоникидзе, Ворошилова и Калинина в непонимании национального вопроса». – «Проверьте еще раз!» - требует Ленин. На второй день Гляссер подает мне на заседании ЦК, у меня на квартире, записку с кратким изложением моей вчерашней речи и заключает ее вопросом: «Правильно ли я вас поняла?» - «Зачем вам это?» - спрашиваю я. «Для Владимира Ильича», - отвечает Гляссер. «Правильно», - отвечаю я. Сталин тем временем тревожно следит за нашей перепиской. Но в этот момент я еще не догадываюсь, в чем дело... «Прочитав нашу с вами переписку, - рассказывает мне Гляссер, - Владимир Ильич просиял: ну, теперь другое дело! - и поручил передать вам все те рукописные материалы, которые должны были войти в состав его бомбы к XII съезду». Намерения Ленина стали мне теперь совершенно ясны: на примере политики Сталина он хотел вскрыть перед партией, и притом беспощадно, опасность бюрократического перерождения диктатуры¹⁹. Эти слова Троцкого во многом проясняют действия Ленина незадолго до его тяжелого третьего приступа болезни.

Ухудшение здоровья Ленина в начале марта 1923 г. заставило его форсировать национальный вопрос. Он пишет письмо Троцкому, в котором просит «взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем, напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему - нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия»²⁰. (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.54, с.329). Троцкий, вопреки комментаторам Полного собрания сочинений Ленина, считавших, что Троцкий отказался от предложения Ленина (см.: там же, с.674), оставляет присланные документы у себя, намериваясь выполнить просьбу Ленина. Это намерение он осуществит позднее, когда внесет свои поправки в тезисы Сталина по национальному вопросу.

Одновременно с написанием письма Троцкому Ленин пишет и передает через Л.Каменева, который едет в Тифлис для улаживания мира в грузинской компартии, копию уже цитируемого его последнего письма грузинским коммунистам. Каменев в письме к Зиновьеву пишет о том, что сделает все, чтобы добиться мира в компартии Грузии, но, по его мнению, «это уже не удовлетворит Старика (Ленина. - Б.С.), который, видимо, хочет не только мира на Кавказе, но и определенных организационных выводов наверху». (Из письма Каменева Зиновьеву от 7.03.1923 года.). Под последним Каменев подразумевает устранение Сталина с поста генсека на предстоящем съезде партии. Характерно, что об этом он говорит не только Зиновьеву, но и самому Сталину. Таким образом, «грузинское дело» должно было разрешиться на XII съезде РКП(б) восстановлением ленинской линии в национальном вопросе, снятием Сталина, наказанием Дзержинского и Орджоникидзе. Это знали практически все члены Политбюро, но этого не произошло.

Через несколько дней после написания и отправки последних писем Ленина, в его здоровье наступает резкое ухудшение. 10 марта 1923 года происходит третья, самое крупное кровоизлияние в мозг, которое лишает его возможности ходить, писать и говорить. Не надо долго объяснять, что Сталин был рад такому исходу событий. Новый приступ болезни фактически сделал невозможным выступление Ленина на XII съезде партии, а, следовательно, не могло состояться устранение Сталина от руководства партией, власть над которой он уже полностью держал в своих руках. Таким образом, последний бой Ленина, вопреки его желанию, был остановлен очередным приступом его тяжелой

болезни, во многом спровоцированным поведением его главного политического противника – Сталина (инцидент с оскорблением Крупской, ужесточение режима «изоляции» Ленина, задержка публикаций ленинских статей и др.).

В это трудное время многие соратники Ленина ведут себя далеко не лучшим образом. Не успел Каменев прибыть в Тифлис, как его настигает телеграмма Сталина. В ней говорилось, что с Лениным произошел новый удар и он не в состоянии говорить и писать. В итоге Каменев, который намеревался провести в Грузии линию Ленина, фактически реализует линию Сталина. Что касается других мер, которые предлагал Ленин для развития демократии в партии, в частности, увеличение числа членов ЦК за счет привлечения в него сознательных рабочих «от станка», были использованы Сталиным в его личных интересах и целях. В этом же русле «осуществлялись» и ленинские предложения о реформе государственных институтов. Характерным примером здесь может служить известное предложение Куйбышева с согласия некоторых членов Политбюро издать в одном экземпляре газету «Правда» с важнейшей статьей о преобразовании Рабкрина специально для больного Ленина, скрыв таким образом ее от партии и страны.

Еще при жизни Ленина начала меняться расстановка сил в руководстве РКП(б): Троцкий, с которым Ленин установил своеобразный блок в борьбе против Сталина и его ошибочной политики, фактически остается в одиночестве. Не смотря на это, ему все же удается сделать ряд принципиальных шагов для защиты соответствующих идей Ленина. Так, он оказывает свое влияние на корректировку предсъездовых документов по национальному вопросу. Публикует в газете «Правда» статью о партии с критикой «великорусского шовинизма». Пишет 28 марта 1923 года письмо в секретариат ЦК с требованием внести в протокол обсуждения грузинского вопроса его предложения не только об отзыве тов. Орджоникидзе, но и «1) констатировать, что Закавказская Федерация в нынешнем своем виде представляет собою искажение советской идеи федерации в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в грузинской компартии, не представляют собою «уклона» партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер - против неправильной политики тов. Орджоникидзе». (См.: Архив Троцкого, т. 1, с. 51). Как мы видим, эти предложения вытекают из основных идей ленинской статьи «К вопросу о национальностях или об «автономизации».

Однако они не были выполнены. На открывшемся в апреле XII-ом съезде партии против этих предложений активно выступили Сталин, Орджоникидзе, Бухарин, Енукидзе и др. Причем последний, полемизируя с Мдивани и Махарадзе, пошел на прямую ложь, говоря, что якобы в своих последних статьях и письмах Ленин утверждал, что при «правильном освещении» национальных проблем Ленин «соглашался с политикой» т. Орджоникидзе, проводимой в Грузии. После этих выступлений Мдивани и Махарадзе были осуждены, несмотря на известные слова Ленина о том, что он находится на их стороне. На съезде подвергся резкой критике и сам Троцкий. Он был обвинен в нарушении единства партии и отходе от тезисов, утвержденных ЦК по крестьянскому вопросу и промышленности, в подмене понятия «руководящая роль партии» ошибочным тезисом «диктатура партии» и др.

После XII съезда конфликт сталинской фракции и Троцкого в руководстве партии то затихал, то возникал с новой силой. Он проявил сильные и слабые стороны самого Троцкого как политика. Его близкий друг Иоффе говорил незадолго до своей смерти о том, что Троцкий, оценивая крупные исторические

события в большинстве случаев был политически прав, но в сравнении с Лениным, который боролся за свои идеи и принципы до конца, он «часто отказывался от собственной правоты», идя на «компромиссы» со своими политическими противниками. (См. Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий. 1991. Интернетверсия). И данная характеристика подтверждается многими историческими фактами. Так, исходя из ложно понятой скромности, Троцкий отказался от основного политического доклада на XI съезде партии, высказал желание «не поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек», т.е. не выступил на съезде с однозначным требованием снять Сталина с поста генсека, как того хотел Ленин. Однако, избегание Троцким прямого столкновения со своими противниками нередко оборачивалось против него самого. Так, его стремление «сохранить status quo» в руководстве партии закончилось тем, что он сам стал объектом нападения Сталина, который обвинил его в сокрытии от партии ленинских документов, переданных ему Лениным в марте 1923 года. И хотя комиссия, созданная для проверки этого обвинения, не нашла для него никаких оснований, значительный ущерб достоинству Троцкого и его авторитету был нанесен.

Таким образом, подготовленный Сталиным и его окружением XII съезд РКП(б) совершенно обошел вопрос о его устранении с поста генсека партии. Что касается оглашения ленинских записок по национальному вопросу, то они по предложению сталинского секретариата были рассмотрены в узком кругу отдельных делегаций съезда без права их не только воспроизводить, но и «цитировать». Что же касается ленинского «Письма к съезду» с его характеристикой ведущих руководителей партии и особенно Сталина, то оно, как известно, было оглашено уже после смерти Ленина сначала на закрытом заседании ЦК, а затем на XI съезде партии.

Вот что о первом оглашении ленинского Письма к съезду вспоминал технический секретарь Сталина Борис Бажанов: «Центральный Комитет собрался на закрытое заседание в Кремле. Оно проходило в одной из небольших продолговатых комнат для заседаний. Каменев сидел во главе стола и вел заседание. По левую руку от него был Зиновьев. Сталин находился на некотором расстоянии от них, у края небольшого возвышения, на котором располагался стол президиума... Он смотрел в окно, демонстрируя показное спокойствие, но чувствовалось, что отдает себе отчет: сейчас может решиться его судьба. Для Сталина это было необычно, поскольку, как правило, он умел скрывать свои чувства. В тот момент у него были все основания беспокоиться о своем будущем. Можно ли было ожидать, что в атмосфере поклонения, которым был окружен Ленин и все, что он говорил и делал, ЦК осмелится бросить вызов четкому ленинскому предупреждению о Сталине и сохранит его на посту генсека?

Однако на помощь Сталину поспешил Зиновьев. Он произнес речь, по лицемерию ни с чем не сравнимую. Центральный Комитет, сказал он, уважает каждое слово Ленина, оно для него священно. Каждый член ЦК клянется выполнять указания Ленина. Но по одному пункту, продолжал он, Политбюро счастливо сообщить, что ленинские опасения не основаны: между Сталиным и его коллегами нет никаких трений. Всем известно, говорил Зиновьев, что они сотрудничают в полной гармонии, а потому было бы лучше всего по данному конкретному пункту не принимать во внимание ленинские пожелания....

Вслед за этим выступил Каменев, предложивший оставить Сталина на посту генсека и это предложение было принято простым поднятием рук. Я считал голоса, и никогда не перестану упрекать себя за то, что не записал фамилии

воздержавшихся, их было не много. Троцкий, Пятаков и Радек проголосовали против». (См.: Альтернативы, №4, 2009, с.121).

Так, вопреки воли Ленина было принято историческое решение, во многом определившее будущее Советской страны. Отметим, что на ХIII съезде партии ленинское Письмо к съезду не обсуждалось, а его оглашение было осуществлено по отдельным делегациям съезда, что не могло повлиять на общее решение съезда. Было также решено, что в дальнейшем это письмо и другие ленинские документы, переданные съезду Н.К.Крупской, «воспроизведению не подлежат». (Ленин В.И. Полн. Собр. Соч., т.45, с.594). В итоге общественность о них так и не узнала вплоть до XX съезда партии.

Что касается больного Ленина, то, несмотря на прекращение его политической деятельности в марте 1923 года, впереди оставалось еще много месяцев его мужественной борьбы за преодоление тяжелого физического недуга. Трагедия Ленина в этот период заключалась в том, что он стал немым свидетелем того, как его революционные идеи воплощается в жизнь с точностью «до наоборот». С этим он не мог смириться, но и изменить ситуацию был не в силах: болезнь сделала свое темное дело.

Еще при жизни Ленина начался фактически раскол в руководстве правящей партии, чего он боялся больше всего. Он привел, с одной стороны, к появлению сталинской фракции («триумвирата»: Сталин, Зиновьев, Каменев), с другой, к появлению оппозиции во главе с Троцким, предложившего «Новый курс» в политике, связанный с борьбой против бюрократизма и широкой демократизацией партии и общества. Вслед за Лениным Троцкий требовал повышения роли рядовых членов партии в решении политических вопросов и строгого подчинения партийного аппарата коллективно выработанным партийным решениям. (См.: Троцкий Л.Д. Новый курс. М.: в редакции 1924 г. - Интернетверсия). По сути дела, Сталин предлагал противоположную стратегию, направленную на подчинение партии ее центральному аппарату во главе с генсеком. Оставшись вопреки желанию Ленина на посту главного руководителя партии, Сталин сделал все от него зависящее, чтобы в стране, первой вступившей на путь социалистического строительства, был создан режим, по сути дела, противоречащий этой великой исторической задаче.

¹ Ленин В.И.Полн. собр. соч. Т.45. С. 356.

² Там же. С. 360.

³ Там же. Т.54. С.330

⁴ Из письма Сталина Орджоникидзе 7.03.1923 г.

⁵ Здесь и ниже цитируются информация и выводы ленинской комиссии, изучавшей «грузинское дело», хранящееся в бывшем архиве ЦПА при ЦК КПСС, ныне РГАСПИ: Фонд 5. Оп.2. Д.32,33.

⁶ Там же. Т.45. С.212.

⁷ Там же. С.214.

⁸ Из письма Мдивани и Кавтарадзе 8.X.1922 г.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С.476, 596.

¹⁰ Там же. С.361-362.

¹¹ Там же. С.362.

¹² Там же. С.358.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С.361.

¹⁵ Там же. С. 477.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С.607.

¹⁸ Там же. Т.45. С.356.

¹⁹ Троцкий Л.Д. Болезнь Ленина – Интернет-версия.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.54, с.3

Д. И. Рублёв

Годы становления СССР и НЭП: взгляд анархистов

Проблема оценки анархистами преобразований НЭПа вплоть до настоящего времени не получила освещения как в работах исследователей анархистского движения, так и в трудах, посвященных политической истории нашей страны 1920-х – 30-х гг. В близкой нашей теме работе А.В. Шубина проблема затронута эпизодически – в связи с оценкой отдельными теоретиками интеллигентии, как правящего класса СССР 1920-х гг¹. Между тем, как показывают данные обзоров Информационного отдела ОГПУ и публикаций ряда исследователей, в 1923 – 1925 гг. анархистское движение переживало подъём, остановленный массовыми арестами 1924 – 1926 гг. Период 1926 – 1934 гг. стал временем разгрома движения в СССР в результате репрессий властей². Полноценное изучение анархистского движения в СССР 1920-х, как и анархистской эмиграции этого периода, невозможно без осмыслиения предпринятого анархистами анализа политики руководства ВКП(б) и социально-классовой сущности советского государства.

Источниковую базу исследования составила публистика анархистов. Материалы, относящиеся к выходившим в СССР (до 1922 г.) в условиях цензуры легальным анархистским журналам («Почин»), отличаются весьма сдержаным, хотя и критическим тоном в отношении политики ВКП(б). Для материалов анархистов-эмигрантов (статьи в журналах «Анархический вестник», «Голос труженика», «Дело труда», «Освобождение профсоюзов», «Рабочий путь» и др.), характерны откровенные и жёсткие оценки советской действительности. Одна из центральных аналитических работ анархистов – «Большевистская диктатура в свете анархизма»³, представляет собой плод творчества находившихся в СССР анархистов (А.А. Борового и, отчасти, В.В. Бармаша), изданный эмигрантами из группы «Дело труда» в Париже. До этого книга, как самиздат, распространялась среди анархистов Москвы⁴. Важно что с этими материалами были знакомы не только русские эмигранты и анархисты на территории СССР, но и участники международного анархистского движения. Таким образом, данный в них анализ преобразований руководства СССР влиял как на действия находившихся на территории Советского Союза активистов, так и отношение к СССР участников международного анархистского движения.

В целом для работ анархистов характерно рассмотрение НЭПа в контексте «реакции мировой буржуазии» начала 1920-х. Учитывались капиталистические элементы политики большевиков в этот период (поощрение частной торговли и частной собственности), сопровождавшиеся ликвидацией демократических свобод, установлением контроля над обществом со стороны спецслужб, репрессиями против оппозиционных социалистических сил, превращением профсоюзов и кооперативов в приданки государства⁵. Косвенным подтверждением «реставраторского» в отношении капиталистических порядков характера большевистского режима служил факт признания РКП (б) «партией порядка и твёрдой власти» со стороны националистических элементов, выразившийся в идеологии «сменовеховства»⁶. В связи с этим на страницах

анархистских изданий появляются определения политической системы СССР, как фашистской диктатуры⁷. Параллели между режимом Б. Муссолини и диктатурой И.В. Сталина стали характерны для работ анархистов (в том числе теоретиков международного масштаба А. Борги, В. Волина) и близких революционному синдикализму, «коммунистов рабочих советов» (О. Рюле)⁸. Ряд авторов (П.А. Аршинов, жившие в СССР А.М. Аatabекян и А.А. Боровой) ограничивались констатацией диктаторского характера большевистского режима, при котором власть находится в руках возглавляемой вождём иерархически построенной партии, превратившей советы и органы экономического управления в свои «филиальные отделения» и опирающейся на террор спецслужб (ВЧК, ГПУ)⁹.

Экономическая система СССР оценивалась, как «государственно-капиталистическая», при которой государство - главный собственник средств производства, диктуя экономические отношения своим контрагентам в лице общинно-крестьянских и частно-капиталистических хозяйств. Основными признаками, определяющими капиталистический характер советской экономики считались “антагонистические формы социальных отношений”: эксплуатация труда наёмного работника государством, безработица, ликвидация независимости профсоюзов от государства-работодателя, «образование привилегированных паразитических групп, выполняющих исключительно функции надзора и охраны», экспроприация в форме «заготовительных операций» продуктов крестьянского труда¹⁰. Ряд теоретиков анархизма, живших в СССР (например, И. Хархардин) характеризовали советскую экономическую систему как «государственный социализм», более прогрессивный чем капиталистический строй¹¹.

Если говорить о социально-классовой сущности СССР 1920-х, господствующим классом анархисты признавали «умственных работников», интеллигенцию. Её верхушка, сосредоточившая в своих руках власть в СССР - «руководители русской промышленности и торговли», а также «государственные, партийные и профсоюзные бюрократы»¹².

НЭП анархисты характеризовали, как попытку большевиков удержать власть в ситуации экономической разрухи, массовых народных восстаний, давления капиталистических стран. Эта проблема была решена путём уступок буржуазии и крестьянству при частичном освобождении частной инициативы в экономике от государственных ограничений¹³. П.А. Аршинов утверждал ссылаясь на одно из выступлений В.И. Ленина на IV конгрессе Коминтерна, что уже с 1918 года верхушка большевиков стремилась перевести экономику страны на рельсы «государственного капитализма», но, учитывая настроение масс, было вынуждено эксплуатировать революционные лозунги. Лишь к 1921 г., укрепив государственный аппарат и усмирив народные массы, оно осуществило эти замыслы. Утверждая, что в экономике «комвласть» изначально подавляла «социалистический элемент», он указывал на ликвидацию большевиками попыток социализации промышленности, проводившихся на началах самоуправления трудовых коллективов¹⁴. Требования кронштадтских и крестьянских повстанцев, оценивались Аршиновым, как «возвращение к Октябрю» через реализацию лозунгов власти Советов, производственного самоуправления, социализации земли и промышленных предприятий¹⁵.

В оценках аграрной политики большевиков I половины - середины 1920-х преобладала точка зрения о курсе партии на поддержку зажиточного крестьянства. С этой точки зрения оценивался провозглашённый руководством РКП(б) курс «лицом к деревне», трактуемый, как использование зажиточных крестьян в качестве инструмента контроля государства над деревней¹⁶.

Создававшиеся под покровительством советской власти колхозы и совхозы оценивались, как государственные предприятия с наёмным трудом. Уровень их производительности признавался «невысоким»¹⁷. Курс на объединение индивидуальных крестьянских хозяйств, провозглашённый во второй половине 1920-х, воспринимался в духе вытеснения в эти структуры разорённого в конкуренции с зажиточными хозяйствами маломощного крестьянства. В конце 1920-х напротив, среди анархистов преобладала точка зрения об ориентации советского руководства на укрепление середняческих хозяйств через регулирование ставок сельхозналога. Поскольку «в данных условиях рост производительных сил деревни есть рост её верхушки, её кулацких элементов», по мнению анархистов деревни есть верхушки, её кулацких элементов, по мнению анархистов руководству ВКП(б) не оставалось иного курса, кроме поддержки устремлений бедняков и середняков к превращению своих хозяйств в кулацкие¹⁸.

В работах аналитиков от анархизма большое внимание уделялось критике системы «ножниц», сложившейся в советской экономике системе расхождением между: 1) ценами на сельскохозяйственную и промышленную продукцию; 2) объёмами производства промышленной продукции и отчуждаемых у крестьян товаров; 3) объёмами производимой и потребляемой продукции. Общей для анархистов характеристикой экономической политики советского государства стала констатация нарушения «естественных пропорций» хозяйства, связанного с ориентацией на индустриализацию при поиске средств на её проведение за счёт сельского хозяйства¹⁹. Виновником ухудшения экономической ситуации признавалось руководство страны. В частности, указывалось на противоречие в работе советских плановых органов, вызванное необходимостью сочетать «частно-хозяйственные стихии» с «государственно-плановым обобществлённым сектором». Другим опасным противоречием считалось разногласие между реальными потребностями экономики, с одной стороны, а с другой - целями и задачами экономического строительства, зависимыми от условий политической конъюнктуры и идеологических догм правящей партии²⁰. В связи с этим основной и первоочередной задачей экономической политики отдельными анархистами признавалось «снижение отпускных цен промышленности», как главное условие усиления товарности сельскохозяйственных заготовок²¹. Безболезненность этой меры для интересов промышленности, по мнению анархистов, должно было обеспечить «снижение себестоимости» при рационализации производства. Курс на индустриализацию был подвергнут критике также за ориентацию лишь на развитие тяжёлой промышленности при том, что рост в период НЭПа наблюдался в лёгкой индустрии, связанной с местными потребительскими рынками и дополнявшейся традиционным кустарным сектором²².

Политика советского руководства в области трудовых отношений характеризовалась как наступление бюрократии и буржуазии на гарантии прав трудящихся. В числе стандартных мер здесь приводились: понижение заработной платы, повышение норм выработки, ужесточение дисциплины, введение на предприятиях системы организации труда по Ф. Тейлору, установление неоплачиваемого ученичества. Немаловажным фактором успеха подобной политики признавалась ликвидация самоуправления на предприятиях и сосредоточение власти в руках бюрократии²³. Объектом острой критики анархистов стало внедрение алкоголя в рабочую среду, рассматривавшееся в качестве одного из важных средств накопления государственного бюджета. Кампания по борьбе с самогоноварением воспринималась с этой точки зрения, как стремление государства ликвидировать конкурента в борьбе за доходы от торговли алкогольными напитками²⁴.

Весьма неоднозначной была оценка идеологических кампаний и показательных судебных процессов конца 1920-х. В центре внимания анархистов оказались «Шахтинское дело» (18.05. - 6.07.1928) и инициированная ЦК ВКП(б) в постановлении от 3.06.1928 «Кампания по самокритике». Анархо-синдикалисты оценивали эти события, как административную чистку, направленную на снижение недовольства рабочих ценой репрессий против «белых спецов»²⁵. Лидер платформистов П.А. Аршинов, находившийся в пленах своих представлений о роли интеллигенции в СССР, напротив, воспринял эти события как отражение классовой борьбы между стремящимся защитить оставшиеся завоевания Октября 1917 года рабочим классом и, в лице «спецов» - интеллигенцией, стремящейся в союзе с мировой буржуазией путём заговоров уничтожить достижения революции²⁶.

Анархистские публицисты дали оценки позициям фракций в ВКП(б). Курс И.В. Сталина характеризовался, как компромисс между платформами троцкистов и сторонников Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова. Своей вероятной опорой в партии анархисты считали сторонников «синдикалистского» течения в РКП(б) («Рабочей оппозиции» и группы Г.И. Мясникова), предполагая их возможную эволюцию к идеям анархизма²⁷.

Анархистскими публицистами были даны прогнозы дальнейшего развития СССР. Здесь доминировала точка зрения о становлении капиталистического строя по модели стран Западной Европы. Подчёркивалась непрочность большевистского режима в связи с тем, что поддержка его со стороны многих представителей интеллигенции, офицерства, молодёжи, рабочих, имеет, во многом, карьеристские мотивы²⁸.

Основные альтернативы НЭПу, сформулированные анархистами в 1920-е гг. можно дифференцировать, как революционную, направленную на ниспровержение «государственного капитализма» и «альтернативистскую», предполагавшую мирное развитие кооперативного анархистского сектора экономики в рамках НЭПа. Сторонники первой (анархо-синдикалисты и «платформисты») связывали свои надежды с возрождением в СССР рабочего и крестьянского движений вследствие нарастания межклассовых противоречий между буржуазией и советской бюрократией, с одной стороны, и рабочим классом и крестьянством — с другой²⁹. Для легальной части анархистов СССР, сохранивших возможность открытой пропаганды в 1921 — 1922 гг. (их наиболее ярким представителем был идеолог анархо-кооперативного и синдикалистского течения А.М. Атабекян) характерна ориентация на «альтернативистскую» стратегию.

Таким образом, осмысление анархистскими публицистами 1920-х преобразований периода НЭПа характеризуется ориентацией на поиск перспектив движения общества к анархо-коммунистической модели общественного устройства. Для их работ характерны как связь с контекстом той эпохи (наступление реакции на революционное движение в странах Европы и Америки 1920-х), так и опора на догмы, сложившиеся в идеологическом пространстве российского анархизма. Среди них — идея о формировании в СССР независимого профсоюзного движения и анархистского кооперативного сектора, оказавшиеся нереалистичными. Таковы и унаследованные от предшественников — российских анархистов 1900-х,³⁰ представления об интеллигенции, как правящем классе «государственно-социалистического» общества, создавшие неверные представления о социальной структуре СССР. Безусловно, социально-

экономическая и политическая ситуация периода НЭПа в СССР, несмотря на отмеченные анархистами частично верные тенденции, была гораздо более сложной и противоречивой. И всё же, изученный материал позволяет сделать вывод, что в среде анархистских групп СССР и русских эмигрантов-анархистов Европы и Америки, проходило активное осмысление Новой экономической политики и социально-политического строя СССР в годы его становления как государства.

¹ Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917 – 1939. М. 1998. С. 121 — 122.

² Дубовик А.В. Анархическое подполье в Украине в 1920 — 1930-х гг. Контуры истории // <http://socialist.memo.ru/books/html/dubovik3.html>; Леонтьев Я.В., Быковский С.М. Из истории последних страниц анархо-движения в СССР: дело А. Барона и С. Рувинского (1934 г.); Пётр Алексеевич Кропоткин и проблемы моделирования историко-культурного развития цивилизации. Спб. 2005. С. 151 — 171; Орден российских тамплиеров. М. 2003 Тт. 1 — 2; Разумов А. Памяти юности Лидии Чуковской // Звезда. 1999. № 9; Яручкий Л.Д. Махно и махновцы. Мариуполь. 1995; «Совершенно секретно». Лубянка — Сталину о положении в стране (1922 - 1934). Т. 1. Часть 2. М. 2001. С. 668, 876, 899 — 900, 920, 944, 970; Т. 2. С. 31, 49 — 50, 66, 83, 104 — 105, 131, 153, 181, 209, 239 — 240, 271 — 272, 294, 308 — 309, 397 — 399; Т. 3. С. 46, 132, 190, 243 — 244, 306, 370, 463; Т. 3. Ч. 2. С. 589, 663, 723; Т. 4. Ч. 1. С. 44, 114, 188, 249 — 250, 320, 389, 465, 549 — 550, 642 — 643, 727 — 728, 828, 933 — 934.

³ Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти. Париж. 1928.

⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Ед. хр. П-27002. Л. 162, 164.

⁵ Мрачный М. [Клаванский] Первое мая // Рабочий путь. № 2 — 3. Апрель — май 1923. С. 1 — 2.

⁶ Современное положение в России // Анархический вестник. № 7. Май 1924. С. 31.

⁷ Вести из СССР. Положение в России // Анархический вестник. № 2 Август 1923. С. 52.

⁸ Борги А. Фашистско-большевистское родство // Рабочий путь. № 2 — 3. Апрель — май 1923. С. 7; Voline. Le Fascisme rouge // Itinéraire. 1996. № 13. Р. 46—50; Рюле О. Борьба против фашизма начинается с борьбы против большевизма. Будапешт. 2005.

⁹ См., например: Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 31 — 33.

¹⁰ Аршинов П.А. Крестьянство в России // Дело труда. № 2. Июль 1925. С. 1; Г.Н.

Политические последствия нэпа // Анархический вестник. № 5 — 6. Ноябрь — декабрь 1923. С. 29 — 30; Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 26 — 27, 33 — 35.

¹¹ К положению анархистов в России // Почин. № 10. 1922. С. 8; Шубин А.В. Ук. соч. С. 120.

¹² Лазаревич Н. Наша цель // Освобождение профсоюзов. Ноябрь 1928. № 1. С. 1; К XI-ой годовщине октябрьской революции // Освобождение профсоюзов. 1928. № 1. С. 2; аналогичный подход к проблеме правящего класса СССР со стороны И. Хархардина и П. Аршинова см.: Шубин А.В. Ук. соч. С. 120 — 121.

¹³ Аршинов П.А. Крестьянство в России. С. 33 — 35; Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 34.

¹⁴ Аршинов П.А. Хозяйственная политика большевизма // Анархический вестник. № 3 — 4. Сентябрь — октябрь 1923. С. 31, 33.

¹⁵ Володин М. «Советская деревня» // Голос труженика. № 16. February. 1926. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 14. Аршинов П.А. Крестьянство в России. С. 2.

¹⁷ Володин М. «Советская деревня». С. 14 — 15; Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 72 — 77.

¹⁸ Там же. С. 84, 85 — 86.

¹⁹ Там же. С. 45; Промышленность России в условиях нэпа // Анархический вестник. № 1. 1923. С. 46.

- ²⁰ Там же. С. 40 — 41, 43 — 44; Россия. Письма из Москвы // Рабочий путь. № 2 — 3. Апрель — май 1923. С. 14; Самокритика и рабочий класс. С. 4;
- ²¹ Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 69.
- ²² Там же. С. 50, 52.
- ²³ Самокритика и рабочий класс. С. 4.
- ²⁴ Там же. С. 3 — 4; Г.Н. О положении пролетариата в СССР // Анархический вестник. № 3 — 4. 1923. С. 34 — 36; Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 102 — 103, 123 — 124.
- ²⁵ К XI-ой годовщине октябрьской революции. С. 2, 5 - 6.
- ²⁶ Шубин А.В. Ук. соч. С. 121.
- ²⁷ К XI-ой годовщине октябрьской революции. С. 6; Современное положение в России. С. 34.
- ²⁸ Самокритика и рабочий класс. С. 5.
- ²⁹ Лазаревич Н. Ук. соч. С. 1; Мрачный М. Первое мая. С. 1 — 2.
- ³⁰ См. подробнее: Рублёв Д.И. Проблема «интеллигенция и революция» в анархистской публицистике начала XX века // С. 166 — 173.

Е.В. Чернышева (Челябинск)

Советская власть и земские служащие (некоторые вопросы историографии проблемы)

Изменения в российском государстве в октябре 1917 г. неизбежно повлияли на основные черты развития отечественной историографии по проблеме земства и земской интеллигенции. Они носили всеобъемлющий характер и одновременно затронули методологию, источниковедческую базу и проблематику изысканий. Прежде всего, резко сократилось количество публикаций, по сравнению с дореволюционным периодом, в которых затрагивались вопросы, связанные с рассмотрением истории земской интеллигенции. В тех работах, которые вышли в свет в годы гражданской войны и в начале 1920-х гг. на территории Советской России, объектом рассмотрения стала, прежде всего, практическая сторона деятельности земских служащих, традиции и опыт их работы в области начального и внешкольного образования, медицины, в меньшей степени статистики и агрономии. Это было связано с развалом организованной школы и медицинской помощи населению в условиях войны и разрухи, и поисками оптимального варианта достижения всеобщей грамотности и борьбы с эпидемиями¹.

Одной из специфических черт развития отечественной исторической науки после 1917 г. стала зависимость советского исследователя от внешних факторов, определяющую роль среди которых играли контроль государственных органов, вторгавшихся в научную деятельность, оценка руководителями партии и правительства тех или иных сюжетов истории и ее деятелей, приобретавшая нормативный характер. В этой связи укажем на одно важное обстоятельство — разработка историй земских служащих в советской историографии оказалась в лучшем положении, чем история самого земства, изучение которого в советской исторической науке было заморожено вплоть до середины 1950-х гг. Главная заслуга в этом принадлежала В.И. Ленину, который оценил роль земских служащих в практической деятельности земств как выдающуюся и указал на их бесправное положение в условиях самодержавия². Следуя этой характеристике, авторы даже самых одиозных работ о земстве считали необходимым сделать реверанс в сторону земских служащих³.

Немаловажным был и тот факт, что в период борьбы за власть большевики рассматривали земских служащих, особенно, самую массовую и малообеспеченную их часть — учителей, как один из объектов своих политических манипуляций и обращались к ним в своих прокламациях⁴. В рядах самой земской интеллигенции были деятели, разделявшие уже с 1890-х гг. марксистскую идеологию и участвовавшие в революционном движении на стороне большевиков. Среди них Н.А. Семашко, С.И. Мицкевич, З.П. Соловьев, С.П. Серела, А.Д. Цурюпа. Именно они стали впоследствии костяком первого поколения советских историков, создававших новую историю земской интеллигенции на основе марксистско-ленинской методологии.

В 1918 г. и позднее, когда победа большевиков стала очевидной, на сторону советской власти перешло значительное число бывших земских служащих и ранее исповедовавших социалистическое мировоззрение, правда, больше в народнической интерпретации, но осознавших свои «заблуждения». Они посчитали возможным сотрудничать с новой властью на условиях участия в созидательных научных и культурных мероприятиях, инициированных ею. Пока не сформировалась новая советская интеллигенция, большевики принимали таких «спецов», используя их опыт и знания в деле организации медицинской помощи, народного образования, статистики, и не препятствовали публикации их научных работ и политически корректных воспоминаний.

Для формирования интеллектуальных приоритетов советских историков большое значение имело сложившееся в рамках советской политической культуры убеждение, что крупные социальные проблемы были решены создателем первого социалистического государства рабочих и крестьян и результаты их не могут подвергаться ревизии. Публикации В.И. Ленина отражавшие его отношение к земству вообще, к земскому либерализму, практическому народничеству, земской статистике — оказали огромное влияние на советскую историографию земства и земской интеллигенции. Вопросы, так или иначе связанные с деятельностью земства, отражены в более чем 30 ленинских публикациях, их рассмотрению посвящена обширная литература⁵.

В подавляющем большинстве исследований, опубликованных в советский период, главное внимание авторов было обращено на проблемы формационного развития и классового подхода как фундаментальных положений марксистско-ленинской методологии истории, а также на глубину использования в этих изысканиях произведений классиков марксизма и их интерпретацию.

В числе первых, кто освоил ленинское наследие по истории земства и активно внедрил идеи В.И. Ленина в массовое сознание, были крупные советские функционеры. Член ЦК РКП (б) Л.М. Каганович в 1923 г. в работе, посвященной строительству советского самоуправления, категорически возражал против попыток сравнивать принципы организации и деятельности Советов и буржуазных земств. Он подчеркивал, что в земствах господствовало исключительно дворянство, а в административном отношении земства подчинялись губернаторам. Из этого автор делал вывод, что сравнивать земства с советским самоуправлением нельзя, поскольку последнее «есть всеобъемлющая форма государственной власти типа Парижской Коммуны»⁶.

Анализируя состав и общественно-политическую активность земских служащих, советские ученые сосредоточивались, прежде всего, на их значимости для революционного движения в России.

- ²⁰ Там же. С. 40 — 41, 43 — 44; Россия. Письма из Москвы // Рабочий путь. № 2 — 3, Апрель — май 1923. С. 14; Самокритика и рабочий класс. С. 4.
- ²¹ Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 69.
- ²² Там же. С. 50, 52.
- ²³ Самокритика и рабочий класс. С. 4.
- ²⁴ Там же. С. 3 — 4; Г.Н. О положении пролетариата в СССР // Анархический вестник. № 3 — 4. 1923. С. 34 — 36; Большевистская диктатура в свете анархизма. С. 102 — 103, 123 — 124.
- ²⁵ К XI-ой годовщине октябрьской революции. С. 2, 5 — 6.
- ²⁶ Шубин А.В. Ук. соч. С. 121.
- ²⁷ К XI-ой годовщине октябрьской революции. С. 6; Современное положение в России. С. 34.
- ²⁸ Самокритика и рабочий класс. С. 5.
- ²⁹ Лазаревич Н. Ук. соч. С. 1; Мрачный М. Первое мая. С. 1 — 2.
- ³⁰ См. подробнее: Рублев Д.И. Проблема «интеллигенция и революция» в анархистской публицистике начала XX века // С. 166 — 173.

Е.В. Чернышева (Челябинск)

Советская власть и земские служащие (некоторые вопросы историографии проблемы)

Изменения в российском государстве в октябре 1917 г. неизбежно повлияли на основные черты развития отечественной историографии по проблеме земства и земской интеллигенции. Они носили всеобъемлющий характер и одновременно затронули методологию, источникопедическую базу и проблематику изысканий. Прежде всего, резко сократилось количество публикаций, по сравнению с дореволюционным периодом, в которых затрагивались вопросы, связанные с рассмотрением истории земской интеллигенции. В тех работах, которые вышли в свет в годы гражданской войны и в начале 1920-х гг. на территории Советской России, объектом рассмотрения стала, прежде всего, практическая сторона деятельности земских служащих, традиции и опыт их работы в области начального и внешкольного образования, медицины, в меньшей степени статистики и агрономии. Это было связано с развалом организованной школы и медицинской помощи населению в условиях войны и разрухи, и поисками оптимального варианта достижения всеобщей грамотности и борьбы с эпидемиями¹.

Одной из специфических черт развития отечественной исторической науки после 1917 г. стала зависимость советского исследователя от внешних факторов, определяющую роль среди которых играли контроль государственных органов, вторгавшихся в научную деятельность, оценка руководителями партии и правительства тех или иных сюжетов истории и ее деятелей, приобретавшая нормативный характер. В этой связи укажем на одно важное обстоятельство — разработка истории земских служащих в советской историографии оказалась в лучшем положении, чем история самого земства, изучение которого в советской исторической науке было заморожено вплоть до середины 1950-х гг. Главная заслуга в этом принадлежала В.И. Ленину, который оценил роль земских служащих в практической деятельности земств как выдающуюся и указал на их бесправное положение в условиях самодержавия². Следуя этой характеристике, авторы даже самых одиозных работ о земстве считали необходимым сделать реверанс в сторону земских служащих³.

Немаловажным был и тот факт, что в период борьбы за власть большевики рассматривали земских служащих, особенно, самую массовую и малообеспеченную их часть — учителей, как один из объектов своих политических манипуляций и обращались к ним в своих прокламациях⁴. В рядах самой земской интелигенции были деятели, разделявшие уже с 1890-х гг. марксистскую идеологию и участвовавшие в революционном движении на стороне большевиков. Среди них Н.А. Семашко, С.И. Мицкевич, З.П. Соловьев, С.П. Середа, А.Д. Цурюпа. Именно они стали впоследствии костяком первого поколения советских историков, создававших новую историю земской интелигенции на основе марксистско-ленинской методологии.

В 1918 г. и позднее, когда победа большевиков стала очевидной, на сторону советской власти перешло значительное число бывших земских служащих и ранее исповедовавших социалистическое мировоззрение, правда, больше в народнической интерпретации, но осознавших свои «заблуждения». Они посчитали возможным сотрудничать с новой властью на условиях участия в созидательных научных и культурных мероприятиях, инициированных ею. Пока не сформировалась новая советская интеллигенция, большевики принимали таких «спецов», используя их опыт и знания в деле организации медицинской помощи, народного образования, статистики, и не препятствовали публикации их научных работ и политически корректных воспоминаний.

Для формирования интеллектуальных приоритетов советских историков большое значение имело сложившееся в рамках советской политической культуры убеждение, что крупные социальные проблемы были решены создателем первого социалистического государства рабочих и крестьян и результаты их не могут подвергаться ревизии. Публикации В.И. Ленина отражавшие его отношение к земству вообще, к земскому либерализму, практическому народничеству, земской статистике — оказали огромное влияние на советскую историографию земства и земской интеллигенции. Вопросы, так или иначе связанные с деятельностью земства, отражены в более чем 30 ленинских публикациях, их рассмотрению посвящена обширная литература⁵.

В подавляющем большинстве исследований, опубликованных в советский период, главное внимание авторов было обращено на проблемы формационного развития и классового подхода как фундаментальных положений марксистско-ленинской методологии истории, а также на глубину использования в этих изысканиях произведений классиков марксизма и их интерпретацию.

В числе первых, кто освоил ленинское наследие по истории земства и активно внедрял идеи В.И. Ленина в массовое сознание, были крупные советские функционеры. Член ЦК РКП (б) Л.М. Каганович в 1923 г. в работе, посвященной строительству советского самоуправления, категорически возражал против попыток сравнивать принципы организации и деятельности Советов и буржуазных земств. Он подчеркивал, что в земствах господствовало исключительно дворянство, а в административном отношении земства подчинялись губернаторам. Из этого автор делал вывод, что сравнивать земства с советским самоуправлением нельзя, поскольку последнее «есть всеобъемлющая форма государственной власти типа Парижской Коммуны»⁶.

Анализируя состав и общественно-политическую активность земских служащих, советские ученые сосредоточивались, прежде всего, на их значимости для революционного движения в России.

Заданность тематики в значительной мере определяла источниковедческую базу исследований. В качестве важнейших источников использовались нормативные акты органов государственной власти и управления царской России, непосредственно касавшихся статуса земских служащих, а также регламентировавших хозяйственную деятельность земских учреждений. Открытые документы из архивов Министерства внутренних дел, Департамента полиции, губернских жандармских управлений помогали исследователям определить формы и степень участия земских интеллигентов в революционном движении.

Значительный комплекс данных составили источники личного происхождения. В советской России, прежде всего, издавались воспоминания представителей большевистского лагеря, а также тех, кто перешел на сторону советской власти, или, будучи участником освободительного движения, не дожил до победы революции, но свои записки. Огромное значение для советских историков имели мемуары и автобиографические работы врачей-большевиков – С.И. Мицкевича, Н.А. Семашко, З.П. Соловьева⁷.

Октябрьские события 1917 г. актуализировали проблему преемственности и разрыва в российском сообществе исследователей земской интеллигенции на уровне ценностных идеалов, средств научной и культурной коммуникации и концептуальных построений. Начало реализации в России большевистской парадигмы социализма обусловило идеологическую их борьбу с политическими противниками. В этих условиях общественные деятели, ученые и публицисты, исповедовавшие небольшевистские воззрения должны были либо открыто выражать свое несогласие с идеологией партии, чем могли навлечь на себя репрессии (физическую ликвидацию, высылку из страны и т.д.); либо вписываться в существующий политический контекст и корректировать свои взгляды. Нам удалось выделить три жизненных модели, которые избрали историки, оставшиеся после 1917 г. в советской России, и чья дореволюционная общественная и научная жизнь была тесно связана с земством.

Первый жизненный сценарий предполагал полный отказ авторов от изучения проблем, связанных с историей земства и земской интеллигенции. В этом отношении весьма показательна научная судьба Б.Б. Веселовского (1880-1954 гг.) – крупнейшего дореволюционного историка местного самоуправления, автора 4-х томной энциклопедии земства, служившей важным источником информации об организации и деятельности земств и для советских авторов. После 1918 г. он полностью отошел от разработки проблем земства и посвятил себя идеологически корректной теме – экономике городского хозяйства. В 1943 г. им была защищена докторская диссертация по экономике⁸.

После 1918 г. от общественной деятельности и земской тематики также отошли: автор последнего в царской России комплексного исследования по истории земства В.Е. Трутовский (1887-1937 гг.); известные земские деятели, публицисты Д.И. Шаховской (1862-1939 гг.), И.П. Белоконский (1855-1931 гг.); разработчики проблем социальной гигиены, историки земской медицины П.И. Куркин (1858-1934 гг.), Д.Н. Жбанков (1853-1932 гг.) и целый ряд других исследователей. В царской России это были общепризнанные эксперты в области земского самоуправления, их одновременный уход, а вместе с ними и целого поколения историков и специалистов с исследовательского поля земской проблематики стало существенной историографической потерей.

Сохранить научную автономию и тем самым противостоять системе удалось в Советской России единицам. Примером поразительной верности служения земской идеи, которую пронес через всю свою жизнь, является С.Н. Игумнов (1864-1942 гг.) – историк земской медицины, санитарный врач⁹. В 1920-е гг. он опубликовал ряд биографий земских медиков, в народнической традиции изображая их жизни и самоотверженную работу в среде крестьянства¹⁰. Но поистине научным подвигом стало издание С.Н. Игумновым в Киеве в 1940 г. «Очерков истории развития земской медицины в губерниях, вошедших в состав УССР, в Бессарабии и в Крыму»¹¹. По замыслу автора, его работа должна была продолжить и завершить освещение истории земской медицины в России, начало которой в дореволюционное время положили обобщающие труды Д.Н. Жбанкова, Е.А. Осипова, З.Г. Френкеля. Изыскание С.Н. Игумнова, увидевшее свет в условиях агрессивной сталинской среды является ярким образцом культурного и исследовательского стиля, характерного для дореволюционных авторов; ссылки на сочинения классиков марксизма в ней полностью отсутствуют.

Наконец, примером третьей модели вживания в советскую систему можно считать жизненный путь и общественную позицию видных деятелей российского просвещения начала XX века, руководителей Всероссийского учительского союза – В.И. Чарнолусского (1865-1941 гг.) и Н.В. Чехова (1865-1947 гг.). В дореволюционные годы ни тот ни другой не ориентировались на большевиков, а являлись типичными выразителями взглядов либерально-народнической общественности. После 1917 г. они поспешили публично признать ошибочность своих прежних позиций и встать в ряды строителей социалистического государства. Оба они занимали ответственные посты в Наркомпросе, преподавали в 1-м и 2-м Московском университете, на Высших научно-педагогических курсах. Н.В. Чехов в 1945 г. был удостоен ордена В.И. Ленина¹². Стремясь соответствовать новым идеологическим требованиям времени, которое выдвигала заказ на учителя-революционера и активного проводника идей партии и правительства в массы, В.И. Чарнолуский и Н.В. Чехов в своих статьях 1920-х гг. формируют миф о «природной» революционности народного учительства и его классовой близости к пролетариату¹³. В этой связи можно говорить о том, что одни ученые усвоили идеологические постулаты и их сочинения работали на советскую государственную машину, другие пытались сохранять и даже развивать дореволюционную исследовательскую традицию.

¹ Зеленко В.А. Практика внешкольного образования в России. М., 1922; Медынский Е.Н. Энциклопедия внешкольного образования. В 2-х т. М.-Пг., 1923; Лукомский М.Я. Строительство рабочей медицины. М., 1925; Скороходов Л.Я. Краткий очерк истории русской медицины. Л., 1926; Френкель З.Г. Социальная гигиена. Харьков, 1923; Тейтель А.В. Сельское хозяйство и условия его регулирования. Очерки по общественной агрономии. М., 1922; Вобль К.Г. Статистика. Киев, 1924; Волков Е.З. Аграрно-экономическая статистика России. М.-Пг., 1923.

² Ленин В.И. «Третий элемент» // ПСС. М., 1972. Т. 5. С. 327-335; Он же. Ницета народных учителей // ПСС. Т. 24. С. 195-197.

³ Шефер А.Л. Органы «самоуправления» царской России. Куйбышев, 1939. С. 32, 52, 54.
⁴ Листовки петербургских большевиков 1902-1917 гг. М., 1938-1939; Листовки казанских большевиков 1903-1907 гг. Казань, 1941.

⁵ Львова Т.Н. Работа В.И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» // Ученые записки МГПИ. Т. 398. М., 1970; Слонимская И.А. Оценка В.И. Лениных работ земских врачей // Советское здравоохранение. 1952. № 2. С. 55-61; Чернуха В.Г. В.И. Ленин о земстве // В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; Миронова И.А., Юхт А.И. К истории работы В.И. Ленина «Гонители земства и...» // История и историки. М., 1972 и др.

⁶ Каганович Л.М. Местное советское самоуправление. М., 1923. С. 11-14.

⁷ Мицкевич С.И. Революционная Москва (1888-1905 гг.). М., 1940; Он же. Записки врача-общественника (1888-1918 гг.). М.-Л., 1941; Семашко Н.А. Ключи воспоминаний (от зари революции до ее рассвета). М., 1930; Соловьев З.П. Пятидесятилетие земской медицины // Вопросы здравоохранения, М.-Л., 1940. С. 17-28; Он же. Здравоохранение в дореволюционной России // Строительство советского здравоохранения. М., 1932. С. 5-41.

⁸ Веселовский Б.Б. // Чернобаев А.А. Историки России XX века: Библиографический словарь. Т. 1. Саратов, 2005. С. 163.

⁹ Биографии Сергея Николаевича Игумнова см.: www.yadoktor.ru/entry/медицина/персоналии-в-медицине

¹⁰ Игумнов С.Н. Дмитрий Николаевич Леонов и земская медицина. По поводу сорокалетия со дня врачебной деятельности. Харьков: Научная мысль, 1926; Он же. Е.А. Осипов. Харьков: Научная мысль, 1927.

¹¹ Игумнов С.Н. Очерк развития земской медицины в губерниях, вошедших в состав УССР, в Бессарабии и в Крыму. Киев: 1-й Мед. ин-т. 1940.

¹² Бендриков К.Е. Николай Владимирович Чехов // Народное просвещение. 1927. № 3. С. 125-127; Седельникова М.В. Н.В. Чехов – видный деятель народного просвещения. М., 1960; Степанов С. В.И. Чарнолуский // Советская педагогика. 1985. № 8. С. 119-122.

¹³ Чехов Н.В. Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1923; Он же. Народный учитель накануне революции // Просвещение на транспорте. 1927. № 10. С. 135-138; Чарнолуский В.И. Из воспоминаний об Учительском Союзе эпохи первой русской революции // Народный учитель. 1925. № 11. С. 57-61.

A.B.Пильцын (Санкт-Петербург)

Историю нельзя искажать. Победа в Великой Отечественной войне – достояние СССР

Руководители России, оставшейся после развала мировой державы СССР, например В.В. Путин, будучи Президентом России обещал: «Мы будем защищать правду об этой войне, и бороться с любыми попытками искажить эту правду, унизить и оскорбить память тех, кто пал, поскольку историю нельзя искажать». Сменивший его на посту Президента, Д.А. Медведев, спустя 8 лет, в 2009 году, даже издал Указ о создании специальной «Комиссии по противодействию фальсификации истории». В своем обращении к участникам Великой Отечественной войны он сказал: «С каждым годом праздник победы обретает новое звучание и, к сожалению, не всегда праздничное звучание. Мы стали чаще сталкиваться с тем, что называется сейчас историческими фальсификациями. Причем такие попытки становятся все более жесткими, злыми, агрессивными. Мы никому не позволим подвергнуть сомнению подвиг нашего народа». Но, жаль, эти призывы руководителей нашей страны не стали рекомендацией для тех, кто и

накануне юбилеев Победы, пытаются создавать телепередачи, фильмы и книги, которые искажают правду и порочат память погибших.

Однако, не беспокоит Президента и Премьера оголтелое охвачивание у нас в стране всего, чем гордилось поколение Победителей. Да если еще учесть, что в составе этой комиссии оказался один из самых злобных клеветников, автор «Исторических хроник», которые впору назвать «антисторическими», Н.К. Сванидзе и ему подобные, то станет понятным, что доморошенные фальсификаторы практически ничем не ограничиваются во «всё более жестких, злых и агрессивных» нападках на историю Великой Отечественной войны, и им, по-прежнему не просто предоставлена полная свобода лгать, но они еще почти открыто поощряются властями.

В октябре 2007 года, когда Владимиру Путину исполнилось 55 лет, по ТВ был показан фильм кинодокументалиста Шадхана «Вечерний разговор», в котором Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал мысль, что только пулеметные заслоны послужили причиной подвигов бойцов Красной Армии и Флота. Видимо, фальсификаторы нашей военной истории так убедительно лгут, что даже руководитель страны им поверил. Можно было не доверять кинодокументалисту, доведшему до нас это высказывание ВВП. Об этом факте сообщалось также в газете «Советская Россия» за 20.01. 2005 года корреспондентом газеты «Трудовая Россия» В. Шалиновым. Но тогда мы вправе были ожидать жесткого опровержения, такого, как например, последовало в ответ на публикацию столичной газеты «Московский корреспондент» о «романе» Путина и выдающейся спортсменки. Но, поскольку опровержения на «пулемётные заслоны» не последовало, эта неправда всё шире используется многими «правдоискателями», приведём некоторые цифры.

Знают ли они, эти «правдолюбцы», что подвиг пехотинца Александра Матросова повторили 470 бойцов, 506 советских лётчиков повторили подвиг экипажа Н. Гастелло. За время войны было совершено 595 воздушных, 160 танковых и 16 морских таранов. Ни один корабль, ни одна подводная лодка советского ВМФ не спустили боевой флаг перед вражескими кораблями. Неужели это всё эффект заградотрядов? А десятки дивизий народного ополчения, куда добровольно вступали советские патриоты, а молодёжь, осаждавшая военкоматы, и многие из юношей и девушек приписывали себе год-другой, чтобы обманом попасть на фронт – это что, пулемётные заслоны гнали их туда?

Свою часть Великой Отечественной войны я прошёл до самого Дня Победы в составе одного из офицерских Штрафных батальонов Великой Отечественной войны командиром взвода и роты. Об этих необычных формированиях, созданных в самое опасное для Родины время войны по известному Приказу Сталина № 227, многие годы идут уже не споры, в которых должна рождаться истина, а расширяются всяческие поношения правды, спекуляции на полуправде и преднамеренная ложь. В наиболее концентрированном виде эта ложь представлена в скandalно известном 11-серийном фильме Н.Достала «Штрафбат», созданном по сценарию Э. Володарского к 60-й годовщине Победы. Он с завидным упорством ежегодно демонстрируется на многих каналах российского ТВ, рекламирующих его, как «Золотая серия военных фильмов России», «Самый правдивый фильм о войне», «Народный блокбастер» и т.п.

Президент Академии военных наук генерал армии М. Гарев упрекнул создателей фильма «Штрафбат» за то, что они не пригласили в качестве консультантов никого из ветеранов войны, прошедших штрафбатовскую школу, и

которые могли бы не допустить явной фальсификации. Дело, вероятно в другом. Наш нынешний «кинобог» Никита Михалков к 65-й годовщине Победы приготовил другой «сюрприз» - фильм «Утомлённые солнцем-2», где стержневым содержанием снова стал штрафной батальон, а главным «консультантом» и сценаристом привлечен уже известный «специалист» по штрафбатам Э. Володарский. Можно предположить, какое извращение истины создал этот tandem лиц, весьма влиятельных в нынешней кинокомпании.

Современные хулиганы нашей Победы видимо не могут подняться до нравственно-духовных высот поколения победителей, и потому пытаются в своих измышлениях опустить этих людей до своего низкого обывательского уровня мелких завистников и злостных ненавистников героического прошлого собственной страны, которая недавно была Советским Союзом.

Противостоять этой мощной фальсификации стремятся честные военные историки, опровергающие неправду глубокими исследованиями архивных документов. Стремлюсь и я внести свою лепту в восстановление истины о непростых страницах Великой Отечественной войны изданием своих книг-воспоминаний о реальном, 8-м Отдельном Штрафном батальоне Первого Белорусского Фронта, документально оснащенных архивными материалами ЦАМО РФ.

1. Часто под термином «штрафбат» понимают некое смешение всего «штрафного», хотя штрафбаты – это подразделения, комплектуемые только проштрафившимися офицерами, а в отдельные штрафные роты направлялись те, кто не имел офицерских званий.

Не было и массового заполнения этих подразделений уголовниками-рецидивистами, «ворами в законе», политзаключенными, носящими звание «Враг народа». Этим категориям осужденных дорога на фронт была закрыта.

2. Главное в нагромождении преднамеренной лжи о штрафбатах – это спекуляции о Приказе Наркома Обороны №227 от 27 июля 1942 года, известном, как «Приказ Сталина «Ни шагу назад», и обо всем, что вокруг этого тогда происходило. Существовавший в годы войны и много лет после неё, запрет на официальную информацию о штрафных батальонах и штрафных ротах, а также о заградотрядах, породили массу недостоверных слухов и недобросовестных утверждений о том, что главной задачей заградотрядов было подгонять штрафников пулеметами в атаки. Это откровенное, умышленное вранье. Да, штрафбаты фронтов и армейские штрафроты, а также заградительные отряды учреждались одним приказом. Приказ то один, да назначения учреждаемых им формирований – разные. И самые тщательные поиски архивных документов свидетельствуют, что этого никогда не было. Заградотряды выставлялись, как предписывалось Приказом, «в тылу неустойчивых дивизий». Мало-мальски сведущие в военной терминологии люди, хорошо представляют удаленность «тыла дивизии» от «переднего края», где только и могли действовать штрафники.

3. Другой распространенный миф – о штрафниках-«смертниках», этом, якобы незыблемом правиле в штрафбатах и отдельных штрафротах. В приказе Сталина действительно записано: «...поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины». Однако, специальный пункт из «Положения о штрафных батальонах действующей армии», гласит: «15. За боевое отличие штрафник может быть освобожден досрочно по представлению командования штрафного батальона, утвержденному военным советом фронта. За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственный награде». И только в

18-м пункте этого документа говорится: «Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах, и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы...». Итак, совершенно ясно: главным условием освобождения от наказания штрафбатом является не «пролитие крови», а боевые заслуги. В боевой истории нашего 8-го штрафбата, например, по итогам Рогачевско-Жлобинской операции февраля 1944 года, когда штрафбат дерзко действовал в тылу врага, из более чем 800 штрафников почти 600 были освобождены от дальнейшего пребывания в штрафбате. Они полностью были восстановлены в офицерских правах, не будучи ранеными, без «пролития крови», не прошедшие даже установленного срока наказания (до 3 месяцев), а часть из них были награждены орденами или медалями. Конечно, решения эти зависели от тех, в чём распоряжении оказывался штрафбат. В данном случае, такое решение приняли Командующий 3-й Армии генерал Горбатов А.В. и Командующий Фронтом Рокоссовский К.К. Резонно заметить, что слова «Искупить кровью», не более чем эмоциональное выражение, призванное обострить чувства ответственности на войне за свою вину. А то, что некоторые военачальники посыпали штрафников в атаки через необезвреженные минные поля, (и это, к сожалению, бывало), говорит больше об их порядочности, чем о целесообразности таких решений.

4. Гуляют по фильмам, телепередачам, книгам множество и других вымыслов и мифов, например о том, что в штрафбатах царили поножовщина, тюремно-лагерные порядки и взаимоотношения, что к своим командирам они обращались «Гражданин начальник» или «Гражданин капитан», а их командиры издавались над штрафниками. Всё это является ложью.

5. Многие «знатоки» утверждают, что штрафников в атаки посыпали без оружия, что они оружие и пищу должны были добывать сами, что им даже запрещалось в атаках русский боевой клич «Ура», и они выкрикивали какое-то несуразное «Гу-Га!», извергали только отборный мат. Утверждают, будто не ходили они в атаки под призывы «За Родину!», «За Сталина!», что их боевые могилы оставались безымянными, и еще много другого, чего на самом деле не было. Иногда, не очень громко, но называли штрафники своё временное пристанище «Сталинским штрафбатом», правда, не в том смысле, как произносились «Сталинские соколы», а по имени его создателя. Однако, если штрафбат сравнительно долго находился на формировании, или готовился к боевым действиям, известные еще до войны слова популярной песни «Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин», часто произносились в смысле «Ну, когда же пошлёт нас в бой товарищ Сталин?».

6. Штрафбаты были хорошо вооруженными стрелковыми батальонами, только с необычным составом бойцов, от младшего лейтенанта до полковника, лишённых на время офицерских званий, но в основе своей сохранивших понятие офицерской чести и стремящихся скорее вернуться в офицерский корпус армии. Да и по уровню боевой подготовки это были умелые бойцы, прошедшие некогда общевоинскую подготовку при производстве в офицеры. Поэтому штрафбаты были особо упорными, стойкими и умелыми подразделениями Красной Армии, как правило, успешно выполнявшими порученные боевые задачи. Обо всём этом можно прочесть в моих книгах «Штрафной удар», «Правда о штрафбатах», «Страницы истории 8-го штрафного батальона Первого Белорусского фронта», в книгах Игоря Пыхалова «Великая оболганный война», «Штрафбаты по обе стороны фронта» и др.

7. Напраслины, которую навешивают на штрафбаты злобные «искатели правды», фактически оскорбляют и светлую память тех, кто возвратил себе на

поле боя честное имя, и их командиров, ходивших со штрафниками в атаки и рукопашные схватки. Уже давно, с 1991 года, 30 октября в России отмечается «День памяти жертв политических репрессий». Штрафники – тоже войной репрессированные, но, в отличие от политзаключённых, искупали свою вину перед Родиной на фронтах Великой Отечественной, кто кровью, кто подвигом, а кто и жизнью. Они реабилитировали себя в вооружённой борьбе с фашизмом, и не нужна им ещё реабилитация, но за них никакие правозащитники не замолвили ни слова. А можно было поставить вопрос перед Госдумой: «Отмечая мужество, героизм и определённый вклад в дело Великой Победы штрафников Великой Отечественной войны, объявить 27 июля, день издания Приказа Сталина № 227 о создании штрафных формирований в минувшей войне, «Днём штрафника». Эти особые батальоны и роты проявили себя, вопреки заказным фальсификаторам как самые устойчивые, смелые и дерзкие в боях за Родину».

8. Несколько других аспектов несоответствия позиций и действий нынешних руководителей высокого ранга с мнением многих фронтовиков.

8.1. В известный телесериал «Алтарь победы» включён фильм «Генералиссимус», посвящённый роли в войне Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Несмотря на безусловно положительную оценку фронтовиков, основным судьёй Сталина стал в этом фильме киноактёр Кваша, исполнявший роль Сталина в фильме «В круге первом» по-Солженицыну. Финал фильма следующий: «Победа в Великой Отечественной войне достигнута советским народом не благодаря, а вопреки Сталину», будто он, Верховный Главнокомандующий, только и делал, что противостоял советскому народу в разгроме врага. Один из команды создателей этого киносериала на моё возмущение таким «итогом», отреагировал: «Нам была установка не обелять Сталина». Но надо бы знать тем, кто берётся за исторические фильмы, что и очернять историю своей страны, даже если она в недалёком прошлом была Советским Союзом, – не только непорядочно, но и просто подло!

8.2. Главным составляющим в достижении Великой Победы был высокого уровня советский патриотизм, когда воинская служба была почётной обязанностью, а защита Отечества считалась священным долгом. Едва ли перевод армии на «контрактную основу», превращение её в наёмную, может сохранить те высокие понятия «почётная обязанность» и «священный долг», если всё станет измеряться монетой или валютой. Что касается какой то части контрактников, то и в Советской армии успешно существовал институт сверхсрочников для замещения некоторых военных специальностей, а военная служба была одной из важнейших школ патриотизма. Если мы, довоенная молодёжь, считали приоритетным для себя поступление в военные училища, то современная реформа, приведшая к сокращению военных училищ и превращению оставшихся в сержантские учебные центры, едва ли будут способствовать стремлению молодёжи в армию.

8.3. Совсем недавно к целому ряду других, сомнительных нововведений в нашу военную безопасность, добавилось решение нынешнего гражданского Министра Обороны о том, что броня для автомобилей и легкой бронетехники российской армии будет закупаться в Германии. Минобороны заставило КамАЗ и другие компании заключать контракты с зарубежными производителями брони для автомобилей разведки, бронетранспортеров, боевых машин пехоты и т.п. Это

нам, у которых в недавнем прошлом была самая лучшая броневая сталь в мире! Эксперты предупреждают, что импорт брони может иметь роковые последствия для отечественных металлургов. К каким последствиям приведут аналогичные решения закупить французский вертолетоносец «Мистраль», 15 израильских пробных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), и даже итальянских пуговиц на новую армейскую форму от Юдашкина, и гадать не нужно. Без госзаказа предприятия лишаются перспектив на модернизацию. Продовольственную безопасность страны мы таким способом уже решили. Становится понятным, почему оборонным ведомством у нас управляет сугубо невоенный человек, в то время как милицией и внутренними войсками, а также МЧС – полные, четырёхзвёздные генералы, а генпрокурор на своём мундире носит даже маршальские погоны.

Из всего сказанного напрашивается вывод: нельзя отказываться от положительного опыта, приведшего нашу родину, СССР к Победе в такой войне, преступно забывать, а тем более – извращать героическую историю своей Родины.

И.Н.Олегина (Санкт-Петербург)

Был ли полезен в мировой политической и социально-экономической истории опыт создания и функционирования советского многонационального государства?

По названию статьи можно заметить, что автору хотелось несколько по-иному назвать нашу конференцию, подчеркнуть ценность исторического опыта существования СССР. Как известно, нет ничего неизменного в мире. Ещё в древности то одни государства выдвигались на авансцену мировой истории, то другие. Те, которые выдвинулись вперёд, обеспечивали себе это место методом завоевания, а успешность последнего базировалась на успехах в области экономики и в военном деле, но нельзя сказать, что существовал только метод завоевания.

Чем дальше, тем больше ускоряется движение мировой истории и происходящие изменения в жизни государств ведут к изменениям на карте мира. Это особенно относится к истории XX века и, вероятно, к истории начавшегося XXI века.

Советский Союз (СССР), созданный 30 декабря 1922г. после тяжелейшей гражданской войны на территории бывшей Российской империи, был необходимой и удачно найденной формой сотрудничества народов бывшей Российской империи. За его пределами остались Польша, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония.

Российская империя отличалась от других империй, существовавших в мире, не только размерами территории, но и тем, что это было сплошное пространство, а не сумма метрополий и заморских территорий. Огромные пространства Евразии в течение столетий (с помощью военных усилий или без оных) сгруппировались вокруг центрального ядра. Складывание территории Российской империи основательно освещено в трудах академика М.К. Любавского (1800-1936)¹. Шаг за шагом описывает он, каким образом происходило приращение территории государства и каким методом (военным или

мирным) происходил этот процесс. Здесь было и приращение территорий методом народной колонизации (Сибирь) и включение в состав империи по просьбе защитить от воинственных соседей (Грузия) и т.д. Таким образом, складывалось государство многонациональное, многоэтническое, многоконфессиональное, составные части которого имели различный уровень экономического, политического и культурного развития.

Революции 1905-1907гг. и 1917г. оказали глубокое влияние на развитие входящих в состав России национальностей. Требования национальной свободы и самостоятельного развития выдвигались наряду с социально-политическими требованиями классов.

Однако гражданская война показала, что разъединение народов России тяжело сказывается во всех областях, особенно же в области политической. Объединение народов в единый Союз республик нашло понимание и поддержку прежде всего в рядах трудащихся.

Найденная форма объединения – унитарная федерация, но с достаточно широкими правами республик была удачной. Здесь надо отметить положительное вмешательство В.И. Ленина, отвергшего принцип «автономизации» - т.е. вхождение независимых республик в РСФСР (Украина, Белоруссия, Закавказские республики) на тех же правах, что и автономные (что было бы понижением их статуса), и предложившего объединение независимых республик, включая РСФСР, в федерацию на равных правах. РСФСР становилась лишь «первой среди равных» (что было к тому же не юридическим принципом, а распространённым в печати термином).

Создание СССР позволило республикам объединить силы для решения важнейших задач (индустриализация); в значительной степени преодолеть культурную отсталость многих народов (начавшуюся с ликвидации безграмотности и имевшую своим продолжением развитие различных форм искусства (таких, например, как становление и развитие национальных театров). Для многих народов ликвидации безграмотности предшествовало создание алфавитов и учебников родного языка. Это была огромная работа.

Коллективизация чаще всего подвергается критике за применение насилийных мер в отношении крестьянства при создании колхозов, несоразмерное изъятие продуктов труда крестьян и перераспределение их на нужды тяжелой промышленности, особенно оборонных отраслей.

Конечно, жёсткая политика центральной власти имела место, но это не было действие только против выбранных для этого регионов и республик: это не были «голодомор» только для Украины. Большое изъятие хлеба на фоне плохого урожая осложнило положение и стоило жизни миллионам сельских жителей не только на Украине.

В предвоенные годы ситуация стала меняться к лучшему. Следует отметить также такой позитивный момент: крестьянин, умеющий управлять трактором или комбайном, сыграл важную роль в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, которая, как известно, была войной моторов. Подвиг народов СССР в Великой Отечественной войне является незабываемой страницей в общей истории наших народов. Правда, имело место и выселение целых народов в отдалённые края, вызвавшее у них обиду самим фактом недоверия. После смерти Сталина начался процесс возвращения перемещенных групп населения в родные места.

В области политической создание и развитие Союза содействовало формированию национальных элит и постепенному замещению должностей национальными кадрами.

Между тем, в течение послевоенных десятилетий взаимоотношения между Центром и республиками и регионами всё более смешались в пользу центра. С одной стороны имела место консолидация национального сознания, с другой – усиление унитаризма.

Приход к руководству в КПСС М.С. Горбачёва многими был воспринят с надеждой на грядущие перемены в стране, в том числе и в сфере национальных отношений.

Великий, могучий Советский Союз оказался не таким прочным, как ожидалось. К тому же, в ответе на вопрос «Почему распался Советский Союз?» надо искать не только глобальные силы, но и действия личностей.

В этом плане очень важна и интересна книга «Союз можно было сохранить. Белая книга».² Собранные в ней документы позволяют вновь, по прошествии лет продумать, проанализировать все основные документы и выступления, сопровождавшие подготовку развития событий, вольно или невольно приведших к ликвидации Союза ССР.

Автор предисловия А.С. Черняев отмечает, что объективная «необходимость реформирования советского многонационального государства возникла задолго до начала перестройки – в результате экономического и социального развития республик, ускорившего формирование наций, консолидацию национального самосознания». Отмечается, что унитарная форма общесоюзного государства «стала тормозом для дальнейшего развития народов». «В ходе перестройки, с расширением гласности все эти проблемы выплынули наружу».³

Однако события развивались в направлении, приведшем к разрушению Союза.

«Сильнейший импульс центробежным тенденциям, – пишет А.С. Черняев, – был дан провозглашением государственного суверенитета Российской Федерации 12 июня 1990 года, верховенства российских законов над союзовыми. Из Союза вынимался стержень».⁴

Это действие, укрепившее Российскую Федерацию, безнадёжно ухудшило возможности реформирования СССР.

Документы, собранные в сборнике, свидетельствуют, что М.С. Горбачёв прилагал все усилия для того, чтобы подготовить и заключить новый Союзный договор, но условия его деятельности, как и возможности, изменились после пленения в Форосе.

В беседе с Л. Карпинским (главным редактором газеты «Московские новости») М.С. Горбачёв ратовал за новый образ союзного центра, который осуществлял бы «цивилизованное сотрудничество»: «Тоталитарный, бюрократический центр, воплощающий в себе великодержавную, унифициаторскую политику и идеологию, уже распался. Это благо для всех, но нельзя это смешивать с развалом союзных связей. И, следовательно, речь – о новом образе центра. Не центр – деспот, командующий и помыкающий республиками, а центр – координатор, уполномоченный на посредническую роль и наделённый для этого средствами самими республиками».⁵

И ещё одна важная мысль была высказана Горбачёвым: «У россиян в определённых группах политиков, в том числе в окружении Б.Н. Ельцина, есть такие, которые думают: России надо отделяться «как всем».⁶ На наш взгляд, это была правильная точка зрения Горбачёва: Россия не такая республика, которой важно сбросить груз особой ответственности: «Это очередная академическая утопия – опаснейшая».⁷

Большое количество документов собрано в сборнике по теме «Путч. Срыв подписания» и «Беловежская трагедия». 28 августа 1991г. Горбачёв выступил на

сессии Верховного Совета СССР, отстаивал идею Союзного договора. «Самым трагическим следствием путча, сказал он, стало усиление центробежных тенденций в республиках. Создалась реальная угроза раз渲ла Союза».⁸

Распад СССР будет еще долго анализироваться исследователями. Его крушение было неожиданным для всего мира. Историк Эрик Хобсбаум уже ввёл 1991 год в свою периодизацию всемирной истории, назвав свою книгу «Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914-1991». Он пишет, что до середины или даже до конца 1980-х годов «мало кто строил апокалиптические прогнозы» в отношении СССР.⁹

1 Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. Ч.1.; Его же. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996 (книга была завершена к началу 1930-х годов).

2 «Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. -2-е изд. М., 2007.

3 Там же. С.7.

4 Там же. С. 8-9.

5 Там же. С. 355.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же. С. 315.

9 Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век. (1914-1991). М., 2004. С.447.

eines in seinem Ausgang offenen Transformationsprozesses in der Sowjetunion zu betrachten. Für den Wert ihrer Sowjetunion-Analysen war diese Sichtweise fruchtbar: Sie ließ eine differenzierende Betrachtungsweise zu und gab den Menschewiki eine anerkannte Deutungskompetenz.

Die Menschewiki im Exil: Historische Einordnung

In einem Rückblick auf 25 Jahre Exil konstatierte Rafael Abramovič im Januar 1946 im *Socialističeskij vestnik*: „Dem geschlagenen und in Russland selbst physisch vernichteten Menschewismus gelang es nur dank glücklicher Umstände, außerhalb der Grenzen Russlands eine kleines Insel vor der Katastrophe zu retten und zu bewahren – eine Gruppe von Parteimitgliedern und Parteipublizisten mit Julij Martov an der Spitze“¹² Tatsächlich bestand diese Gruppe, die im Exil den offiziellen Menschewismus repräsentierte, nur aus wenigen Dutzend Aktivisten. Als „Revolutionäre ohne Revolution“ blieben sie weitgehend isoliert, bildeten quasi eine „Emigration in der Emigration“¹³. Formal verstand die Exilgruppe dem illegalen Zentralkomitee in Russland. Faktisch bildete ihre „Auslandsdelegation“ zusammen mit der Redaktion des *Socialističeskij vestnik*, beide bis 1923 von Martov, anschließend 17 Jahre von Fedor Dan und in den USA von Abramovič geleitet, das eigentliche politische wie intellektuelle Zentrum des Menschewismus. Fatal war, dass die Spaltung der Partei nach dem Oktoberumsturz konserviert wurde. Selbst prominente Persönlichkeiten wie Aleksandr Potresov, der Ende 1917 mit der zentralistischen Führung um Martov und Fedor Dan gebrochen und mit der antibolschewistischen Gegenrevolution zusammengearbeitet hatte, wurden nicht wieder aufgenommen. So blieb der offizielle Menschewismus ein abgeschotteter Zirkel, der keine personelle Erneuerung erfuhr, von alten und neuen Kontroversen beherrscht und von persönlichen Rivalitäten sowie Emigranteneurosen zunehmend paralysiert wurde.

Als politische Organisation konnten die Exilmenschewiki in den 1920er und 1930er Jahren nur durch ein in der vorrevolutionären Zeit gewachsenes Netzwerk struktureller und persönlicher Verbindungen zur europäischen Sozialdemokratie und die solidarische Unterstützung der Sozialistischen Arbeiterinternationale (SAI) überleben. Wie andere Exilparteien hatte die RSDRP Sitz und Stimme in der Exekutive und im Büro der SAI. Fedor Dan, der Leiter der Auslandsdelegation, war freundschaftlich mit dem Sekretär der SAI, Friedrich Adler, mit Otto Bauer und Leon Blum¹⁴ verbunden. Rafael Abramovič, der offizielle Vertreter der RSDRP in der Exekutive der SAI, unterhielt enge Verbindungen zur jüdisch-sozialistischen Bewegung in den USA. Jurij Denike (Georg Decker) und Aleksandr Širin waren enge Mitarbeiter von Rudolf Hilferding in der Redaktion der *Gesellschaft*; Orest Rozenfeld ein Vertrauter von Leon Blum und zeitweise Chefredakteur des *Populaire*. Innerhalb der SAI war ihre Kompetenz bei der Analyse der Entwicklung in Russland, aber auch in theoretischen Debatten etwa über Demokratie und Diktatur durchaus gefragt. Das belegen Beiträge auf den Kongressen der SAI wie auch zahlreiche Vortragstourneen durch Europa und in die USA. Das in mehreren Sprachen herausgegebenen Presseorgan der SAI¹⁵ war ebenso eine publizistische Plattform für ihre Sowjetunion-Analysen wie die sozialistische Presse und Publizistik der europäischen Länder. Ihre Expertise beruhte vor allem darauf, dass sie die Verhältnisse im revolutionären Russland, die handenden Akteure und die neu entstandenen Strukturen kannten. Bis in die erste Hälfte der 1930er Jahre besaßen sie zudem eigene konspirative Informationskanäle. Als diese versiegten, sicherte ihnen die systematische Auswertung der sowjetischen Presse und Publizistik einen Kompetenzvorsprung, solange ihr Blick – soweit dass für Emigranten möglich war – auf eine möglichst wertfreie Erkenntnis realer Prozesse und Zusammenhänge gerichtet und nicht zu stark von eigenen Hoffnungen, Illusionen oder Vorurteilen getrübt war.

Hartmut Rüdiger Peter (Halle)

„Traum und Terror“: Menschewistische Diskussionen über Erfolg oder Scheitern der Revolution nach dem II. Weltkrieg. Problem und These

Der Beitrag nimmt Bezug auf den Vortrag von Axel Rüdiger („Terror and dream. Considerations about revolution and failure“). Er wertet Debatten über die soziale Natur und die politischen wie gesellschaftlichen Ergebnisse der bolschewistischen Revolution aus, die innerhalb des menschewistischen Exils von der Endphase des II. Weltkrieges bis zum Beginn des Kalten Krieges geführt wurden. Empirische Grundlage bilden Beiträge in den von konkurrierenden Flügeln der russischen Sozialdemokratie im New Yorker Exil herausgegebenen Zeitschriften *Socialističeskij vestnik* und *Novyj put'*, Publikationen menschewistischer Autoren sowie Dokumente aus dem Nikolaevsky-Archiv in Stanford sowie den Bakhmeteff-Archives in New York. Sie sind einerseits als Teil eines innermenschewistischen Diskurses zu betrachten, andererseits aber auch als Versuch, angesichts des absehbaren Kriegsausgangs und mit Blick auf die Nachkriegsordnung das Sowjetunionbild des Westens zu beeinflussen.

Als Ausgangspunkt für die Analyse wird – unter Bezug auf die Themenstellung der Tagung – Karl Schlägels kontradiktorene Denkfigur von „Terror und Traum“ genommen. Sie impliziert eine Betrachtungsweise, die der Komplexität und Widersprüchlichkeit der Entwicklungen im sowjetischen Russland adäquat ist. Für beide Gruppen innerhalb des Menschewismus galt bis in die zweite Hälfte der 1930er Jahre der Konsens, beide Elemente – also die Vision einer neuen Gesellschaft ebenso wie die Gewalt als Mittel ihrer Realisierung – in ihrer Koexistenz als Wesensmerkmal

Gegenüber der Herrschaft der Bolschewiki verfolgte der offizielle Menschewismus seit dem Parteitag der RSDRP vom November 1917 eine wesentlich von Martov geprägte Linie, die jede Politik der Koalition mit offen konterrevolutionären Kräften ablehnte und bereit war, aus dem Programm der Bolschewiki die nicht utopischen und der evolutionären Entwicklung dienenden Elemente anzuerkennen. Bei aller prinzipiellen Kritik an den Formen und Methoden ihrer Herrschaft sollten soziale und gesellschaftliche Errungenschaften der Revolution gegen die innere wie äußerere Gegenrevolution verteidigt werden. Gegen den Widerstand der innerparteilichen Rechten um Grigorij Aronson, der „den Kampf mit allen Mitteln der organisierten Massenbewegung“ bis hin zum Aufstand zur Transformation der Sowjetordnung zulassen wollte⁶, wurde diese „zweieinige Taktik“ 1924 in der neuen Parteiplattform der Menschewiki festgeschrieben⁷. Der Konsens in der Auslandsdelegation und ihre Argumentation in Russlanddebatten innerhalb der internationalen Sozialdemokratie bestand bis Ende der 1930er Jahre in dem Bestreben, die Kritik am Bolschewismus so zu führen, dass sie nicht als „Werkzeug der größeren Mächte gegen Russland“ missbraucht werden könne⁸. Der Wunsch nach schärferer Anprangerung des Terrors wurde dem untergeordnet.

Mitte der 1930er Jahre wurden die Meinungsverschiedenheiten innerhalb des Exilmenschewismus schärfer und der beschriebene Konsens in Frage gestellt. Die Gruppe um Dan war bestrebt, die Martov'sche Linie mit Otto Bauers „integalem Sozialismus“, d. h. die Traditionen des demokratischen Sozialismus mit den Erfahrungen der revolutionären Praxis der Bolschewiki zu verknüpfen. Die diktatorische Form des Sowjetregimes wurde als temporäre Erscheinung betrachtet, die Sozialisation der Produktionsmittel und der kulturelle Aufstieg des russischen Proletariats als Garant für eine zukünftige Demokratisierung der politischen Verhältnisse. Daraus zog Dan den Schluss, dass die Menschewiki wie die gesamte internationale Sozialdemokratie die Sowjetunion ungeachtet des Terrors und außenpolitischen Abenteuerurts auch in der Zeit der Schauprozesse und des sowjetisch-deutschen Paktes verteidigen sollten. Ihre Opponenten, zu denen nun auch Abramovič gehörte, betrachteten die Sowjetunion als Land mit staatskapitalistischer Wirtschaft und despatischem Regime. Den historischen Auftrag des Menschewismus sahen sie darin, die Prinzipien des demokratischen Sozialismus im „Kampf gegen die kolossale Überlegenheit der unerbittlichsten, brutalsten, sich auf die Illusionen des Proletariats aller Länder stützenden Diktatur zu verteidigen“⁹. Die Unvereinbarkeit dieser Positionen führte Anfang 1940 zur Spaltung, als Dan seine Funktionen in der Auslandsdelegation und in der Redaktion des *Socialističeskij vestnik* niederlegte.

Die kleine menschewistische Kolonie im New York der 1940er Jahre bestand somit aus zwei konkurrierenden Lagern, die jeweils einen eigenen Unterstützungsclub besaßen und eigene Zeitschriften¹⁰ herausgaben. In den ersten Jahren nach der Übersiedlung hatten viele ihrer Aktivisten erhebliche Probleme mit der Konsolidierung ihrer materiellen Situation und der sprachlichen wie kulturellen Adaption. Innerhalb des russischen politischen Exils blieben sie weiter isoliert. Die Verbindungen zur europäischen Sozialdemokratie waren auf den Mikrokosmos der sozialistischen Emigration in den USA reduziert. Begrenzte Unterstützung erhielten sie nur noch von im russisch-jüdischen Migrantenmilieu verwurzelten amerikanischen Arbeiterorganisationen. Der nun von Abramovič geleiteten Auslandsdelegation kam hierbei zu Gute, dass dieser in den 1920er und 1930er Jahren mehrfach die USA zu Vortragsreisen besucht hatte und seit 1922 Mitarbeiter des *Jewish Daily Forward* war. Der Gruppe um Dan stand dieses Milieu dagegen skeptisch gegenüber. Der *Socialističeskij vestnik* wie der *Novyj put'* erschienen nur in geringer Auflage und zunehmend unregelmäßig. Der Leserkreis blieb auf die eigene Klientel und die russischsprachige Emigration beschränkt. Nur wenigen Autoren – Abramovič, Dalin, Dan und Nikolaevskij – gelang es, sporadisch Zugang zur amerikanischen Publizistik zu finden¹¹.

Zwei Konzepte in den Sowjetunion-Analysen

Ein Überblick über die Exilzeitschriften zeigt, dass für beide die Entwicklung in der Sowjetunion auch während und nach dem Krieg das Generalthema blieb. Auf den ersten Blick waren sie ähnlich strukturiert. Inhaltliche Schwerpunkte wurden jedoch unterschiedlich gesetzt. Die klassischen Leitartikel und das Feuilleton im *Novyj put'* waren häufig mit prinzipiellen revolutionstheoretischen Überlegungen versetzt. Diese Attitüde fehlte im *Socialističeskij vestnik*. Während der *Vestnik*, der sich in der Tradition des offiziellen Parteiorgans der RSDRP sah, in seiner Sowjetunion-Berichterstattung einerseits Veränderungen im Machtgefüge der Diktatur, das Verhältnis zwischen einzelnen Institutionen (Partei, Armee, Staat) sowie die aktuelle wirtschaftliche Entwicklung, andererseits die strategischen Folgen des Machtgewinn der UdSSR nach dem Weltkrieg in den Mittelpunkt stellte, verstand sich der *Novyj put'* nicht nur als Parteizeitschrift, sondern auch als Organ einer Strömung in der internationalen Sozialdemokratie. Das Konzept eines neuen, „synthetischen Sozialismus“ zielte in Anknüpfung an Bauer auf die Überwindung sowohl des Reformismus als auch des Bolschewismus quasi als Produkt der chemischen Verschmelzung aller lebensfähigen Elemente sowohl ihrer Ideologie als auch der bisherigen Ergebnisse ihres Kampfes¹².

Zwei Aspekte der menschewistischen Sowjetunion-Debatten sollen etwas näher betrachtet werden: die Frage nach dem Charakter der ökonomischen und politischen Ordnung in der UdSSR und der Möglichkeit ihrer Transformation und die Frage nach den Konsequenzen des Kriegsausgang für die internationale Politik. Der *Socialističeskij vestnik* und mit ihm der offizielle Menschewismus um Abramovič, Dalin und Nikolaevskij, stellte weiter jede Entwicklung des Landes in Richtung einer sozialistischen Ordnung in Frage. Der Fakt allein der Beseitigung des kapitalistischen Eigentums habe, so der Grundton aller Analysen, nicht zu einer Verringerung der Ausbeutung des Menschen durch den Menschen geführt, sondern lediglich die Ablösung einer ausbeuterischen Schicht durch eine andere bewirkt. Der von den Arbeitern erwirtschaftete Mehrwert befindet sich nun in der Verfügungsgewalt einer neuen, postrevolutionären Aristokratie und Bürokratie. Das wirtschaftliche Potential des Landes sei zwar angewachsen, gleichzeitig würden aber die Volksmassen weiter in Not und Armut gehalten: „Das ist ein Sozialismus, der auf Hunger, Unterdrückung und Staatssklaverei aufgebaut ist“¹³. Die politische Macht habe schon in der Zwischenkriegszeit mit beiden Beinen auf dem Boden der Diktatur gestanden. Immerhin habe sie wenigstens ein begrenztes Maß an politischer und gesellschaftlicher Initiative zugelassen und sei noch vom Geiste der siegreichen bürgerlichen Emanzipation durchdrungen gewesen. Mit dem Jahre 1946 sei die sowjetische Revolution jedoch in die finale Phase ihrer Totalisierung und Bonapartisierung eingetreten. Die Diktatur habe sich in eine sich selbst reproduzierende, völlig von den Massen losgelöste Kraft verwandelt. Dvinov konstatierte sogar die faschistische Mutation des Stalinschen Regimes¹⁴. Für den offiziellen Menschewismus war eine friedliche Transformation des sowjetischen Regimes ausgeschlossen. Entsprechend aussichtslos sah der *Socialističeskij vestnik* daher jeden Versuch, aus dem Exil zu einem Kampf für gesellschaftliche Veränderungen in der UdSSR aufzurufen: „Ein erfolgreicher politischen Kampf ist nur möglich, wenn es eine klare und richtige Perspektive gibt“, schrieb Nikolaevskij. „Dies gilt umso mehr für Verhältnisse, wie sie in Sowjetrussland bestehen, denn dort können Fehler nicht wieder korrigiert werden: politische Aktivisten bezahlen sie dort mit dem Leben [...]. Mag auch sein, dass unser Befinden als Emigranten dadurch um vieles schlechter sein wird, wenn die wenigen Leser dort, die durch unsere Zeilen erreicht werden, nicht zu Opfern gefährlicher Illusionen werden“¹⁵. Der *Novyj put'* sah dagegen in der während des Krieges bewiesenen materiellen und moralischen Kraft der Sowjetunion die direkte Folge einer realen Entwicklung im

Zeichen des wirtschaftlichen Kollektivismus, der sozialen Gerechtigkeit und der nationalen Gleichheit, also des Sozialismus. Der prinzipielle Unterschied des sowjetischen Wirtschaftssystems von der kapitalistischen Wirtschaft wurde von Jugov am Beispiel der Konversion der Kriegs- auf Friedenswirtschaft erläutert: Weil in den USA die radikalen Pläne der Reformatoren darauf gerichtet seien, die private Initiative so rasch wie möglich von staatlichen Beschränkungen zu befreien, sei die Konversion hier von Verwerfungen und einer Zuspitzung des Widerspruchs von Kapital und Arbeit begleitet. In der UdSSR sei sie dagegen mit dem prinzipiellen Ziel verbunden, zugleich auch alles zu beseitigen, was gesamtgesellschaftlichen Interessen zuwiderlaufe. Da die Planwirtschaft weder Krisen noch erbitterte Klassenkämpfe kenne, die im Übrigen nicht weniger Opfer forderten als die blutigsten Kriege, würden in der UdSSR alle Werktagen zwar langsam, aber kontinuierlich zu einem stabilen Wohlstand gelangen¹⁶. Die Aufgabe des menschewistischen Exils sah der „Novyj put“ in der Unterstützung des Transformationsprozesses in der Sowjetunion und einer Annäherung zwischen dem sowjetischen Sozialismus und der europäischen Arbeiterbewegung. Die Perspektive einer Rückkehr nach Russland war nicht mehr ein Traum, sondern wurde als reale Perspektive angesehen¹⁷.

Aus der gegensätzlichen Bewertung der Sowjetunion einerseits als bonapartistische Diktatur, andererseits als ein Staat im Prozess der Transformation zum Sozialismus folgte eine ebenso differierende Einschätzung ihrer Rolle bei der Neuordnung der Welt nach dem Ende des Zweiten Weltkrieges. Im *Socialističeskij vestnik* häuften sich bereits 1945 Stimmen, die vehement gegen einen selbst in Teilen des konservativen Exils verbreiteten Patriotismus Front machten, der bereit war, in Stalin bei aller Kritik an den Methoden seiner Herrschaft den Vertreter nationaler russischer Interessen zu sehen. Nikolaevskij warnte in einem Disput mit Elena Kuskova: „Es geht nicht darum, dass die Ziele gut, ihre Protagonisten aber schlecht sind. Auch die Ziele sind schlecht. Das wirkliche Ziel der Außenpolitik Stalins war immer der Vernichtungskampf gegen die kapitalistische Welt in ihrer Gesamtheit“ und zwar nicht in Namen des Sozialismus, sondern „des von ihm in Russland errichteten wirtschaftlichen und politischen Systems“¹⁸. Ganz in diesem Sinne warnte Abramovič: „Stalin ist zur Idee der Weltrevolution mit kriegerischen Mitteln zurückgekehrt. Auch wenn seine Politik im gegenwärtigen Moment nicht auf einen großen Krieg ausgerichtet ist [...], so verfügt er doch über eine ganze Anzahl nicht-militärischer Wege und Methoden der Expansion, etwa die wirtschaftliche Expansion im Gefolge der Okkupation, das Schüren von lokalem Separatismus in Nachbarstaaten, insbesondere die für ideologisch begründete totalitäre Staaten charakteristische Methode der ‚fünften Kolonne‘ [...], die den Bund mit der UdSSR höher stellt als die Loyalität gegenüber dem eigenen Volke“¹⁹. Die Warnung vor den weltrevolutionären Ambitionen der Stalinschen Politik wurde in einer ganzen Reihe von Beiträgen Abramovičs, Dalins und Nikolaevskijs ausgebaut und gipfelte im Bild eines von der Sowjetunion beherrschten gigantischen „eurasischen Blocks“ von Korea bis Bornholm, von Port Arthur bis nach Triest und zur Elbe²⁰. Unter den Bedingungen der Konfrontation zweier Blöcke gehe es für den einen - den sowjetischen - um die Herrschaft, für den anderen - den westlichen - ums Überleben. Das sowjetische Imperium habe sich konsolidiert und gehe in die Offensive, ernsthaft und langfristig. Mit diesem Konkurrenten „ist heute eine Koexistenz bereits nicht mehr möglich“. Was übrig bleibe, sei allein die Konsolidierung des Westens auf der Grundlage eines anglo-amerikanischen Blocks.

Für den „Novyj put“ lag der Schlüssel für eine friedliche Nachkriegsordnung dagegen in den Händen der USA: Wie kritisch man sich auch gegenüber einzelnen Aktionen der sowjetischen Außenpolitik stellen möge, hieß es in einem Leitartikel im November 1945, so müsse man doch den gesunden Menschenverstand und jegliche historische Erinnerung verloren haben, um sich vorzustellen, dass „im Hirn des fanatischsten Moskauer Bolschewiken auch nur im Keim der Gedanke an einen Feldzug gegen Amerika mit dem Ziel nisten könnte, diesen letzten Herd eines irgendwie

lebensfähigen Kapitalismus auf der Welt zu vernichten“. Das heiße allerdings nicht, dass die Sowjetunion in einer mehr oder weniger langen Periode eines bewaffneten Friedens nicht gezwungen sein werde, „in Voraussicht einer neuen militärischen Katastrophe“ Sorge zu tragen für die „Festigung ihrer strategischen Positionen, und zwar entlang ihrer westeuropäischen Grenzen ebenso wie im Fernen und Nahen Osten, auf dem Balkan und am Mittelmeer“²¹. Die Zukunft sah der „Novyj put“ in einer längeren Koexistenz zweier Systeme und ihres Wettbewerbs. Die neue Sozialordnung in der Sowjetunion habe im Krieg ihre Effektivität unter Beweis gestellt, die wachsende Eigeninitiative der Massen sei die Triebkraft einer weiteren Transformation des Regimes. Dieser Prozess, so die Forderung, müsse mit allen Kräften unterstützt werden.

Fazit

Das ausgewertete Material zeigt, dass im Ergebnis der Kräfteverschiebung zwischen den Gruppierungen des Exilmenschewismus am Ende der 1930er Jahre die Balance zwischen den beiden Perspektiven **Terror und Traum**, die es ermöglicht hatte, den realhistorischen Prozess in Russland in seiner Komplexität und Widersprüchlichkeit in den Blick zu nehmen, aufgegeben wurde: Die Gruppierung um Dan, die den **Terror** zunächst als kritisches „Störfall“ bewertete, reduzierte ihn nun auf eine temporäre Erscheinung, die durch den **Traum** rehabilitiert wurde. Für die Auslandsdelegation um Abramovič, die den **Traum** schon zuvor durch die terroristischen Methoden gestellt sah, war nun nicht mehr nur der **Terror** ein historischer „Störfall“, sondern der **Traum** selbst. Sowohl der *Socialističeskij vestnik* als auch der „Novyj put“ ordneten ihre Argumentation ihrem Programm unter. Für die Sowjetunion-Analysen beider Gruppen war diese Auflösung der ursprünglichen Denkfigur gleichermaßen fatal, machte sie jeweils apologetisch, beliebig, nicht mehr in der Lage, differenzierende Erklärungsansätze für die historische und politische Wirklichkeit in der Sowjetunion zu liefern. Damit verloren sie letztlich jene Deutungskompetenz, die ihnen Analysen in den 1920er und 1930er Jahren Gewicht und Beachtung verliehen hatte. Elena Kuskova forderte, es sei nicht die Zeit für Programme, sondern für Argumente und eine kritisch-diskursive Auseinandersetzung mit den nachrevolutionären Realitäten im sowjetischen Russland²².

Im übertragenen Sinne kann das wohl auch für die historische Auseinandersetzung mit der sowjetischen Periode der Geschichte Russlands gelten: Die berechtigte Frage „historical impasse, or historical transformation perspective?“ kann hier, ähnlich wie das dichotomische Begriffspaar vom **Terror und Traum**, eine nützliche Denkfigur sein, um Komplexitäten und Widersprüchlichkeiten zu erkennen, den historischen Prozess in seinen Widersprüchlichkeiten zu begreifen, um zu verstehen, warum Alternativen scheiterten. Die Frage abschließend beantworten zu wollen wäre für den Erkenntnisprozess eine Sackgasse.

¹ Karl Schlögel: *Terror und Traum*. Moskau, 1937; München 2008.

² Rafael Abramovič: Četvert' veka // *Socialističeskij vestnik* (SV). Nr. 1 (Januar 1946). S. 5.

³ André Liebich: Eine Emigration in der Emigration. Die Menschewiki in Deutschland 1918-1941 // Karl Schlögel (Hg.). *Russische Emigration in Deutschland 1918-1941*, Leben im europäischen Bürgerkrieg, Berlin 1995, S. 229-241.

⁴ Hartmut Rüdiger Peter, Fedor I. Dan und Otto Bauer. *Briefwechsel 1934-1938*, Frankfurt/Main-New York 1999.

⁵ Das Bulletin „Internationale Information“ mit verschiedenen Beilagen.
⁶ Juli O. Martov: Naša platforma // *Socialističeskij vestnik* SV, Nr. 19, 4. Oktober 1922, S. 3-8.
 Grigorij Aronson: K peresmotru našej platformy // Ibid. Nr. 22, 15. November 1922, S. 9,
 Hartmut Peter: Die Parteiplattform der Menschewiki 1924 // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Nr. 3. 1995. S. 83-88.

- ⁷ Aktionsprogramm der Sozialistischen Arbeiterpartei Russlands // Der Kampf. Nr. 3. März 1925. S. 96-109.
- ⁸ Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongresses in Hamburg, 21. bis 25. Mai 1923. Nach der stenographischen Aufnahme hrsg. vom Sekretariat der Sozialistischen Arbeiterinternationale. Berlin 1923, S. 24.
- ⁹ Abramovič. Četvert' veka. S. 4-5.
- ¹⁰ Dan gründete 1940 in Paris die Zeitschrift „Novyj mir“, die seit 1941 als „Novyj put“ in New York erschien.
- ¹¹ Meist zum Jewish Daily Forward und New Leader // Liebich, Mensheviks Wage. S. 248-249.
- ¹² Fedor Dan. Dva puti // Novyj mir. Nr. 1. (März 1940). S. 3-7; Neobchodimoe ob'jasnenie // Ebenda. S. 15-16; Sud'by bol'shevizma // Novyj put' (NP). Nr. 8. (August 1941). S. 101-104.
- ¹³ Boris Nikolaevskij. O celjach i metodach sovetskoy diktatury // Socialističeskij vestnik. SV. Nr. 17-18 (Oktober 1945). S. 184-185.
- ¹⁴ Boris Dvinov. Komfašizm. Socialističeskij vestnik. SV. Nr. 6 (Juni 1946). S. 149-151; Social'naja baza komfašizma // Ebenda. Nr. 10 (Oktober 1946). S. 217-219.
- ¹⁵ Nikolaevskij. O celjach i metodach sovetskoy diktatury. S. 184.
- ¹⁶ Aron Jugov. Rekonstrukcija v SSHA i v SSSR // NP. Nr. 8-9 (November 1945). S. 793-796.
- ¹⁷ Ocerednaja zadača // NP. Nr. 4-5 (Juni 1946). S. 869-870, A. Glebov. Vozvraščenie domoju // Ebenda. S. 882-883.
- ¹⁸ Nikolaevskij. O celjach i metodach sovetskoy diktatury. S. 185.
- ¹⁹ Rafael Abramovič. Novyj pochod protiv socialdemokratii // SV. Nr. 2 (Februar 1946). S. 50-51.
- ²⁰ Rafael Abramovič. Nacional'nye interesy Rossii i vnešnjaja politika Stalina // SV. Nr. 9-10 (Mai 1945). S. 95; David Dalin: Konsolidacija sovetskoy sfery v Evrope // Ebenda. Nr. 13-14 (August 1945). S. 140-142.
- ²¹ Problema Mira // NP. 8-9 (November 1945). S. 789-791.
- ²² Kak iskat' pravdu? // SV. Nr. 21-22 (Dezember 1945). S. 252.

Солдатенко В.Ф. (Киев)

Украинский коммунизм в поиске теоретических моделей сочетания социальных и национальных факторов создания и развития федеративного социалистического государства

Украинский коммунизм явился проявлением своеобразия протекания революционных процессов первых десятилетий XX века в одном из крупнейших национальных регионов России. Он породил весьма специфические подходы к реализации идеи о социальном переустройстве общества, в том числе и в сфере национальных отношений, обосновав путей строительства полизитнического государства.

Получив в свое время категорическое идеологическое развенчание и политическое осуждение, накопленный в этой сфере опыт, естественно, не мог иметь и не имел в советской историографии сколько-нибудь предметного изучения. В настоящее время этот опыт не попадает в сферу исследовательских интересов уже по иной причине – как явление давно пройденного исторического этапа, якобы не имеющего актуального научного и политического значения. Немало, как известно, и тех, кого откровенно отпугивает все, что хотя бы в терминологии, не говоря уже о сущностной стороне, связано с коммунизмом. Однако, все отмеченное как раз является дополнительными аргументами к

насущной необходимости обращения к обозначенной малоизученной, интересной проблеме.

Украинский коммунизм, как явление, стал синтезом двух идеино-политических потоков, олицетворявшихся поначалу, казалось бы, очень различными партийными течениями. На рубеже XX века Украина подтвердила весьма зряко проявившуюся к тому времени закономерность: интернациональные коммунистические (социалистические, социал-демократические) организации не могли охватить всего своеобразия задач и целей, стоявших перед национальными общностями.

Рядом с РСДРП и ПСР, декларировавшими свою приверженность социалистической идеи, в Украине возникли организации, партии, среди стратегических целей которых на первое место выдвигалось решение национального вопроса – Революционная украинская партия (РУП), Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП), Украинский социал-демократический союз «Спилка», а также сеть организаций Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР).

Конечно, в годы, предшествовавшие Февральской революции, все упомянутые партии имели общую цель – свержение самодержавия – оплот социального и национального гнета. Однако украинские партии не шли на объединение с общероссийскими, считая, что последние недостаточно внимания уделяют решению национального вопроса (единственное исключение здесь – участие «Спилки» в троцкистском августовском блоке 1912 г.). Общей же платформой всех украинских социалистических партий явилось стремление к трансформации централизованного Российского государства в федеративную демократическую республику, в которой украинцы, наряду с другими нациями страны, получили бы право на широкую национально-территориальную автономию.

Когда эта платформа после Февральской революции начала реализовываться Центральной Радой (украинские социалистические партии заняли в ней доминирующее положение), наиболее чувствительными к довольно умеренным требованиям украинцев оказались большевики. Весьма яркими проявлениями тут стали известные ленинские статьи «Украина», «Украина и поражение правящих партий России», «Не демократично, гражданин Керенский!» и троекратное вхождение в кризисных ситуациях представителей киевской организации РСДРП(б) в состав Центральной Рады.

Довершая неосуществленную программу демократической революции, ленинская партия в последующие месяцы завоевывала все возрастающие симпатии в среде радикально настроенных элементов украинских социалистических партий. Так, в подготовке и проведении I Всеукраинского съезда Советов (11-12 декабря 1917 г., Харьков) приняла участие группа левых украинских социал-демократов, отпочковавшихся от УСДРП. Их не устраивала слишком осторожная, непоследовательная социальная политика Центральной Рады, а также – отход от народоправческих обещаний. Наоборот, прельщала, привлекала радикализмом, определенной социалистической направленностью политика партии, совершившей и углубившей Октябрьскую революцию. Председателем ВУЦИКа стал левый украинский социал-демократ Е. Медведев.

Были на I съезде Советов и некоторые представители украинских эсеров, отделившиеся от своей партии и вместе с большевиками, группой левых украинских социал-демократов голосовавшие за провозглашение Украины Советской республикой, и установление тесных федеративных связей с Советской

Россией. Знаменательно, что левые элементы этих партий во главе с коммунистами отдавали должное демократическим завоеваниям украинского народа, сохранили и для социалистической республики официальное название – Украинская Народная Республика.

То есть, уже к концу 1917 г. наметилось совершенно определенное движение «на встречных курсах». С одной стороны, консолидируясь в единую Коммунистическую партию (большевиков) Украины, местные коммунисты, принципиально придерживаясь федералистских ориентаций (одной из апогейных вех тут стала инициатива в создании Военно-политического союза советских республик), стремились учесть в своей политике национальный (украинский) интерес.

С другой стороны, все большую приверженность социальным аспектам общественной жизни проявляли левые течения УПСР и УСДРП. От них отпочковались достаточно многочисленные и весьма влиятельные в массах фракции «боротьбистов» (май 1918 г.) и «независимых» (январь 1919 г.), ставшие основой двух коммунистических партий – Украинской коммунистической партии (боротьбистов) и Украинской коммунистической партии (соответственно – август 1919 г. и январь 1920 г.).

Все три коммунистические организации в Украине преследовали одну (может быть, точнее – весьма близкую, схожую) цель – добиться органического единства социальных и национальных слагаемых освободительного движения, воплотив ее в некой идеальной государственной модели. Однако пути достижения этой цели виделись по-разному.

Большевики (Г.Пятаков, Н.Скрыпник, В.Затонский, Г.Лапчинский, В.Шахрай и др.) непререкаемой, абсолютной ценностью всегда считали интернационализм, к укреплению, торжеству которого они стремились через подлинно демократическое отношение к национальным чаяниям и интересам. Свое родство с последними они ощущали острее, сущностнее, поскольку объективно оценивали ситуацию в национальных регионах. Поэтому модель Союза Советских Социалистических Республик, задекларированная на его Первом съезде в декабре 1922 г., представлялась практически оптимальной.

Для выходцев из национальных партий, при все большей ориентации на коммунистические (на социальном срезе) идеалы, как бы нерассеченной сохранялась пуповина с национальным фактором, остававшимся если не исходным, то самодостаточным.

Так УКП(б) теоретически выстраивали перспективу создания Всемирной Федерации Социалистических Республик, полноправным членом которой непременно должна была быть Украина. Заложить основы этой федерации предполагалось на просторах бывшей Российской империи. С победой коммунистической революции во всемирном масштабе границы Социалистической Федерации должны были постепенно расширяться за счет автоматического присоединения новых советских республик.

В этом плане и самостоятельность Украины должна была явиться лишь предпосылкой перехода к Федерации. Однако в состав последней Украина должна была войти как отдельный политico-административный организм – не через Россию, а вместе с ней². Это убеждение проистекало из представления, что Украина с 1918 г. являлась самостоятельным государством³.

Теоретически Всемирную Федерацию должны были составлять равноправные штаты с собственным политическим управлением во главе с верховным руководящим центром. Зародыш последнего усматривался в

Коммунистическом Интернационале⁴. До победы коммунистической революции во всемирном масштабе неизбежным было бы руководство национально-этнографическим принципом с постепенным приближением к принципу экономической однородности определенных территорий.

Идеалом «независимых» из УСДРП, затем укапистов оставалось независимое государство. Федерацию они отвергали в принципе, но допускали ситуативные союзы, в т. ч. с Россией, для достижения определенных целей – скажем, борьбы с империализмом, взаимопомощи в упрочении социалистических республик, налаживании экономических отношений⁵.

Таким образом, все три коммунистические партии в Украине или решительно выступали за федеративное объединение советских республик, или же держали курс на союзное государство, исходя из ситуативной целесообразности⁶.

И все три коммунистические организации полагали, что создаваемая федеративная конструкция будет не только эффективно способствовать социальному прогрессу составляющих ее субъектов, но и окажется настолько демократичной, что найдет оптимальный вариант для их масштабной национальной самореализации. Они считали это настолько естественным, что в их среде возобладал вектор развития не в сторону поисков путей углубления национальной специфики и обособленности, а в сторону интернационального единения. Потому они и приняли решения о самороспуске (УКП(б) в январе 1920 г., а УКП в декабре 1924 г.), чтобы их члены могли влиться в ряды КП(б)У.

Особо следует упомянуть о затяжном визите в Советскую Россию и Советскую Украину в 1920 г. бывшего лидера УСДРП, перешедшего на коммунистическую платформу – В. Винниченко. В ходе серьезных переговоров и Москва и Харьков (тогдашняя столица УССР) были вовлечены в предметное обсуждение проблем, как оптимально сочетать коммунистические и национальные начала в осуществляющей политика в Украине⁷.

Именно в 1920 г. появилась известная статья Н.Скрыпника «Донбасс и Украина». Ее лейтмотив – пролетарий Украины (в большинстве своем русский, либо русифицированный) должен настойчиво овладевать украинской культурой, украинским языком, пойти навстречу традициям украинского села, но не с тем, чтобы сделать шаг назад, а чтобы сблизиться, слиться с крестьянством, которое составляло подавляющую массу украинской нации и, вооружая в привычных для него национальных формах передовой, коммунистической идеологией, повести за собой на строительство нового мира⁸.

Так, еще до принятия известного курса РКП(б) на коренизацию (XII съезд партии, апрель 1923 г.), в республике было многое предвосхищено (по крайней мере в моральном плане) для того, чтобы быть готовыми к осуществлению политики украинизации, а в более широком плане – коренизации. И могучий импульс достаточно масштабным, глубинным процессам тут дали два выдающихся политических, общественно-государственных деятеля – В.Винниченко и М.Скрыпник. Если первый шел от национальной идеологии УСДРП к марксистской платформе, то второй – от «чистого», интернационального коммунизма к воплощению его в украинских формах. Это встречное движение было весьма символичным и многообещающим.

Надо сказать, что впоследствии КП(б)У с огромным эффектом использовала настроения, таланты, морально-психологическую и идеальную готовность к целенаправленным действиям выходцев именно из среды украинских коммунистов – Г.Гринько, А.Шумского, Н.Скрыпника, А.Любченко, когда

осуществлялась политика украинизации (1923-1933 гг.). Под их руководством были достигнуты поистине грандиозные, исторические результаты, а федеративное государство только укреплялось.

К сожалению, следует отметить и то, что в силу различных причин этот богатейший опыт, в общем-то и не имеющий аналога в истории, до сих пор должным образом не оценен. Из него не сделаны надлежащие выводы-уроки, имеющие не узконациональное, но, бесспорно, гораздо более широкое, интернациональное значение⁹.

Осуществление национально-коммунистической политики (точнее, наверное, политического курса с учетом национально-коммунистического компонента) было прервано в 30-е гг. физическими, силовыми мерами, а не через переубеждение, дискуссии или что-то в этом роде. Широкомасштабный и многообещающий эксперимент не был доведен до конца. Но он, безусловно, имел глубинные корни, объективную детерминацию в самой сущности общественного развития нации, ее стремлений к самореализации. Поэтому и на более поздних этапах, скажем, в годы хрущевской «оттепели», в годы горбачевской перестройки одним из первейших и острых элементов неудовлетворенности, прорывавшейся в настроении и поведении отдельных индивидумов, их групп и даже организаций, оставалась национальная сфера, точнее те преграды (по большей части искусственные, перестраховочные, искажавшие подлинные принципы интернационализма), которые возникали в основном из-за недопонимания важности сочетания подлинного коммунизма и национальной (украинской) специфики.

Поскольку поучительные уроки из богатейшего, хотя и незавершенного опыта украинского коммунизма ни в свое время, ни позднее не были сделаны, в значительной степени затруднительным оказался (хотя, естественно, это не единственная причина) поиск новой модели, точнее обновления Союза ССР, предпринятый во второй половине 80-х гг. прошлого века. Наверное, не в меньшей степени сказалось и нежелание принципиально оценить негативные аспекты национальной политики КПСС, и не в последнюю очередь, относительно национально-коммунистических идей и их носителей.

Представляется, что если не в непосредственной, то в несколько отдаленной перспективе, но с неизбежной закономерностью, обязательно возникнут обстоятельства, которые вызовут необходимость решения проблем, во многом сходных с вышеизложенными. Тогда внимание к подобного рода аспектам исторического опыта, его сущностной оценке несомненно возрастет, а уже проделанная работа может оказаться полезной, конструктивной.

¹ Боротьба (Київ). – 1919. – 12 березня.

² Боротьба (Чернігів). – 1919. – 27 квітня.

³ Боротьба (Київ). – 1919. – 29 травня.

⁴ Там же. – 30 березня.

⁵ Червоний прапор (Київ). – 1919. – 22 січня.

⁶ См.: Солдатенко В.Ф. У пошуках соціальної і національної гармонії (екзізи до історії українського комунізму). – К., 2006. – С. 68-72.

⁷ См.: Солдатенко В.Ф. Три Голгофи. Політична доля Володимира Винниценка. – К., 2005. – С. 126-202.

⁸ См.: Скрипник М. О. Вибрані твори. – К., 1991. – С. 157-165.

⁹ См.: Солдатенко В.Ф. Октябрська революція и феномен українського комунізму // Октябрська Революція и Восточний Соціалізм. Міжнародний науковий симпозіум. Нанкін, Китай. – 2007. – С. 142-152.

И.Н.Панюта (Киев)

Классовая природа СССР и причины поражения строительства социализма

1. Необходимо преодолеть глубоко ошибочные, пагубные иллюзии о происхождении сталинизма и командно-административной системы из революционности и радикализма российского коммунистического движения начала XX в. Данные иллюзии разделяются как противниками, так и многими сторонниками коммунизма. Скорее и то, что называют «сталинизмом» и командно-административная система были порождены недостаточной зрелостью российского коммунистического движения.

Не являясь стратегическим, этот тезис представляет собой ключ к пониманию большинства других тезисов, поэтому и стоит в начале данной работы.

2. Процесс восстановления частнопредпринимательского капитализма (по крайней мере, по ряду существенных пунктов) начался, как это не парадоксально звучит, не позднее 30-х годов. Он не мог в тех исторических условиях не принять форму ультрапреволюционного курса, как бы продолжающего "дело Октября".

Главной "заслугой" режима тех лет был решительный поворот во внутренней политике к возвращению государственно-бюрократического "псевдокласса". Последний, с течением времени, неизбежно должен был стать обычным классом буржуазии, при условии дальнейшего отступления от теории и практики марксизма. Именно с 30-х годов (а не с 50-х или 80-х) осуществлялся окончательный поворот от советской системы государства, т.е. особой формы диктатуры пролетариата к буржуазно-парламентской системе. Во внешней политике руководство СССР содействовало разложению международного коммунистического движения.

Что касается репрессий 30-50х годов, то это наиболее «грубая часть работы» по восстановлению дореволюционных порядков, завершившаяся перестройкой уже в наше время.

Коммунисты и пролетариат не несут за них никакой ответственности, т.к. сами являлись объектом данных репрессий.

3. Пройдя через ряд этапов, наше общество окончательно вернулось к "классическому" капитализму в начале 90-х годов. Между всеми этапами есть глубинная логическая связь. Каждый следующий этап "закономерно" вытекал из предыдущего, внешне это выглядело как его отрицание.

Каждому этапу соответствовал и особый уровень вызревания эксплуататорских классов. Каждому этапу соответствовала также и особая общественно-политическая концепция, якобы опирающаяся на достижения марксизма, а на самом деле все более уводящая от его основных положений.

Легкость, с которой "перестройка" разбила существовавшую социально-политическую систему, объясняется длительным периодом ее расшатывания, который начинался не с 1985 и даже не с 1953 года.

4. Общество, в котором мы жили 70 лет - было ничем иным как прерванным переходным к социализму периодом. Этот период, согласно взглядам основоположников научного коммунизма, мог быть только периодом диктатуры пролетариата.

Отказ от нее, сначала фактический в 30-е годы, а затем и официальный в 60-е 70-е годы (концепция общенародного государства, развитого социализма) привел к реставрации капитализма.

Таким образом, можно сделать вывод, что смысл "перестройки" состоял объективно (т.е. вне желания конкретных людей) не в торжестве "общечеловеческих ценностей", не в "очищении общества", а в модернизации форм экономического принуждения, в превращении государственной собственности в частнокапиталистическую, в превращении верхушки общества из негласных распорядителей в открытых собственников всего созданного за годы советской власти.

5. Перестройка - это акт предпринятый не "здоровыми силами общества" (как об этом говорили одно время) против "паргосноменклатуры". Это акт, предпринятый самой "паргосноменклатурой", так как ей стало тесно ходить в "коротких штанышках" коммунистической доктрины. Подобный исход реформ стал возможен только после того, как верхушка общества политически (в 30-е - 50-е годы), а затем экономически (в 60-е - 70-е годы) дозрела до идеи взятия власти.

Как подлинные инициаторы репрессий 30-50х годов, периода застоя, так и авторы и заказчики перестройки - это одна и та же социально-политическая сила. Но находящаяся на разных этапах своего вызревания и поэтому применяющая для укрепления своего господства разные методы - от террора до демократии.

Именно в 80-е годы официальная коммунистическая доктрина, игравшая роль идеологического прикрытия, под которым как в теплице вырос класс новой буржуазии, стала помехой и была отброшена в сторону. В этом кроется секрет удивительной эволюции политических лидеров КПСС и лозунгов, которые они используют для манипулирования массами.

6. Основой эксплуатации является не просто частная собственность, а разделение труда, специализация труда и связанное с ним отчуждение производителя от продукта труда. До тех пор, пока будут в наличии эти экономические основы существования классов (всех, а не только эксплуататорских), необходимо существование периода переходного от капитализма к низшей фазе коммунизма - т.е. диктатура пролетариата.

Анализируя работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина¹ можно прийти к выводу, что с точки зрения их авторов в переходный период к социализму (в период диктатуры пролетариата) в комплексе решаются такие задачи, как:

- а) ликвидация эксплуататорских классов;
- б) превышение развитых капиталистических стран по объему производства на душу населения и уровню производительности труда;
- в) ликвидация экономических условий для существования классов вообще (т.е. противоречий между промышленным и сельхоз. трудом);
- г) свертывание товарно-денежных отношений.

Если быть точным, все четыре пункта - по существу, одна и та же задача, только по-разному сформулированная. Каждая формулировка выясняет одну из сторон единого процесса. Поэтому все задачи решаются длительно, параллельно и практически одновременно.

Главное

Сам же социализм - есть ни что иное, как низшая фаза коммунизма с уже преодоленными классовыми различиями (т.е. когда названные задачи - А, Б, В, Г - уже будут решены). Отличие социализма от высшей стадии коммунизма в том, что общество еще не стало социально однородным, т.к. еще не преодолены различия в умственном и физическом труде, существует развитая система

нормирования труда и вознаграждения по труду. На том уровне социально-экономического развития, достигнутым в СССР в лучшие годы его существования, лозунг "от каждого по способностям, каждому по труду" - просто не мог быть выполнен из-за невозможности правильного нормирования труда, слишком разного по своим условиям в разных отраслях; в сельском хозяйстве и промышленности.

С точки зрения марксизма, было бы абсурдом, да и грубейшей ошибкой выносить решение пунктов б), в), г) за рамки переходного к коммунизму (социализму) периода, т.е. за рамки диктатуры пролетариата.

Только при таком подходе теряет расплывчатость и противоречивость мысль Маркса, высказанная в "Критике Готской программы": "Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе.

Этому периоду соответствует и политический переходный период. И государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата"².

7. Итак, не социализм является переходным этапом от капитализма к коммунизму (как это утверждали сторонники "официального марксизма"), а диктатура пролетариата. В ее рамках допустимо длительное существование частной собственности, классов, эксплуатации. Переход к социализму требует гораздо больше времени, сил общества, чем об этом принято думать, зато делает ненужным провозглашение бесконечного количества этапов и "подэтапов" строительства коммунизма.

Такой подход к проблеме показывает логическую связь между всеми 4-мя решаемыми задачами социалистического строительства. Делает объяснимыми более реалистическое отношение коммунистов к частной собственности, эксплуатации. При этом коммунисты не превращаются в социал-реформистов, т.к. их политика становится более классово выдержанной, последовательной, уменьшает вероятность резких колебаний курса. Именно таким путемшли большевики в 20-е годы (НЭП). Как ни парадоксально это звучит, но именно преждевременное сворачивание НЭПа и было одним из проявлений ликвидации диктатуры пролетариата.

8. Следует четко представлять, что если мы будем констатировать поражение социализма в ряде стран, после того как он был полностью построен, мы тем самым ставим крест наialectико-материалистическом понимании исторического процесса, на его экономической обусловленности, на перспективах победы коммунизма.

К сожалению, не все коммунисты видят эту опасность.

Очевидно, что нигде в мире социалистическая стадия не была реализована в полной мере, в соответствии с марксистской теорией.

Но весь мир в той или иной степени продвигается к социализму, достижение которого возможно только через свершение социалистической революции в большинстве регионов земли.

Выводы:

- I. Социализм в СССР как низшая фаза коммунистического общества не был построен. При достижении социалистической стадии развития попытное историческое движение (без "внешних" - т.е. природных, техногенных и т. п. катастрофических причин) - невозможно!

II. Классовая природа так называемого советского общества в разные периоды его существования была различной.

1.1917 г. - начало 30-х годов - диктатура пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством. В этом союзе пролетариат все более уступал ведущую роль полупролетарским мелкобуржуазным массам города и деревни.

2.30-е - 1991г.: период "термидора" и медленного возвращения в систему частнопредпринимательского капитализма.

а) 30е - 50е годы: диктатура мелкой буржуазии, люмпенизированных слоев города и деревни (принявшей государственно-бюрократическую форму). Идеологически эту стадию обслуживала теория "Обострения классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму". Это - период превращения власти в привилегии.

б) 50е - 80 гг.: диктатура государственной буржуазии с элементами ми государственно-монополистического характера, идеологически эту стадию обслуживала теория "Общенародного государства", «Развитого социализма». Это - период превращения привилегий в богатства.

в) 80-е - 1991 гг. Переход от диктатуры государственной буржуазии к диктатуре крупной монополистической, олигархической буржуазии. Идеологически этот период обслуживался Концепцией «Правового государства», «Демократического социализма». Это период превращения богатства в капитал.

III. Пройдя период быстрой капиталистической модернизации 20-70-х годов, СССР - Россия - СНГ вступает (уже вступил) на путь общего социально-экономического развития мирового капитализма со всеми, присущими ему противоречиями и потрясениями.

Более того, сам факт разрушения псевдосоциалистической системы во главе с СССР ускорит вызревание глобальных противоречий капитализма, преодолеть которые возможно только революционным путем.

1 Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т.33.

С. 93 -94 « Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может : различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет эксплуатация человека человеком, ибо нельзя захватить средства производства... Социализм делает их общей собственностью. Постольку - и лишь постольку - «буржуазное право» - отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определенителя) распределителя продуктов и распределителя труда между членами общества.»

С.96 « Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезнет, следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и притом такой источник , которого одним переходом средств производства общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить нельзя.»

Ленин В.И. Аграрный вопрос в России в конце 19 века // Полн. собр. соч. Т.17.

С.127 «Уничтожение частной собственности на землю николько не изменяет буржуазных основ торгового и капиталистического землевладения. Нет ничего ошибочнее этого мнения, будто национализация земли имеет что-либо общее с социализмом или даже с уравнительностью землепользования. Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства. Национализация же есть превращение земли в собственность государства.

и такое превращение николько не затрагивает частного хозяйства на земле... Раз остается обмен, о социализме смешно и говорить. Обмен продуктов земледелия и средств производства совершенно не зависит от форм землевладения»

Ленин В.И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39.

С.15 « Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это - дело очень долгое.»

Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Ленин В.И. ПСС, т.39

С.276-278 «Социализм есть уничтожение классов...Чтобы уничтожить классы надо ...уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками... Это – задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса... Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами.

...А в то же самое время экономическая обстановка, обстановка товарного хозяйства, неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торговцем и спекулянтом»

С. 279 « Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы остались и останутся в течении эпохи диктатуры пролетариата.

Диктатура будет ненужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.»

Маркс К., Гражданская война во Франции // Собр. соч., т.17

С.342 «Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства». (выдел. мной)

С.346 « Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется само существование классов, а следовательно, и классовое господство. С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса»

С.347. «Рабочему классу предстоит не осуществить какие либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества».

Маркс К. Конспект книги Бакунина "Государство и анархия" // Собр. Соч. Т. 18.

С.611 «...покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен принимать меры насилия, стало быть, правительственные меры, если сам он еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устраниены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насилиственно ускорен»

С.615 «...пролетариат, вместо того, чтобы в каждом отдельном случае бороться против экономически привилегированных классов, достиг достаточной мощи и организованности, чтобы в борьбе против них применять лишь такие экономические средства, которые упраздняют его собственный характер как наемного рабочего, следовательно как класса, поэтому с полной его победой кончается и его господство, ибо кончается его классовый характер».

С.617 «Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов».

Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке // Собр. соч. Т. 19. С. 227.
² Маркс К. Критика Готской программы // Собр. соч. . 19. С.27

B.B. Тузов (Санкт-Петербург)
СССР - до срока рожденное дитя истории

Когда мы начинаем рассуждать о том, что собою представляет СССР как социальное явление, то можно определенно сказать, что единой точки зрения достичь не удастся. Это связано как с идеологическими предпочтениями, групповыми интересами, так и с особенностями личного, индивидуального восприятия социальной реальности. Однако, несмотря на это, каждый может высказать свою точку зрения и возможно найдет сторонников.

Возникновение и существование СССР не может быть оценено однозначно. Это многогранное и противоречивое явление, которое отразило многогранность и противоречивость того периода истории, когда оно существовало.

С моей точки зрения, СССР при всех его недостатках, был прогрессивным явлением, попыткой прыгнуть в «светлое будущее человечества». Именно прыгнуть, а не перешагнуть, как это предполагал К.Маркс и Ф. Энгельс. Прыжок оказался неудачным, так как слишком велика была пропасть между настоящим и будущим, чтобы ее преодолеть таким способом. Однако пример СССР показал, что может сделать народ ради общей цели, при равенстве прав и свобод, насколько это было возможно в то время. Кроме того, данный исторический опыт продемонстрировал важную роль государства в регулировании экономики, в планировании развития. Одновременно стали очевидны недостатки этого процесса. А именно, недопустимость абсолютизации, доведения до абсурда, как регулирования, так и планирования. Недостаток свободы в экономике и политике сдерживал творчество масс, порождал иждивенчество и пассивность, а главное не давал возможность активной части людей, которая не могла войти в существующие властные структуры, самореализовать себя иным образом. Властные структуры разных уровней не хотели принимать во внимание, как роль человека в системе социума, так и его психологию, уровень развития личности. Выводы делались не на основе того, что есть в реальности, а на основе того, что должно быть, если исходить из теории. Руководство страны пыталось законсервировать общество для обеспечения своей доминирующей роли в нем, но это стремление привело к противоположным результатам. Опираясь только на свой интерес, они потеряли поддержку со стороны населения. Отучили людей бороться за свои интересы. Когда их конкуренты решили «подтолкнуть» страну, ставшую неустойчивой благодаря бездарному менеджменту, она сразу же развалилась. Защищать ее оказалось некому. Это не означает, однако, что сама страна была плоха. Достижений у нее было не мало. Вот уже третье десятилетие группа, стоящая у власти, пользуется плодами СССР и материальными и идеальными. С материальными всем давно все ясно и эта ясность получила название в народе «прихватизация». Но СССР оставил людей, которые готовы работать просто так, ради работы. Потому, что не работать аморально и совестно. На этом держится пока наше образование, медицина, наука. Но это времена уходит вместе с людьми, носителями этого времени. Новое поколение уже не желает работать бесплатно.

Однако в своей статье я хочу обратить внимание на причины, которые привели к распаду страны, но не на все, а только на существенные. Сущность общества скрыта в человеке и тех отношениях, которые он создает. Но отношений не по форме, экономических, политических и т.п., а по содержанию, по их характеру.

С этой точки зрения, распад СССР по внутренним, существенным причинам аналогичен тому, что произошло при переходе от первобытного общества к классовому, «цивилизованному».

Первобытное общество отличается от цивилизации характером отношений и социальной структурой. Человеческое сообщество возникло как антитип биотическому, вырастая из последнего. Биотическое сообщество имеет связи между входящими в его состав особями, основанные на принципе доминирования - подчинения. Здесь сообщество существует преимущественно для отдельной особи, особи доминанты (элиты). Социальное сообщество создает принципиально иной тип отношений, отношения сотрудничества, когда отдельный индивид существует для сохранения целого, а целое обеспечивает сохранение индивида. Сущность социальных отношений можно выразить через такие понятия как равенство и гуманизм. Именно такие отношения для подлинно человеческого общества являются справедливыми.

Такой тип отношений существовал в первобытной общине, но в ограниченной, неразвитой форме. Сохранять такие отношения можно было только при наличии соответствующих условий. Первое условие - неразвитое мышление, неумение осознать себя как отдельное существо. Человек не выделен из коллектива, существует только «Мы-бытие». Второе условие - постоянная тренировка в усвоении традиционного поведения. И третье условие это страх. Страх перед посторонним миром за нарушение общепринятых норм поведения. Страх перед общественным мнением, страх наказания со стороны соплеменников, страх оказаться вне коллектива.

Однако по мере развития производства, увеличения индивидуальной производительности труда развивается и мышление человека. Появляется самосознание. Человек осознает себя как отдельное существо с отдельными интересами, которые не всегда совпадают с интересами коллектива. Начинается трансформация общества. Сначала возникает внутренняя дифференциация. Появляется слой людей, отличающийся от основной массы сообщества, «племенная аристократия». Затем общество постепенно разделяется на две группы - одна управляет и господствует, а другая подчиняется и трудится, обеспечивая первую группу всем необходимым для жизни и даже сверх того.

Начинается переход социального в свою противоположность, в свое «инобытие». С определенного момента исторического развития человеческое общество по качеству отношений ушло от социального и вернулось к биотическому. Это было необходимо для того, чтобы обеспечить самоорганизацию социальной формы движения материи, перевести исторический процесс в автоматический режим функционирования. Самоорганизация предполагает отбор форм организации людей через их конкуренцию. Как в природе действует открытый Дарвином закон естественного отбора, так и в обществе начал действовать этот же закон. Но в природе отбираются особи, а в обществе формы организации людей, формы культуры. Чтобы запустить механизм отбора в природе, существует инстинктивное стремление особей к первенству, доминированию. С развитием самосознания в человеке так же проснулся и вырвался на свободу через тонкую ткань культуры зоологический

эгоизм и инстинкты его обеспечивающие. Начался новый этап в развитии человечества.

Однако человеческий разум не стоит на месте. Он развивается. И на определенном этапе развития начинает видеть мир дальше своего живота. Большая часть людей продолжает жить по «законам джунглей», но мыслящая часть пытается понять нечто большее. Возникают модели «идеального государства», «общественного договора» и т.д. Человеческий разум начинает понимать, что человек живет не «по-человечески».

Капитализм довел «нечеловечность» человеческих отношений до совершенства. В них эгоизм представлен в чистом виде без средневекового патернализма. «Каждый за себя, один бог за всех». Появляются «Утопии...» обращение к разуму человека, попытка образумить людей и показать их бесчеловечность. И, наконец, вырастает такое социальное явление как классовая борьба. Борьба за справедливые отношения, социальные, экономические, правовые.

Эта борьба должна была привести социальную систему к созданию более гуманной формы социальных отношений, чем капиталистические. Однако переход к качественно новым отношениям имеет одну особенность. Здесь людей подстерегает одна хитрая историческая ловушка, которую Маркс и Энгельс предвидели, а вот В.И.Ульянов решил ее обойти.

Маркс и Энгельс считали, что для перехода к новому коммунистическому обществу с новым типом отношений необходимо иметь развитые производительные силы общества, т.е. саму техническую систему и соответствующую ей развитию человека. Ленин считал, что «Марксизм не догма, а руководство к действию». Поэтому раз сложилась революционная ситуация, необходимо захватить власть и с ее помощью создать развитые производительные силы в интересах всего народа. С изменением общественного бытия изменится и общественное сознание. Однако это оказалось утопией.

Сам автор и сторонник революции, которая и сделала возможным появление СССР, признавался косвенно в несвоевременности социализма. В речи по поводу четвертой годовщины октябрьской революции он писал о том, что «Мы считали, а точнее предполагали без достаточного расчета, что в мелкобуржуазной крестьянской стране можно наладить коммунистическое производство и потребление. Практика показала, что мы ошиблись. Не на революционном энтузиазме, а при помощи революционного энтузиазма, но на хозяйственном расчете...».

Другими словами любое дело упирается в человека и его психику, сферу мотивации. Оказалось, что в ницем обществе, не может быть равенства и справедливых отношений. Если ресурсы ограничены, эгоизм человека будет стремиться «урвать» для себя в ущерб другому и нет такой силы, которая бы его остановила. Работает инстинкт доминирования и самосохранения. Человеческое в таких условиях, т.е. совесть, чаще всего молчит. Чтобы победить эгоизм необходимо во-первых, создать изобилие ресурсов. Если всего много и это доступно каждому члену сообщества, нет необходимости воровать, обманывать, подсаживать коллегу ради его места, заработной платы, бизнеса и т.п. Во-вторых, научиться воспитывать людей в соответствии с изменяющимися условиями. Автоматически бытие не может определить сознание. Последнее имеет огромное значение для функционирования общества, особенно на этом этапе.

Из какого материала строился СССР? Это были малограмотные, голодные, злые, эгоистичные, тщеславные, честолюбивые люди, другими словами, дети

своего времени. И из этого материала надо было строить принципиально новое общество, с иным типом отношений. Самы учителя, строители оказались не на уровне своей теории. Верные ленинцы предали сущность того, что строили и построили нечто совершенно другое. Так же как христианство за 2000 лет не смогло воспитать нового человека, сами проповедники грешили вместе с паствой, так и революционеры погрязли в борьбе за власть и привилегии.

Один персонаж фильма «Мертвый сезон» очень точно выразил ситуацию, о которой мы рассуждаем. Когда его торопили с завершение исследовательской работы, он сказал: «Если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок не родится через месяц. Плод должен созреть». Революционеры в России решили, что можно процесс родов ускорить, не имея для этого соответствующих условий. Родился недоношенный ребенок, не способный к самостоятельной жизни. Именно поэтому появился Сталин, именно поэтому развалился Союз, его некому было поддерживать. Система управления не соответствовала тому, чем управляла. «А народ заслуживал того правительства, которое имел».

Развал СССР это возвращение страны к биотическим отношениям, подгонка социальных отношений под природу человека и прежде всего человека стоящего у власти. А у власти, как правило, оказываются люди с сильно выраженным природным стремлением к доминированию и с комплексом неполноценности, который усиливает это стремление с помощью сознания.

Отношения, которые соответствовали бы сущности социального, имеют в своей основе рациональное, а не биотическое начало. В основе новых отношений лежит разум и культура как результат разумной деятельности. Для этого этапа развития необходимо знать, что представляет собой социум, законы его функционирования во всех сферах. Недостаточно знать, необходимо уметь, т.е. иметь навыки, культуру управления и организации всех сторон жизни общества. Надо знать психику человека и уметь управлять ею в нужном для общества направлении. Все это необходимо потому, что этот этап в развитии социума основывается не на самоорганизации, а на организации и управлении, т.е. на знании и умении. Самоорганизация предполагает конкуренцию и неравенство, а это противоречит сущности социального. Равенство возможно только на основе понимания недопустимости неравенства и на объективных предпосылках для этого – изобилии материальных благ.

На современном этапе развития социальной формы движения материи в любой социальной системе заложено противоречие, которое обеспечивает изменение системы. С одной стороны это центро斯特ремительные силы, обеспечивающие стабильность общества, а с другой - центробежные, дезорганизующие, разваливающие систему. В обществе всегда достаточно честолюбивых, амбициозных людей и многие из них хотят стать первыми. Но первых мест мало. Выход один - «лучше быть первым в маленьком государстве, чем вторым в большом». Поэтому во всей человеческой истории империи создавались и держались на честолюбии и амбициях, воле выдающихся полководцев и политических деятелей. С их смертью соратники растаскивали империю на части. Новый правитель, обладая соответствующими качествами, снова собирал земли воедино.

Вывод. Появление СССР было репетицией, проверкой готовности современного человека к переходу на новую ступень развития. Практика показала преждевременность этого перехода. С другой стороны практика показывает, что этот путь возможен, если у властимущих хватает ума подстраивать существующие отношения под уровень развития населения.

Как когда-то Парижская коммуна была репетицией, предтечей Октябрьской революции и СССР, так и СССР был репетицией появления нового социального порядка.

В.Г.Буров (Москва)

Ретроспективный взгляд на историю Советского Союза

1. Нет сомнения в том, что образование Советского Союза явилось событием всемирно-исторического значения. Были созданы благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития всех народов, проживавших на территории прежней царской России. Социалистическая модернизация обеспечила превращение Советского Союза в ведущую индустриальную страну мира. Советский Союз оказывал серьезную поддержку международному коммунистическому и национально-освободительному движению, в результате произошли кардинальные изменения в геополитической картине мира. Крушение колониальной системы империализма, появление народного Китая – наглядное тому свидетельство. Мао Цзэдун в свое время сказал: «Залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Идти по пути русских – таков был наш вывод».

2. Однако бросая сегодня ретроспективный взгляд на историю Советского Союза, следует, на наш взгляд, говорить не только о достижениях, успехах, но и об ошибках, просчетах, которые были совершены в период его существования. Это необходимо не только для того, чтобы давать отпор клеветническим измышлениям относительно истории Советского Союза, но и для того, чтобы извлечь необходимые уроки из опыта прошлого. Другими словами, необходим серьезный и вдумчивый анализ того, что происходило в годы советской власти. Подобный подход позволит лучше обосновать социалистическую перспективу как в современной России, так и в других странах.

3. Прежде всего, необходим непредвзятый, свободный от идеино-политических пристрастий и эмоций объективный анализ содержания процесса кооперирования сельского хозяйства, который в Советском Союзе имел название «коллективизация». Нельзя не признать, что она была проведена с большими издержками, о чем свидетельствуют не только исследования историков (В.П.Данилов), но и произведения русской художественной культуры, в частности, роман «Год великого перелома», принадлежащий перу представителя так наз. почвеннической традиции в литературе России, «деревенщику» Василию Белову. Подобный анализ позволяет уяснить факторы, влияющие на процесс формирования класса современного крестьянства в нашей стране.

4. Необходим также серьезный анализ национального вопроса в Советском Союзе, успехи в его решении очевидны (если не принимать во внимание депортации ряда наций в период Великой Отечественной войны): за годы советской власти произошло значительное, а в отдельных случаях громадное повышение материального и культурного уровня наций, живших на территории нашей страны. Результатом явилась фактически поголовная грамотность населения, расширение слоя интеллигенции, а в целом ряде случаев, ее создание.

5. Формирование новой исторической общности – советского народа, - о которой так много говорили и писали в Советском Союзе, сопровождалось одновременно ростом национального самосознания, что нередко приводило к зарождению и развитию национализма в различных его формах, в том числе радикальной. Отдельные представители национальной интеллигенции в союзных и автономных республиках становились идеологами, организаторами

антисоветских организаций. И дело не в персоналиях, а в реальных фактах. Однако данная проблема открыто не обсуждалась, ее «загоняли внутрь». Она встала «во весь свой рост» с началом так наз. «перестройки».

6. И здесь возникает один очень важный вопрос, связанный, во-первых, с самим процессом создания Советского Союза и, во-вторых, с национальной, этнопсихологической картиной тогдашней России. Речь идет о том, насколько принятая тогда формула создания Советского Союза отвечала условиям, существовавшим в нашей стране в 20-30-ые годы прошлого столетия. Необходимо поэтому, на наш взгляд, заново посмотреть на дискуссию между В.И.Лениным и И.В.Сталиным по этому вопросу, и не было ли у отдельных руководителей ВКП(б) завышенных ожиданий относительно перспектив решения национального вопроса в обозримом будущем? И одновременно перспектив мировой революции? Возможно, они плохо представляли себе менталитет и традиции южных и восточных наций России, поскольку те сравнительно недавно вошли в состав Российской империи.

Очевидно, что были допущены серьезные, и как оказалось впоследствии, непоправимые ошибки, при проведении национально-территориального размежевания. Зачастую в этом вопросе руководствовались не объективными факторами, а geopolитическими соображениями и субъективными причинами. К сожалению, нынешнее российское руководство «наступает на те же грабли».

Обо всем этом следует говорить прямо и откровенно, чтобы Российской Федерации не постигла участь Советского Союза.

7. В этой связи следует отметить, что руководители Компартии Китая (Мao Цзэдун) не включили в Конституцию КНР пункт о возможности выхода национальных автономий из состава китайского государства, за что, кстати, в период советско-китайского конфликта китайских руководителей необоснованно обвиняли в великоханьском шовинизме. Во Вьетнаме в 60-е годы прошлого века национальные автономии были вообще ликвидированы.

8. Заслуживают изучения еще два взаимосвязанных вопроса – отсутствие контроля снизу и внутрипартийная демократия (ложный тезис Брежнева 1979 г. о «единомыслии» и единодействующей партии) нельзя не сказать и об отсутствии инновационного подхода к теории особенно, в сфере экономики. В частности, имело место отрицание рыночных отношений при социализме. Между тем, китайская концепция «социалистической рыночной экономики» свидетельствует о возможности, полезности и необходимости их использования при строительстве социализма.

9. На наш взгляд, отмеченные выше моменты выступали как негативные факторы в историческом процессе существования Советского Союза и в той или иной мере способствовали его распаду, однако данный факт не может уменьшить заслуг перед человечеством первого в мире социалистического государства.

В.В. Калашников (Санкт-Петербург)

Советский путь - не тупик

Известно, что прошлое лучше видится на расстоянии. Необходимость анализа прошлого с учетом новой ретроспектизы в полной мере относится к крупнейшей историографической проблеме: оценки советского пути развития как исторического феномена.

В начале 1990-х гг. правящие круги на Западе и в России рассматривали распад СССР и ухода России с социалистического пути как двойное благо: во-первых, в мире закончилась опасная «холодная война», которую «империя зла» навязала «демократическому Западу»; во-вторых, Россия, заведенная

коммунистами в «исторический тупик», вернулась на путь «цивилизованного развития», прогресса и демократии.

Однако чем больше времени проходило с рубежного 1991 г., тем менее убедительной становилась эта оценка во всех ее аспектах. Опыт прошедших десятилетий показал, что мир в целом не стал безопаснее, а Россия вместо обещанного социально-экономического прогресса оказалась отброшенной назад по всем ключевым показателям.

Промышленность и сельское хозяйство до сих пор не достигли уровня 1989 г. по важнейшим показателям. Децильный коэффициент, показывающий уровень социального расслоения, вырос с 4 до 15, демонстрируя четырехкратный рост несправедливости в распределении общественного богатства. По индексу развития человеческого потенциала, принятому в ООН для измерения уровня развития стран мира, Россия, которая в 1980-е годы входила в тридцатку ведущих стран, теперь находится на 60 месте. Этот индекс весьма представителен, ибо вычисляется на основе трех основных показателей: душевой ВВП, уровень образования, продолжительность жизни.

В конкретных условиях России открытая рыночная экономика, основанная на частной собственности, оказалась менее эффективной, чем плановая. Она превратила Россию в сырьевую придаток развитых стран, резко усилила технологическое и научное отставание, и, самое страшное, лишает ее перспектив догнать Запад, потому что создает условия для постоянной утечки мозгов и капиталов. Острое социальное неравенство порождает негативные проблемы, преодолеть которые невозможно за короткий срок. Потеря прежних идеологических ориентиров обернулась моральной деградацией общества. Оборонный потенциал государства и общества ослаблены по всем показателям.

2. Итоги постсоветского развития заставляют по-новому смотреть на историю СССР в последние десятилетия, которые оценивались сторонниками «радикальных рыночных реформ» как годы нарастающего кризиса, ведущего к катастрофе.

Следует отметить, что версия об «историческом тупике» базируется прежде всего на тезисе о неспособности советской модели экономического развития конкурировать с рыночной экономикой в длительной исторической перспективе.

Однако этот тезис не имеет убедительных аргументов. На протяжении всех лет своего существования СССР развивался более динамично, чем западные страны, несмотря на то, что условия его развития были намного менее благоприятными.

Если взять уже упоминавшийся нами индекс развития человеческого потенциала, то за период 1913-1990 гг. этот индекс вырос в России в 4,5 раза, в Великобритании - в 2 раза, в США - в 2,3.

Обычно динамику развития экономики СССР сравнивают с динамикой развития крупнейшей и самой богатой капиталистической страны - США. В принципе такое сравнение методологически некорректно. Однако и оно не свидетельствует в пользу капитализма. Известны расчеты Б. Болотина, ведущего специалиста в СССР в области сравнительного анализа, показывающие динамику национального дохода в СССР и США:

Душевой национальный доход СССР\США (в среднем за год, в долларах)

	1951-55 гг. - 930\4200;	1981-85 - 3535\6825;
	1961-65 гг. - 1570\4600;	1986-90 гг. - 4100\7275.
	1971-75 гг. - 2635\5900;	

Из этих данных видно, что СССР в послевоенный период постоянно сокращал разрыв с ведущей экономической державой мира: с 22% в начале 1950-х до 56% во второй половине 1980-х. Этот факт либеральные экономисты стремились всячески затушевывать, используя в своих расчетах не динамику производства реальной товарной продукции (показатель национального дохода), а динамику товаров и услуг, которую отражает показатель ВВП - валового внутреннего продукта. В 1970-1980-е гг. темпы роста стоимости услуг в западных странах были выше темпов роста стоимости товаров, что и создавало впечатление более динамичного развития Запада.

Сказанное не означает, что в экономическом развитии СССР не было проблем. В 1970-е гг. темпы развития стали заметно падать. Их динамика в так называемую «эпоху Брежнева» или в последние четыре «доперестроевые» пятилетки показаны в таблице 1.

Таблица 1. Основные показатели социально-экономического роста СССР

Годы	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985
Национальный доход	41%	28%	21%	17%
Промышленность	50%	43%	24%	20%
Сельское хозяйство	21%	13%	9%	6%
Производительность труда	37%	23%	17%	16,5%
Реальные доходы на душу	33%	24%	18%	11%

Причины замедления темпов были известны. Главная состояла в том, что экономика СССР подходила к пределам развития по экстенсивному пути. Так, если среднегодовая численность занятых в экономике в 1971-1975 гг. выросла на 1,5 %, то в последующих трех пятилетках этот прирост составлял соответственно: 1,3%, 0,5%, 0,1%. Вторая причина была связана с изменением приоритетов развития: все большая часть полученной прибыли шла на увеличение потребления, все меньшая часть вкладывалась в развитие производства. Таблица 2 наглядно показывает снижения темпов роста капитальныхложений и корреляцию по трем основным показателям.

Таблица 2. Среднегодовые темпы прироста (%)

Годы	1961-1970	1971-1980	1981-1985
Капиталовложения	7,6	5,1	3,7
Промышленность	8,5	6	3,7
Сельское хозяйство	3,3	1,2	1,1

Уровень жизни населения в «эпоху Брежнева» рос большими темпами. Так, средний размер зарплаты в 1965-1985 гг. у рабочих и служащих увеличился со 100 до 190 рублей в месяц. Резко сократился разрыв в доходах между работниками государственного сектора и колхозниками: если в начале 1950-х гг. он равнялся 3:1, то в 1980 г. - 10:8. Колхозники стали получать ежемесячную оплату труда. Увеличивался размер пенсий и стипендий. Активно продолжалось жилищное строительство. Объем городского жилья, построенного в 1965-85 годы превысил объем всего городского жилого фонда, имевшегося в СССР в начале 1960-х гг.

Созданный экономический потенциал позволял стране наряду с постоянным ростом уровня жизни населения решать еще одну важнейшую задачу: именно в эпоху Брежнева СССР создал ракетно-ядерный потенциал,

который позволял нанести неприемлемый ущерб любому агрессору в любой ситуации.

Так что ситуация в экономике СССР 1970-80-х гг. была проблемной, но далеко не драматичной. А опыт последних десятилетий, показал, что советская экономика имела большой запас прочности: современная рыночная экономика России все эти годы просто проедала тот потенциал, который был создан в СССР. Этот факт не отрицает не один серьезный экономист.

Отметим и то, что не один серьезный экономист в мире в «доперестоечное время» не предсказывал краха советской экономики. Напротив. Один из самых известных экономистов мира В. Леонтьев, опубликовал в 1977 г. книгу «Будущее мировой экономики», в которой дал прогноз развития мировой экономики до 2000 г. Прогноз для СССР был весьма благоприятен.

Если говорить о реальных экономических проблемах, которые беспокоили население страны в «эпоху Брежнева», то они заключались в следующем: 1) качество товаров отечественного производства все больше и больше не устраивало население страны, поскольку в условиях растущей информационной открытости СССР люди ориентировались на качество товаров, производимых на Западе; 2) растущий дефицит в торговле на товары высокого качества, а также ряд товаров повседневного потребления (самый яркий пример – мясо и мясопродукты).

Были ли эти проблемы обусловлены коренными пороками социалистической системы развития? Для ответа на этот вопрос достаточно напомнить, что в социалистических странах Восточной Европы товары ширпотреба были более высокого качества, чем в СССР, и они охотно раскупались советскими гражданами. Напомним и о том, что сегодня в «рыночной» России товары отечественного производства также уступают по качеству многим импортным товарам. Следовательно, причины низкого качества отечественных товаров надо искать не в порочности советской экономической модели, а в чем-то другом. Например, в культуре производства товаров ширпотреба, которая в России веками отставала от уровня Запада, и не могла быстро сложиться в те три мирных послевоенных десятилетия, когда страна получила возможность отойти от сталинской экономики мобилизационного типа, нацеленной на решение задач оборонного характера.

Если говорить о дефиците мяса, то опять же напомним, что такого дефицита не было ни в ГДР, ни Польше, ни в Венгрии. Там мясо стоило достаточно дорого для того, чтобы ограничить на него повседневный спрос вполне разумными пределами. Иными словами – причина дефицита заключена не в пороке системы, а в неправильной экономической политике.

Обычно в качестве главного примера успешности радикальных рыночных реформ капиталистического характера как раз и называют отсутствие в постсоветской России товарного дефицита, связанных с ним очередей и т.п. Это действительно важный общественный фактор. Однако не менее важно понимать и то, что российский рынок был наполнен не за счет роста эффективности постсоветской рыночной экономики, а за счет фискальных мер: в 1992 г. Гайдар просто отпустил цены – и никаких очередей за товарами, которые стали недоступны большей части населения. Второй путь наполнения прилавков – открытие российского рынка для зарубежных товаров широкого потребления. А что взамен? Нефть, газ, металл, лес и т.п. В свое время либералы постоянно говорили о фатальной зависимости советской экономики от экспорта энергоносителей. Однако в настоящее время эта зависимость во много раз больше. И с точки зрения общенациональных интересов использование средств, полученных от экспорта энергоносителей, осуществляется несопоставимо хуже.

Большинство проблем, которые существовали в советской экономике, в настоящее время не только не решены за счет эффективности рыночной модели развития, а напротив, приобрели куда более серьезный характер. В свете таких результатов постсоветского развития тезис о «советском тупике» превращается в слабый пропагандистский миф. Уроки постсоветского развития выявили не слабость, а огромный потенциал и непреходящую ценность советского пути развития.

Если ее сравнить с показателями постсоветского периода, то советская картина получается просто блаженной. Даже если бы все 1990-е годы прирост экономии был бы равен 0, в абсолютных показателях в стране продолжалось бы каждый год накапливаться огромное богатство, улучшая жизнь большинства населения. Так в 1990 г. в России было построено около 62 млн. кв. метров общей площади жилых домов. Если бы такое количество жилья вводилось за каждый последующий год, то по статистике годовые темпы прироста каждый год были бы равны нулю, но за 10 лет мы построили бы 620 млн. кв. метров доступного для всех жилья. Переход к рынку привел к резкому падению объемов жилищного строительства (до 30 млн. кв. метров в 2000 г.) И это жилье перестало быть доступным для простых россиян.

Версия об «историческом тупике», как правило, базируется на тезисе о неэффективности советской модели экономического развития, ее неспособности конкурировать с рыночной экономикой в длительной исторической перспективе.

В.Н.Шевченко (Москва)

Экономическая независимость СССР: пути достижения, историческое значение, причины ее утраты

Советский Союз был образован в 1922 году. Концептуальное видение социализма в одной стране СССР. К 1923 г. становится явным различие в позициях между Троцким и Сталиным. Для Троцкого построение социализма в СССР обуславливается исключительно дальнейшим победоносным развитием мировой пролетарской революции, поскольку он мыслил экономику советской страны как неотъемлемую часть мировой экономической системы. При сохранении мирового капитализма СССР, по мнению Троцкого, не сможет преодолеть свою зависимость от капиталистической экономики, и революция обречена на скорое поражение. Что делать стране, задает вопрос Stalin, если мировая революция откладывается? Пытаться и далее обострять революционную ситуацию в Европе, когда устойчивым, хотя и времененным, как тогда считалось, становится откат революционной волны?

Сталин, который после смерти Ленина становится фактическим руководителем партии и государства, отстаивает в партийных дискуссиях свою позицию о возможности и необходимости построения социализма в одной стране. Stalin в ходе обсуждения при этом неоднократно ссылается на рассуждения Ленина о неравномерности революционного процесса в его статье «О нашей революции. (По поводу записок Н.Суханова)». К концу 1925 года линия Сталина оформляется в директивы XV съезда партии. Концептуальная идея постепенно превращается в стратегическую цель.

Высшая, буквально абсолютно, высшая цель для Сталина – это финансово-экономическая независимость СССР, которая достижима только при построении вней социализма. Эта мысль постоянно находится в центре постоянных поисков и размышлений. Stalin правильно определял связь между зависимостью и отсталостью. Отсталость порождена зависимостью, а не наоборот. Царская Россия

была в течение столетий сельскохозяйственной базой и сырьевым придатком индустриально развитых европейских стран. Советская Россия в январе 1918 г. отказалась от царских долгов, которые имели огромные размеры. Это событие позволило стране в финансовом плане перестать зависеть от Запада и создать свою устойчивую национальную валюту.

Сталин многократно повторяет в 20-е годы - начале 30-х годов мысль о том, что Советский Союз должен сделать все, чтобы не допустить повторения дореволюционной ситуации. «Индустриализация является основным средством сохранения экономической самостоятельности нашей страны»¹. В замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР Сталин пишет следующее: «В конспекте не учтена зависимая роль, как русского царизма, так и русского капитализма от капитализма западноевропейского ввиду чего значение Октябрьской революции как освободительницы России от ее полуколониального положения остается немотивированным»².

Сталин с самого начала своей политической деятельности стоит на жесткой позиции признания раскола мира на два непримиримых лагеря – лагерь капитализма и лагерь социализма. Лагерь капитализма сильнее и от него исходит угроза войны для страны. Сталин ставит в центр проблему государственной безопасности. Он неоднократно говорил о том, что страна должна стать военной крепостью, должна решительно бороться против внутренних врагов, которые впоследствии были названы «пятой колонной». Сталин говорит, что возможно построить социализм в нашей стране, но «он не будет застрахован от внешнего нападения, и в этом смысле его победа не будет окончательной»³. Эти последние слова Сталина оказались пророческими. В 1929 году происходит переход к мобилизационному способу воплощения в жизнь концептуальной идеи Сталина, который в начале 30-х годов приобретает в силу ряда обстоятельств практическую неограниченную власть над обществом.

Оценка Сталиным внешних угроз с точки зрения тенденций мирового развития была весьма адекватной, и это главное, почему мобилизационный тип развития страны при всех его огромных издержках воспринимается как вынужденная, но абсолютно необходимая мера по созданию безопасных условий жизни для страны и ее населения. Своевременность ее проведения показал ход и исход Великой Отечественной Войны. Критики Сталина обычно игнорируют внешние факторы, которые обусловили переход к мобилизационному типу общества, и тогда конечно легко объяснить великий перелом 1929 года исключительно вероломством и жаждой личной власти.

Решающим событием, которое подтолкнуло Сталина к мобилизации, явилась «великая депрессия» осени 1929 года. Мировой кризис привел к резкому падению цен на машины, оборудование, инструменты, качественный металл. Можно было купить или получить по выгодному кредиту целые комплексы не только промышленного оборудования, но и отдельных заводов.

В этих условиях Сталин и объявляет в декабре 1929 года о великом переломе. Он ставит перед страной и партией задачу построить социализм в кратчайшие сроки. В 1931 году он говорит о дальнейшем увеличении темпов движения. Он прямо связывает темпы с преодолением отсталости. «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. ... Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»⁴.

В Советском Союзе индустриализация приводит к тому, что буквально через три-четыре года появляются целые отрасли индустрии, имеющие самое новейшее оборудование. Л. Троцкий писал в 1931 году, что для Сталина «цифры внешней торговли все больше становятся командующими цифрами по отношению к планам и темпам социалистического строительства»⁵.

Подчеркнем еще раз. В переходе к мобилизационному типу развития огромную роль сыграли внешнеэкономические факторы. История нашей страны очень часто пишется при тщательном выписывании разных внешнеполитических и дипломатических деталей и при намеренном игнорировании роли внешнеэкономических факторов, анализа состояния финансовых ресурсов, кредитно-денежных потоков, в том числе займов. Но для понимания, как мировой, так и отечественной истории ее денежно-финансовое сопровождение имеет первостепенную значимость.

Формирование мобилизационной модели развития шло в течение 3-4 лет. В 1933-1934 годах она в основном сложилась. Новый мир стал обретать реальные контуры, хотя и далеко не в совершенном виде. Было сотворено то, что называло «русским чудом». Поистине это были фантастические свершения в промышленной сфере, настоящая революция в сфере образования, науки и технологий. Советский Союз становится маяком развития для всего мира, духовное лидерство страны Советов в те времена неоспоримо. Паломничество в неё становится потребностью для всех, кто ищет путей и способов мирового обновления. В. Маяковский назвал новую Россию «весной человечества».

С позиций европейского марксизма трактовка социализма Сталиным постоянно подвергается самой сурьowej критике. Сталинский социализм мол лишь внешне напоминает настоящий социализм, который должен вырасти из высокоразвитого европейского капитализма. В Советском Союзе был построен явно антикапиталистический социализм. Поэтому его называют военным, государственным, административным, «мутантным» социализмом, но независимо от названия, его называют ложным, псевдосоциализмом.

Но возможен и другой взгляд на проблему советского, шире российского социализма. А что, если марксова, европейская трактовка социализма, если её сделать универсальной моделью социализма, сегодня оказывается дезориентирующей для всех социалистов незападного мира. А что, если к реализации марксовых идей освобождения труда, гуманизма, нового общества и нового человека ведут различные пути в обществах с различными цивилизационными особенностями. Вполне возможно, что сегодня нет единого пути и нет единственно правильных критериев социализма, и тогда оказывается, что СССР, Сталин искали в новых исторических условиях особый путь развития страны, альтернативный Западу, не противостоящий западному пути, а дополняющий, в чем-то его обогащающий и даже опережающий по способам решения социальных проблем. Возможно и так, что европейский социализм и российский (в своей ранней версии советский) есть в принципе две стороны одной медали, два разных модели реализации идей социализма с точки зрения соотношения в них материальных и духовных факторов, способное порождать все более многообразные формы социализма в будущем. Дальнейшее решение проблемы советского социализма, построенного Сталиным, досталось другим руководителям страны, которые не смогли или не захотели дополнить матрицу государственного социализма «сверху», сформировавшуюся в годы мобилизационного развития страны, живым творчеством масс, социализмом «снизу».

После смерти Сталина бюрократия стала настоящим правящим классом в советском обществе. Она сместила Хрущева, заставила Брежнева принять ее правила политической игры. Она устроила перестройку и получила к своей власти еще и государственную собственность, успешно ею поделенную. Бюрократия вывела на улицу мещанина-потребителя, которому социализм давал мало вещей, и они были низкого качества. В конце концов, руками этого массового потребителя и было покончено с «реальным социализмом». Выиграла бюрократия – проиграла страна, которая вернулась на прежнее место периферийной страны в

миро́вой капиталистической экономи́ческой систе́ме. То, что было задумано и реализовано в ходе самоутверженного труда советских люде́й, было разрушено и утрачено. «74 года советского эксперимента при всем его трагизме оказались временем беспрецедентного исторического величия, оплаченного столь же беспрецедентными жертвами»⁶.

В 1922 году, когда возникает СССР, начинается становление советской цивилизации. Кризисные явления приводят в середине 80-х годов к авантюрной попытке свершения нового этапа социалистической революции, революционной перестройки всех сторон жизни социалистического общества, которая по замыслу ее инициатора М.С. Горбачева должна была «разогреть» революционную лаву, застывшую на долгие годы общество. Но его попытка полностью провалилась. В 1993 году советская цивилизация уходит навсегда с исторической арены.

Тайные надежды значительной части российского общества на приход нового Сталина будут жить, пока кардинально не изменится сегодняшняя ситуация в стране. Россия не сможет долго пребывать на задворках мировой истории и мировой экономики, выступать в роли сырьевого придатка развитых стран Запада. Или она сойдет с мировой арены, не выдержав конкуренции с другими быстро растущими мировыми лидерами. Или она вновь станет великой державой, каким был СССР, как в военно-политическом, так и в финансово-экономическом отношениях. А главное, Россия сможет продемонстрировать всему миру новую привлекательную для него систему социалистических ценностей, в которой удовлетворение вещественных, предметных потребностей будет подчинено великим целям духовного обновления и преображения человека и человечества. Огромный позитивный, хотя и весьма противоречивый, опыт Советского Союза должен быть в этой связи подвергнут тщательному изучению.

¹ Сталин И.В. Соч. Т.6. С.238.

² Там же. Т.14. С.362.

³ Там же. Т.7. С.118.

⁴ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1945. С.328-329.

⁵ Цит. по ж. Бюллетень оппозиции. Апрель 1931. №20. С.4.

⁶ Цит. по ж. Бюллетень оппозиции. Апрель 1931. №20. С.4.

И.А.Благих, Д.В.Мельник (Санкт-Петербург)

Организация внешнеэкономического сотрудничества СССР: успехи и проблемы

Со времени формирования социалистического блока по итогам Второй мировой войны Советский Союз пытался организовать эффективное экономическое сотрудничество. В 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Однако вскоре выяснилось, что эта структура не оправдывала возлагаемых на нее ожиданий — во многом потому, что в ее рамках отсутствовали механизмы координации и хозяйственного взаимодействия на межгосударственном уровне.

Новый импульс развития структуры СЭВа получили во второй половине 1960-х гг. Одним из важных инструментов международного сотрудничества в рамках СЭВ стал Международный банк экономического сотрудничества, оперирующий расчетной международной валютно-денежной единицей — «расчетным рублем». Похожие процессы происходили и в странах Западной Европы, где «эко» — существовавшая тогда расчетная денежная единица, превратилась в конце-концов в реальную валюту «евро». Однако в Западной

Европе интеграционные процессы опирались на более длительную историю экономического и политического сотрудничества.

Провозглашенное в 70-е гг. «разделение труда» в рамках экономического сотрудничества стран-членов СЭВ, нередко воспринималось в восточно-европейских странах как попытка СССР привить им однобокое экономическое развитие, как попытка лишить их экономической независимости, привязать к советской экономике и манипуляциями в ценовой политике установить незквивалентный экономический обмен. В Югославии, Венгрии, Румынии и Польше все чаще появлялись публикации, говорившие о том, что в плановом порядке невозможно установить справедливые цены. Справедливая цена, утверждали их авторы, может появиться только в условиях конкуренции, рыночной экономики, на основе действия механизма спроса-предложения и свободного выбора производителями и потребителями своих контрагентов.

Например, югославская газета «Политика» поместила в начале 70-х гг. обширную передовую статью о сотрудничестве социалистических стран в рамках СЭВ, где, в частности, отмечала: «СССР уже на протяжении многих лет обеспечивает все социалистические страны сырьем и топливом, причем с каждым годом во все больших размерах. Однако советские возможности не являются безграничными. Товарообмен между социалистическими странами в рамках СЭВ свидетельствует о все более неблагоприятном положении Советского Союза, который теперь в основном вынужден экспортствовать сырье и топливо, а не машины, в то время как в европейских странах социалистического лагеря проявляются прямо противоположные тенденции роста экспорта машин».

Далее в статье приводилась мысль о том, что к сырьевым ресурсам СССР проявляют интерес не только социалистические страны и поэтому существуют три возможных сценария дальнейшего развития событий:

- СССР может переориентироваться на продажу сырья на Запад в обмен на современные технологии;

- СССР может открыть прямой доступ к своим рудникам, чтобы страны СЭВ добывали сырье на советской территории самостоятельно, вкладывая собственные средства в развитие добывающей и перерабатывающей инфраструктуры;

- СССР по-прежнему будет продолжать обеспечивать экономический рост всего социалистического лагеря за счет растущей эксплуатации своих природных богатств.

За десятилетия реализации Согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий, включающих координацию национальных планов экономического развития (1970 – 1981 гг.), в структуре экспорта стран-членов СЭВ, произошли значительные изменения

Структурные сдвиги, произошедшие за указанное десятилетие, коснулись не только СССР, где сократилась доля экспорта продукции машиностроения и выросла доля экспорта энергоресурсов и сырья. Они произошли в Болгарии, по линии сокращения поставок на рынок стран-членов СЭВ промтоварного ширпотреба, при одновременном росте производства средств подъемно-транспортного оборудования, добычи минерального сырья и химических удобрений. В Польше болезненную реакцию шахтеров вызвало сокращение

добычи бурого угля, непригодного для металлургического производства, при одновременном росте поставок из СССР качественного угля для развития в Польше металлургии и создания на ее основе ряда машиностроительных производств и судостроения. В Румынии, при исчерпывании собственных нефтяных месторождений, нефтеперерабатывающее производство зависело от поставок советской нефти, но ее руководство заявляло о высоких ценах на нефтяное сырье, что, якобы, служило причиной низкой зарплаты румынских рабочих. Были случаи проявления недовольства новым этапом сотрудничества, в рамках СЭВ, и в других странах.

В свою очередь Советский Союз был заинтересован во ввозе из капиталистических стран целого ряда товаров. К ним относились: прокат черных металлов и трубы, химические товары и, в первую очередь, синтетические волокна, пластмассы и ткани из искусственного сырья, обувь, одежда, зерно для переработки на комбикорма, мясо и рыбопродукты, оборудование для автомобильной, химической, текстильной и машиностроительной промышленности, электроника. В свою очередь, капиталистические в основном европейские страны, заинтересованы были в получении из СССР нефти и нефтепродуктов, природного газа и каменного угля, железной и хромовой руды, лесоматериалов и хлопкового волокна, цветных металлов, алмазов, пушнины и мехового сырья, подсолнечного, льняного масла и других товаров сырьевого, энергетического и природно-натурального происхождения. За 1971 – 1975 гг. объем торговли СССР с развитыми странами Запада увеличился в 3,5 раза и в 1975 г. достиг 17 млрд. долл.

Оптовая торговля практически невозможна без взаимного кредитования. С начала 70-х годов Советскому Союзу удалось преодолеть ряд дискриминационных барьеров, установленных западными банкирами для социалистических стран и, в частности, «бернское соглашение», по которому срок кредитов для СССР не должен был превышать 4-5 летнего срока. Промышленные кредиты стали предоставляться под закупку западного оборудования сроком на 10-15 лет на суммы 500 млн. долларов и выше, под 5,5-6% годовых. Новая практика предоставления кредитов позволила СССР модернизировать автомобильную отрасль (заводы ВАЗ, КАМАЗ, ГАЗ), наладить производство железнодорожных окатышей на горнообогатительных комбинатах (ГОК в Костомукше), горнодобывающую промышленность в районах Сибири и Дальнего Востока (Южно-Якутский угольный комплекс, Якутское газовое месторождение, Экибастузский и Канско-Ачинский угольные разрезы). В СССР были построены заводы по производству «Пепси-Колы» и сигарет «Мальборо». Основными партнерами советских предприятий являлись фирмы Италии, Франции, Англии, Австрии и Финляндии.

Кредиты предоставлялись на компенсационной основе. Это означало, что новые предприятия, построенные по западным лицензиям и с поставками импортного оборудования, рассчитывались частью производимой продукции, а частью – поставками товаров, произведенных на других предприятиях. СССР участвовал в поставках оборудования для модернизации металлургии во Франции, текстильных фабрик в Италии, модернизации предприятий по переработке уранового топлива в Англии, строительстве металлургического комбината в Финляндии и т.д.

Однако общая структура экспортного товарооборота имела для СССР топливно-сырьевую ориентацию.

Товарная структура экспорта СССР в развитые капиталистические страны (в 1977 г.)

Наименование продукции	Объем торговли (в тыс. рубл.)	Уд. вес в общем объеме экспорта
Машины, оборудование, транспортные средства	289 462	3,26
Строительные материалы и детали	9 361	0,11
Сырье для производства пищевых товаров	25 861	0,29
Промышленные товары народного потребления	101 520	2,40
Пищевые товары	111 603	2,26
Топливо, минеральное сырье и материалы	5 783 306	65,17
Химические продукты, каучук и удобрения	160 247	2,81
Непродовольственное сырье и продукты его переработки	1 272 384	14,34
ИТОГО	7 753 744	91,60

Источник: Экономические отношения Советского Союза с развитыми капиталистическими странами // Бюллетень иностранной коммерческой информации. М. 1976. Приложение 1. С. 31.

Перекосы экспорта СССР в сторону сырьевых ресурсов удавалось компенсировать торговлей и экономическим сотрудничеством с государствами Азии, Африки и Латинской Америки. Если в 1960 г. Советский Союз имел соглашения об экономическом и техническом сотрудничестве с 14 государствами, из них 9 в Азии и Африке, то к 1975 г. число стран, подписавших соглашение с СССР достигло 55: африканских – 29, азиатских – 21, латино-американских – 5. При экономическом и техническом содействии СССР в странах «третьего мира» было построено и введено в эксплуатацию (на 1 января 1980 г.) 643 объекта, в том числе 278 – промышленных и энергетических, 70 – транспортных и средств связи, 63 – в сфере производства и переработки продуктов сельского хозяйства, 157 объектов здравоохранения, культуры и просвещения. Сооруженные по советским проектам и оснащенные советским оборудованием предприятия давали в 1977 г. более 40% чугуна и примерно 30% стали от общего объема производства стран «третьего мира».

Таким образом, к 1970-м гг. внешнеэкономические СССР развивались в двух направлениях: сотрудничество с социалистическими странами и торговля с капиталистическими странами.

Сотрудничество со странами СЭВ представляло преимущественно прямой productoобмен, часто планируемый на длительный период путем двухсторонних соглашений, опосредованный переводным рублем как счетной единицей. Это сотрудничество давало возможность использовать преимущества механизмов планирования и позволяли участникам экономить твердую валюту. В то же время, внутри структур СЭВа постоянно присутствовали противоречия между отдельными странами и их группами. Они в ряде случаев существенно затрудняли реализацию потенциальных преимуществ. В частности, отдельные страны, получая в рамках долгосрочных бarterных сделок сырье (в первую очередь из СССР), перепродают его третьим странам по мировым ценам.

В рамках торговли с капиталистическими странами СССР получал доступ к передовым технологиям, необходимому промышленному оборудованию, некоторые виды ресурсов. И в этой области присутствовало стремление к бартерным сделкам и заключению долгосрочных контрактов. Однако преобладающее значение в торговле по этому направлению играла твердая валюта. В связи с этим возникла потребность в форсировании экспорта, что с середины 1970-х гг. обеспечивалось во все возрастающей степени за счет поставок сырьевых ресурсов (прежде всего, нефти и газа).

К 1990-м гг. экономическое развитие СССР попало в зависимость от мировой конъюнктуры. Осознание этого стало едва ли не основным экономическим фактором выдвижения концепции ускорения социально-экономического развития. Однако формы и методы реализации этой концепции не соответствовали реальным условиям и механизмам функционирования советской экономики.

A.E.Крохин (Санкт-Петербург)

Об одном, но очень важном показателе

Никто не отрицает выдающихся достижений плановой экономики в отдельные периоды, но буржуазные экономисты указывают на присущие ей особенности, вследствие которых, даже после своих успехов, она должна уступить место свободным рыночным отношениям. По сути, эти экономисты утверждают закономерность реставрации капиталистических производственных отношений после кратковременного социалистического развития.

Данная работа посвящена критике одного из таких утверждений.

Секрет распада СССР понять несложно.

В журнале "Эксперт" № 1 (29.12.2008-18.01.2009) опубликована статья профессора Российской экономической школы Владимира Попова "Закат плановой экономики" с подзаголовком "Почему советская модель потеряла динамизм в 1970-1980-е годы".

Во-первых, автор отмечает, что происходившее в экономике СССР в 1970-1980-е никак нельзя назвать кризисом. Это был именно застой, потеря динамики по сравнению с пиком развития, который пришёлся на начало 1960-х годов. Экономика после этого периода росла, но с замедляющимися темпами.

В 30-50-е годы только две страны мира сокращали экономическое отставание от США - Япония и СССР. Ранее, в XIX веке, это отставание увеличивалось как в царской России, так и в Европе. Советский Союз быстро его сокращал: подушевой ВВП (валовой внутренний продукт) повысился с 20% от ВВП США в 1928 году до 40% к концу 1960-х, несмотря на падение во время войны. В связи с таким успехом последующее замедление выглядит странно.

Замедление роста, вопреки ожиданиям, происходило одновременно с ростом доли инвестиций в ВВП с 15% в 1950-м г., до более, чем 30% - в 1985-м. Это противоречит закономерности, отмеченной во многих случаях: инвестиции сопровождаются ростом экономики. Япония, Южная Корея, Тайвань, имея столь же высокую норму накопления капитала, сохраняли высокие темпы роста, по крайней мере, до тех пор, пока не догнали развитые страны. В КНР доля инвестиций в ВВП поднялась с 30% в 1970-1975-м гг. до почти 50% в 2005-2007 гг. при том, что темпы роста сохранились на уровне 10% в год на протяжении почти трёх десятилетий. Следует вывод, что в самой природе плановой

экономики есть нечто, снижающее эффективность накопления капитала в некоторые периоды.

По словам профессора Попова, есть "известный факт" - неспособность плановой системы производить своевременную замену устаревшего оборудования. "Плановая экономика может строить новые мощности и расширять действующие, но вот когда дело доходит до обновления мощностей, здесь плановая система тягаться с рыночной неспособна". В промышленности СССР только 30% капиталовложений шли на возмещение выбытия против 50-60% в США, остальные 70% шли на расширение или прирост незавершённого строительства.

Вследствие строительства новых мощностей и расширения действующих, в ущерб реконструкции, их загрузка снижалась: новые мощности не были обеспечены трудовыми ресурсами.

Казалось бы, что именно в плановой экономике легче было директивно направить инвестиции не на расширение, но на реконструкцию промышленных мощностей. Но это противоречило бы главному принципу её функционирования - плановому заданию по объёму производства. "Главным критерием оценки деятельности предприятия было выполнение пресловутого плана по валу, причём отказаться от этого принципа, не меняя самой природы системы, было невозможно... плановая система из-за имманентного и неотъемлемого дефекта - неспособности своевременно обновлять устаревающее оборудование - обречена была пережить жизненный цикл, связанный со сроками службы основного капитала". Если этот срок около двадцати лет, то после "большого толчка" - резкого расширения капиталовложений, в нашем случае - индустриализации СССР в начале 1930-х годов, должно начаться замедление темпов роста в начале 1950-х. В реальности оно началось на десять лет позже, но это вследствие восстановления промышленности, разрушенной войной.

Способность к мобилизации для осуществления "большого толчка" всегда считали достоинством плановой экономики. Оказывается, после этого она может более или менее успешно функционировать двадцать-тридцать лет. Потом требует замены.

"...этот "встроенный дефект" плановой системы достаточен для объяснения темпов роста... Все другие дефекты плановой системы либо не являются встроенными (то есть, видимо, не связаны с самой её природой), либо не успели проявить себя в полной мере в период застоя..."

План по валу.

Валовая продукция предприятия за какой-то период - это стоимость всей продукции предприятия, произведённой за этот период. Это показатель просто планировать и просто проверять выполнение такого плана отдельным предприятием. Министерству, тресту, управлению, отдельному предприятию спускали плановое задание по производству валовой продукции, награждали за перевыполнение и наказывали за недовыполнение. Относительно вала устанавливали фонд заработной платы и нормы затрат. За перерасход фонда заработной платы наказывали. План на следующий период устанавливали от вала, достигнутого в предыдущем периоде, подталкивая тем самым рост производства.

Валовая стоимость при централизованно установленных ценах на продукцию позволяет достаточно просто контролировать и натуральные показатели производства. При стабильных ценах, рост вала означает и натуральный рост.

Сложности учёта такого простого показателя начинаются, когда мы начнём суммировать вал по всему народному хозяйству. Стоимость промежуточного

продукта, например - металла, уже однажды подсчитанная, при выпуске продукции следующего передела, например - проката, оказывается подсчитанной в составе стоимости последнего. Чем больше число переделов до выпуска конечной продукции, тем больше суммируется одна и та же стоимость. Возникает так называемый "воздушный вал".

Вал по плану.

Недостатки такого показателя были известны с момента его появления и споры о показателях продолжались с начала 1920-х до начала 1930-х годов. Но в 1934 году постановление "О единой системе показателей", утвердило основным директивным показателем валовую продукцию. Именно её планировали предприятиям, по ней отчитывали директора и секретари комитетов партии. Требовали рост именно валовой продукции и цифрами этого роста, прежде всего, отмечали преимущества планового хозяйства вообще и руководства партии конкретно.

Главенство данного показателя в 1930-е годы, возможно, было оправдано тем, что во время индустриализации рост валовой продукции отражал реальный рост производства. Но по мере насыщения потребности в каком-либо продукте усиливаются искажения.

Цель общественного производства - удовлетворение потребностей людей. Эти потребности конечны, однажды наступает насыщение, как наступило насыщение хлебом в СССР. То же самое можно сказать о потребности в пище вообще, о потребности в одежде, в жилище. Количественный рост производства, начиная с некоторого момента, неизбежно будет совпадать с ростом населения. После этого производство может развиваться только качественно.

Чтобы выдать вал по плану, предприятие было вынуждено производить продукцию возможно менее трудоёмкую, то есть на возможно низшем техническом уровне. Также надо было производить продукцию с максимальными материальными затратами, то есть снова на возможно низшем техническом уровне. Именно в этом была причина замедления роста производительности труда в СССР по сравнению с ростом капиталовложений.

Догоним капитализм.

В результате активности выступавших против вала хозяйственников и учёных вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР № 695 от 12.07.1979 "Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы". Оно ввело комплекс показателей работы предприятия и увязывало выполнение плана как в стоимостном, так и в натуральном выражении.

Что-то из предписанного стали выполнять, но в целом показатель валовой продукции удержался на своём месте. Попытка реформы 1979 года провалилась. Вал выжил и царствовал до гибели СССР.

Но этот показатель присущ плановой экономике не более, чем другие показатели, и присущ не только плановой экономике. Чаще всего эффективность народных хозяйств сравнивают именно по ВВП на душу населения. С того времени, как рядом с капиталистическими государствами образовалось государство диктатуры пролетариата, потребовалось сравнивать плановое производство с капиталистическим. Простейший и нагляднейший способ - сравнение по валовому внутреннему продукту. Очень удобно было рапортовать народу, что плановая экономика догоняет капиталистическую и в обозримом

времени, при сохранении темпов роста перегонит. Тогда социализм победит в соревновании с капитализмом.

Вал оказался самым удобным показателем для бюрократического управления и для пропаганды успехов социализма. Полагаем, что в этом тайна его живучести.

Валовой пузырь.

"Воздушный вал", создаваемый повторным счётом стоимости, в 1985 году составлял 541 миллиард рублей, 39,2% от ВВП.

Этот повторный счёт не просто висел грузом, раздувая отчёtnость. Планирование происходило от достигнутого. Каждый процент роста от достигнутого в 1985 году ВВП составлял 14 миллиардов рублей, из которых 4 миллиарда были "воздухом", стоимостью несуществующих товаров. Пузырь попросту лопнул.

Убежим от социализма.

В погоне участвуют двое. Капитализму в XX веке было так же жизненно важно убежать от своего смертельного врага, как социализму - догнать. Экономические достижения социализма отрицать невозможно, поэтому и после его смерти капитализму нет покоя, победителя преследует призрак мертвеца, точнее - память о достижениях. И капитализм вынужден бежать по той же дорожке.

Способом раздувать вал является коммерциализация социальной сферы.

В валовой внутренний продукт США входит такой странный показатель как "приписная рента", составившая за 2006 год около 10% ВВП

То есть, буржуазная идеология, говоря о развитии, подразумевает количественный рост, рост стоимости, и в попытках убежать от плановой экономики бежит по тому же направлению роста ВВП, а для оправдания капиталистической экономики использует методы, увеличивающие именно показатель, но не отражающие реального увеличения производства. И на этом пути нельзя остановиться, изменить показатели, потому что это будет признание своей неправоты, умаление достижений.

Остановиться и подумать.

Показатель валовой продукции - один из многих возможных показателей развития производства, и он не присущ исключительно плановой экономике. Он сыграл разрушительную роль не сам по себе, но когда лишь превратился в главное средство управления производством в руках правящей бюрократии. Выдавая задание по росту произведённой стоимости, бюрократия давала ложную цель производству и получала ложный отчёт о результатах выполнения, разрушаив, в конце концов, плановое производство.

Цель социалистического производства - удовлетворение потребностей людей. От капиталистической экономики общество, по сути, требует того же. Буржуазные идеологи, оправдывая существование капитализма, в первую очередь говорят, что только он способен удовлетворять спрос потребителей. Для удовлетворения потребностей людям нужны продукты труда определённого качества, и конечно - в определённом количестве. То есть, единственный - стоимостной - показатель никак не может отмечать уровень развития производства.

Если начать сравнивать капиталистическое и социалистическое производство в стоимостных показателях, то социализм проиграет. Пресловутый

вал с развитием производительных сил общества, переходящего к коммунизму, должен уменьшаться.

Следовательно, присущими плановому производству являются натуральные показатели, а стоимостные необходимы лишь на начальном этапе его развития.

Социалистическое производство не может соревноваться с капиталистическим, исходя из принципов капиталистического производства, то есть, по показателям стоимости произведенного товара. Такое соревнование неизбежно заведёт в тупик социалистическое производство.

Б.И. Максимов (Санкт-Петербург)

Положение и ориентации рабочих накануне и в начале перестройки

По объективному положению и субъективным настроениям (ориентациям) рабочих в конце рассматриваемого на Чтениях периода (и в начале следующего) можно, вероятно, в определенной мере судить, оканчивался ли названный период тупиком или имел и перспективы развития. Понятно, что перемены в общественной жизни, вплоть до радикальных, типа тех, что произошли в 1990-х гг., обусловливались не только объективными обстоятельствами, но и известным субъективным фактором; в его составе – восприятием рабочими ситуации накануне и в начале перестройки. Считали ли они, что развитие общественного строя зашло в тупик или может быть продолжено? Рабочие в то время были одной из основных социальных групп, более того – рассматривались, в соответствии с тогдашними представлениями, в качестве ведущей социальной силы. От их позиций в значительной степени зависело, по какому пути пойдет дальнейшее развитие.

Автору тезисов довелось в доперестроочный период работать на заводах в СПб в качестве социолога. Специальных исследований, посвященных рабочему классу, в этот период мы не вели, но рабочие попадали в поле зрения социологов при исследованиях другой тематики; можно сказать, что мы непосредственно соприкасались с рабочими (например, при анализе бригадных форм организации труда). Из неформальных исследований стоит упомянуть «наблюдающее участие» непосредственно в рабочей среде сотрудника ИСЭП АН СССР А.Н. Алексеева, перешедшего затем полностью в рабочие и отразившего результаты своих наблюдений в 2-томной монографии «Драматическая социология¹». В общесоюзном масштабе положение, ориентации, деятельность рабочего класса изучал специализированный институт в составе Академии Наук – ИМРД (Институт международного рабочего движения); результаты исследований его сотрудников за 1980–1990-х гг. нашли отражение в серии выпусков «Социально-трудовые исследования», где, в т.ч. анализировалось рабочее движение в России в период радикальных трансформаций².

Каковы же были положение и ориентации рабочих на переломе общественного развития?

Положение рабочих относительно других социальных групп в стране по большинству социальных параметров не являлось критическим и требовавшим кардинальных изменений, оно не служило предпосылкой к действиям революционного типа (даже если считать последние прямо производными от положения). По некоторым показателям рабочие находились даже в более привилегированном положении.

Общая позиция рабочих была критической, можно сказать оппозиционной, что отражалось в скрытом или артикулируемом непублично недовольстве

существующими порядками. Но важно отметить, какой характер имела оппозиционность. Л.А. Гордон и его соратники из ИМРД (ИМЭМО) РАН считали, что уровень жизни рабочих был низким, и они были ориентированы на «преодоление госсоциализма»; писали: «наиболее вероятным направлением ... является движение по одному из вариантов замены госсоциализма капитализмом или посткапитализмом». Аргументами служили утверждения, что «социально-экономическое положение трудящихся при капитализме... оказалось лучше, чем при госсоциализме», и что «из лексикона рабочего движения исчезло упоминание социализма».

Однако данные нашего анализа показывают, что критический настрой рабочих не доходил до отвержения социализма в целом и уж тем более до замены его «капитализмом или посткапитализмом» (до реставрации капитализма – так это звучало). Недовольство было острым, особенно в конце 1980-х – начале 1990-х. Так, шахтеры, стоявшие в пикете на Горбатом мосту в Москве, говорили, что «менять надо все»; но они имели в виду не отbrasывание социалистического пути, а коренное обновление общественного устройства (известные преобразования в политической, экономической, социальной сферах). В одном из программных документов рабочего движения – «Программном заявлении Союза трудящихся Кузбасса», принятом 4-й конференцией Союза в конце 1989 г., – можно увидеть в качестве фундаментальных задач ликвидацию административно-командной системы, перестройку хозяйственного механизма, введение реального хозрасчета, передачу всей полноты власти советам, ликвидацию монополии КПСС на власть, демократизацию избирательной системы и др. Нигде не упоминается неприятие социализма; более того – в начале «Заявления» Союз провозглашает «социалистические идеалы – своими идеалами». Очевидно, срабатывал классовый инстинкт. Сомнений в возможности модернизации советской системы в данном документе не содержится. Сам Гордон говорил, что рабочие, по крайней мере, не осознавали относительно низкий уровень своей жизни. Независимый исследователь А.А. Темкина характеризует рабочее движение как антитоталитарное, но не антисоциалистическое.

Надо отметить, что, по нашим наблюдениям, недовольство рабочих в весьма значительной степени выражалось в отчуждении (самоотчуждении) от участия в управлении, политической жизни, социальной активности в целом («уходило в отчуждение»). Наглядно это приходилось видеть на примере деятельности Советов бригадиров, которым в начале процессов демократизации в сфере производства были предоставлены широкие полномочия (вплоть до права отстранения директора предприятия от должности). Рабочие не верили в прокламируемую их ведущую роль, не хотели использовать возможности вмешательства в управление, хотя бы с целью частичных изменений (улучшений). В дальнейшем отчуждение только углублялось, и это было одной из главных причин «попустительства» рабочих относительно исторического попятного движения в общественном развитии.

Что же касается капиталистической перспективы, то теперь наиболее отчетливо видно – она была спущена сверху, сначала в замаскированном виде перехода к рынку, затем в форме «народной» приватизации и, наконец, открытого провозглашения капиталистического курса со всеми его атрибутами. Рабочие молча проглотили капитализм в рыночной упаковке, как так же молча упустили строй, провозглашавший их гегемонами. Такова, очевидно, была позиция и других групп трудящихся.

¹ Алексеев А.Н., Драматическая социология. (Эксперимент социолога-рабочего). [В 2 кн.] - 1997

² Гордон Л.А., К изучению общественных проблем труда в России первой половины 90-х годов: субъекты и объекты социально-трудовых отношений - 1996 (Социально-трудовые исследования. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. Центр сравн. социал.- экон. и социал.-полит. исслед. Отд. социал.-труд. исслед.. Вып. 5), Новые формы занятости. [Сб. ст. - 1998 (Социально-трудовые исследования. Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН, Центр сравн. социал.- экон. и социал.-полит. исслед. Отд. социал.-труд. исслед.. Вып. 12), Трудовые перемещения и адаптация работников. [Сб. ст.] - 1996 (Социально-трудовые исследования. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. Вып. 6), Российские преобразования на фоне мировых трансформаций и положение наемных работников - 1998 (Социально-трудовые исследования. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН, Центр сравн. социал.- экон. и социал.-полит. исслед. Отд. социал.-труд. исслед.. Вып. 11) и др. изд.

T.K. Муслимов (Махачкала)

Русские как ключевой фактор консолидации дагестанских народов в полиглоссическую общность

На современном этапе, когда во всем мире в ответ на глобализацию наступил «ренессанс этничности», дагестанские ученые обнаружили ускорение объединительных процессов в этнических недрах дагестанских народов. Профессор Гаджиев Т.В. считает, что в Дагестане сформировался суперэтнос с общими историко-культурными чертами и элементами общего самосознания¹. Доктор политических наук Дибиров А-Н.З. обратил внимание на совершенно новую этническую ситуацию, особенно в городах республики, состоящую в появлении массы людей, обладающей особой объективностью. В результате переселения с гор на равнину появилось поколение дагестанцев, которое потеряло большинство объективных признаков, позволяющих отнести их к той или иной народности республики. Из объективных признаков, прежде всего, они потеряли родной язык.

Автор называет этот слой «пятнадцатой народностью» Дагестана (в Конституции РД как коренные титульные перечислены 14 народов). И подчеркивает, что именно эта прослойка будет в перспективе носителем духовной, экономической, и самое главное, политической власти в республике, именно из нее будет рекрутироваться национальная элита. Она прекрасно владеет русским языком, что позволяет свободно ориентироваться в общественно-политическом процессе. Эти люди получают лучшее образование, что позволяет получать лучшие рабочие места. Они воспитываются в конкурентной среде, что уже дает им более высокие шансы для карьерного роста, по сути, превращаются в доминирующий социальный слой республики².

В унисон А-Н. Дибирову, доктора философских наук Мустафаев М.Б. и Мустафаева М.Г. отмечают, что общедагестанский «плавильный котел» и смешанная этнокультурность сформировали несколько поколений граждан полиглоссической идентичности, что объективно формирует общедагестанский тип этнокультурного гражданина³.

Консолидационные тенденции в этнических недрах дагестанских народов отмечают и другие ведущие этнологи страны. Академик В. Тишков дал следующую характеристику Дагестану: «Республика Дагестан – один из самых уникальных регионов не только России, но и всего мира с точки зрения

этнокультурного многообразия проживающего здесь населения, сложности как историко-генетических, так и современных этнополитических проблем»⁴.

Профессор Абдулатипов Р.Г., говоря о дагестанских народах, подчеркивает: «Различий между нами меньше, чем общих, характерных для всех черт. У нас, бесспорно, есть различные языки и элементы культуры, но при «едином миропонимании вещей». Это уже философское, психологическое, сущностное составляющее народа, нации в целом»⁵.

Больше всего в объединительный процесс вовлечены, по мнению ученых, все дагестаноязычные народы и тюркоговорящие кумыки. Примечательно, что русские, вернувшись в республику из миграции в русские области, говорят, что их там воспринимают не вполне русскими, а то и дагестанцами. Парадоксально, что столь тесные объединительные этнонациональные процессы происходят в регионе, где население исповедует три мировые религии, причем в их разных ветвях, существуют четыре языковые группы, разговаривают на 28 языках автохтонных народов, проживают 7 разделенных народов.

Автор поставил перед собой задачу этнополитического осмысливания этого феномена хотя бы в общих чертах с точки зрения его предпосылок и процесса реализации.

В эпоху до Кавказской войны дагестанские народы жили на своих этнических землях. Примечательно, что, не будучи объединены в единое государство, общую территорию они воспринимали как отчество. За всю свою историю дагестанские народы не воевали за территориальные приобретения и власть друг над другом. При внешних угрозах и агрессии совместно выступали на защиту отечества, проливали кровь друг за друга. В совместной борьбе сложились общая историческая судьба, идеалы, традиции и общедагестанский патриотизм. Две трети населения в тот период жило в горной зоне. Тяжелейшей проблемой в горах была трудодоходность. Ежегодно значительная часть мужского населения занималась отходничеством. Весной к началу весенних полевых работ возвращались.

Обозначенное национальное бытие дагестанских народов было определено двумя предпосылками:

- первое, положительной комплементарностью, тем, что Л.Н. Гумилев называл «непреоборимой приязнью между народами»⁶.

- второе, хозяйственной взаимозависимостью и взаимосвязью гор и Прикаспийской (Кумыкской) низменности.

В хозяйственной практике горцы арендовали, а богатые и покупали, пастбища на равнине для ведения своей основной отрасли экономики – отгонного животноводства и занимались на сельскохозяйственные работы, насколько это позволяла тогда не обводненная, не мелиорированная, болотистая земля в равнинной зоне.

В этих предпосылках географический (ландшафтный), социальный, экономический и политический факторы выступали в единстве. Они вполне поддерживали соседское мирное проживание. Но в существующих реалиях у них не было потенциала для консолидации и развития. Востребован был дополнительный фактор, который привел бы к созданию материальных и организационных условий для реализации указанных предпосылок на новой основе. Таким фактором явился приход в Дагестан русских.

Хотя русские пришли в Дагестан с Кавказской войной⁷, обращает на себя внимание примеры, свидетельствующие о комплиментарности между русскими и горцами.

Историк В.Г. Гаджиев отмечает, что горцы Северного Кавказа оказали влияние на материальную культуру русских переселенцев – терско-гребенские казаки переняли у горцев одежду, снаряжение, вооружение и прочее. В свою очередь, русские переселенцы оказывали благотворное влияние на материальную и духовную культуру горцев, причем как он отмечает, образовавшееся в районе Терека конгломерат из представителей разнозычных народов прекрасно уживался между собой, не было между ними ни неприязни, ни притязаний на господство одних над другими⁸ (речь идет о периоде с середины XVI – до конца XVIII вв.).

Показательно также, что в период Кавказской войны прогрессивная русская интеллигенция не воспринимала горцев как врагов. Великие представители русской интеллигентии А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой, А. Бестужев-Марлинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, офицеры А. Руновский, Е. Марков, бывшие участниками войны, давали высокие оценки свободолюбию, храбрости дагестанцев, уважительно относились к их нравам. Видный ученый и историк В.Л. Величко писал о дагестанцах: «Если человеку с сердцем симпатичны мусульмане-азербайджанцы, то жители Дагестана еще более вызывают сочувствие. В них много истинного благородства: мужество, верность слову, редкая прямота. Многие племена, например, считают убийство из засады позорным, и у них есть пословица, гласящая, что «врагу надо смотреть в глаза». Самый поверхностный взгляд на дагестанцев убеждает в том, что они люди с достоинством»⁹.

В тылу имама Шамиля пленные русские солдаты и перебежчики пользовались свободой вероисповедания. Для них была открыта церковь. Этот пример интересен тем, что в то же время идеологическая война против царизма позиционировалась как газават (война с неверными).

Беспрецедентно отношение к Шамилю и его семье после пленения. Впоследствии им было пожаловано дворянство. Сын Шамиля Магомед-Шапи был произведен в генералы и назначен генерал-губернатором Казанской губернии, мусульманину был доверен важнейший мусульманский регион¹⁰. В свите русских парней состояли горцы Дагестана.

Все это имело немаловажное значение для русских и дагестанских народов, которые с окончанием Кавказской войны начали жить в едином государстве.

С этого времени русские стояли у истоков и были зачинателями самых важных дел для дагестанцев. В сельском хозяйстве – строительство оросительных каналов, мелиорации и орошении, применения техники; на транспорте – со строительством железной дороги Владикавказ-Баку с конца XIX века в Дагестане появились станции и разъезды; в промышленности – первые текстильные, маслобойные, рыбоконсервные, винокуренные предприятия были созданы русскими предпринимателями; в медицине, начиная с 20-х годов XX века, – создание лечебно-профилактических учреждений и ликвидация таких распространенных тяжких заболеваний как малярия, туберкулез, брюшной тиф, кожные заболевания. Во всех этих предприятиях, учреждениях вначале работали русские. Постепенно вокруг них формировались многонациональные коллективы, положившие начало объединительному процессам, которые с самого начала приобрели интернациональный характер.

С предоставлением Дагестану в 1920 г. автономии под комплиментарностью и хозяйственной взаимозависимостью гор и равнин были подведены основания, которые придали объединительному процессам мощный потенциал. Больше всего этому способствовала единая государственность, единое правовое пространство и расширение почти вдвое территории.

Комплиментарность еще раз сыграла свою роль как природный объединительный фактор дагестанских народов, о чем свидетельствует следующий пример.

В годы гражданской войны националистическими силами Северного Кавказа была создана Горская республика. Это была попытка, опираясь на последствия долголетней Кавказской войны, объединить горские народы, противостоявшие царизму и создать единое государство вне России. Победившая Советская власть предоставила каждому горскому народу Северного Кавказа областную автономию, а дагестанские народы были сразу объединены в единую автономную республику¹¹.

В 1920-1930-х годах с началом культурной революции и массового строительства городов, промышленных предприятий, открытием школ, техникумов и вузов, в республику из русских областей направлялись многочисленные кадры интеллигентии и рабочих. В 1939 году русских в Дагестане было 195 тыс. чел., что составляло 19,1% от всего населения, а в 1959 г. – 214 тыс. чел., т.е. 20,1% от всего населения.

В городах возникли крупные многонациональные коллективы за счет притока населения из дагестанского села. Ядром коллективов оказывались, естественно, более квалифицированные русские кадры.

Ускорение объединительным процессам придал переход в 1930-х годах к кириллице и расширению функциональной роли русского языка как языка межнационального общения и обучения. Преподавание в городах велось с первого класса на русском языке, а на селе с 3 класса.

Объединительная роль русского языка состояла и в том, что национальная творческая интеллигенция, пишущая на родных языках, приобретала общедагестанскую известность и признавалась не только национальной, но и дагестанской после перевода и публикации их произведений на русском языке.

Вся пресса в Дагестане, в том числе и религиозная, за исключением официальных изданий на родных языках, издается на русском языке.

В труппе Русского музыкально-драматического театра 36 артистов, из них 12 являются этническими дагестанцами, в коллективе Дагестанской филармонии – 34 вокалиста, большинство из них этнические дагестанцы, но все выступают и на русском языке.

Фактически в русскоязычном Дагестане русская культура стала важнейшей составной частью культуры дагестанцев.

По данным переписи 2002 г. русским языком свободно владеет 83% населения.

В процессе решения проблемы трудоизбыточности гор через переселение, на равнине и в городах сложилось смешанное национальное проживание, в условиях которого неизбежно повысилась роль русского языка и продолжается интенсивная консолидация народов через сближение традиций и рост межнациональных браков. Переселенцы во втором, третьем поколениях признают себя жителями равнин, хотя помнят о горских корнях.

Одним из каналов приобщения к русской культуре и русскому языку является дагестанская диаспора, составляющая более 20% населения. В диаспоре преимущественно идентифицируют себя не по этносу, а как дагестанцы, в культурно-бытовом отношении сближаются с русскими и между собой. Поскольку миграционные потоки постоянны, эти процессы накладывают отпечаток на ситуацию в Республике.

Таким образом, предпосылки межэтнического содружества в Дагестане на современном этапе обрели новое содержание: комплиментарность переросла в наднациональную общность, хозяйственная взаимозависимость реализовалась через переселение в совместное и смешанное проживание. Ключевую роль в этих глобальных по местным масштабам трансформациях сыграло русское население Дагестана.

В Дагестане хорошо осознают, что политически эта была помою в создании перспектив для устойчивого и безопасного развития; нравственно русские пришли к нам с целью содействия в культурном и экономическом возрождении. В этнокультурном аспекте – дагестанцы понимают, что сохранить русских в республике и братские отношения необходимо и потому, что ныне республика стала двуязычной, а для части населения – русскоязычной не только в смысле межнационального общения: русский язык для современных поколений дагестанцев стал родным. Многие представители творческой интеллигенции молодого поколения творят уже на русском языке.

Патриарх исторической науки, профессор Р.М. Магомедов писал: «Годы пребывания в составе России при полной внешней безопасности много дали для развития Дагестана, для приобщения его к современным формам жизни. Уместно помнить, что русские среди нас играли сближающую, интегрирующую роль, способствуя сближению наших народов и стабилизации нашего общества. Могут ли дагестанцы не принимать это во внимание, думая о своем будущем?»¹².

Особо почитают в Дагестане благородный труд русских учителей. Расул Гамзатов посвятил русской учительнице, «часто исполняемое со сцены стихотворение «Вера Васильевна». По инициативе мэра Махачкалы Саида Амирова в столице воздвигнут мемориальный комплекс, в благодарность русским людям, внесшим огромный вклад в становление Дагестана.

В годы демократических реформ для русского населения Дагестана возникли сложные проблемы. Прежде и больше всего они были связаны с прекращением в начале 1990-х годов финансирования оборонных предприятий, которые составляли 80% промышленности. На этих предприятиях было сосредоточено большое количество инженерно-технических и квалифицированных кадров русской национальности. Многие из них вынуждены были уехать в поисках работы. Другое обстоятельство – ситуация в 1990-е годы в Чечне. Она вызвала обеспокоенность русских и их отток из Северо-Кавказских республик.

Сложившейся ситуацией были обеспокоены и власть, и население Дагестана, этнические дагестанцы, не меньше, чем сами русские. Об этом свидетельствуют данные социологического опроса. На вопрос: «Каково ваше

отношение к оттоку русского населения из Дагестана?» – респонденты дали следующие ответы:

Мнение	Дагестанцы русской национальности	Дагестанцы иных национальностей
Положительное	9,5%	3%
Отрицательное	78,5%	84%
Безразличное	2%	7%
Затрудняюсь ответить	10%	6%

В Дагестане всегда признавалось, что реальное социально-экономическое и политическое значение «русского фактора» в республике гораздо выше, чем удельный вес русских в составе населения. Поэтому общественное мнение с удовлетворением отмечает, что в миграционном сальдо в последние годы число возвращающихся русских в 2-3 раза больше отезжающих.

¹ Газета «Республика». № 35. 2008.

² Газета «Молодежь Дагестана». № 46. 2009.

³ Мустафаев М.Б., Мустафаева М.Г. О некоторых актуальных проблемах формирования общедагестанского самосознания. Махачкала, 2008. С.59.

⁴ Народы Дагестана. М., 2006. С.6.

⁵ Дагестан на рубеже веков: приоритеты устойчивого и безопасного развития. Ред. Алиев А.К. М., 1998. С. 14.

⁶ Л. Гумилев. Конец и вновь начало. М. Айрис-пресс.2002. С.14.

⁷ До сих пор ведется полемика о причинах Кавказской войны с точки зрения ее справедливости. Одни считают, что причиной были постоянные набеги горцев, другие считают, что это была колониальная, захватническая война. И соответственно приписывают справедливость той или иной стороне. Войны русского царизма на Кавказе, как и в других регионах, несли в себе сверхзадачу, без учета которой мы не оценим правильно характер этой войны. Российское государство и общество чутко, сознанием, прежде всего, из опыта чужеземных нашествий поняли, что Россия в пределах русских княжеств не может быть прочным, самостоятельным государством, что для России оптимальным является другое геополитическое пространство. За это они веками боролись и проливали кровь.

Почему Россия начала войну с горцами? Конечно, не из-за набегов. Подлинная причина в том, что на Кавказе Грузия и Азербайджан уже были в составе России. Горная зона Северного Кавказа (Дагестан, Чечня, Черкессия) оставалась вне русского влияния. К этой зоне постоянное внимание проявляли Иран и Турция, совершали сюда походы. Геополитические интересы на Кавказе требовали этот независимый анклав ликвидировать. В эти же годы, воюя с Турцией в 1828 г., Россия отвоевала и Арmenию. Тем самым царизм упрочил стратегическое положение на южных границах и занял торговые пути в Среднюю Азию и Ближний Восток.

⁸ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965. С.95.

⁹ Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы. Баку, 1990. С.180.
¹⁰ Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. Махачкала, 1997. С.42.
¹¹ Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917-1918 гг.), Горская республика (1918-1920 гг.): Документы и материалы. Махачкала, 1944. С.367.

¹² Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. Махачкала,1997. С.2.

Т.В.Котюкова (Москва)

Национально-территориальное размежевание народов Средней Азии: исторический тупик или перспектива исторического развития?

Государственность в среднеазиатском регионе насчитывает не одну тысячу лет. Исторически она формировалась либо по территориальному (Согдиана, Бактрия, Хорезм и др.) или династийному (Караханиды, Саманиды, Шейбаниды и др.) принципу. Принцип формирования государственности, основой которого была нация – был реализован лишь советской властью в рамках национально-территориального размежевания в 1920-е гг.

Современная узбекская историография негативно оценивает этот процесс и его последствия для народов региона¹. Узбекские историки считают, что многонациональное население Туркестана, Хивы и Бухары и Степного края, являясь родственными с точки зрения этнического происхождения, религии, менталитета и т.д., мирно сосуществовало на этих территориях не одно столетие. Этот процесс был искусственно прерван советской властью, что повлекло за собой целый ряд негативных для истории народа региона последствий. Так ли это на самом деле?

Еще до завоевания Россией, в Средней Азии существовали культурные (кочевое–оседлое население), этнические (турки–таджики, казахи–узбеки и др.) и религиозные (шииты–сунниты) противоречия. Но они возникали и существовали в рамках общей для всех исламской цивилизации. С конца XIX в. в Туркестан началось русское и казачье переселение, с начала XX в. активно поддерживаемое государством. Русские крестьяне и казаки не всегда безболезненно могли вписаться в новую для себя среду обитания и найти общий язык с местным населением. Для размещения переселенцев правительство зачастую использовало метод незаконного изъятия земли у коренного населения, ничего не давая последним взамен.

Спустя полгода после падения царского режима, 1 ноября 1917 г. в столице Туркестанского края Ташкенте была установлена советская власть. В ответ на это национальная политическая элита, которой не нашлось места в формировавшихся большевиками властных структурах, объявила 28 ноября на IV Чрезвычайном краевом съезде мусульман о создании Туркестанской автономии (Туркестон мухтория). Туркестанская автономия как государственное образование формировалась по территориальному принципу. Автономию большевики объявили буржуазной и контрреволюционной и в феврале 1918 г. войска Туркеспублики под командованием комиссара Е. Парфильева разгромили ее. Разгром Автономии послужил одним из основных факторов вызвавших в регионе басмаческое движение.

15 января 1920 г. председатель Турккомиссии Я. Рудзутак озвучил идею о разделении Туркестана по национальному признаку. В июне того же года тезисы были внесены в проект резолюции ЦК РКП(б) «О задачах партии в Туркестане». В качестве противовеса, в том же году руководители Туркеспублики из числа коренных национальностей выдвинули идею, автором которой был Т. Рыскулов, о единстве тюркских народов и ошибочности идеи его разделения. Аргументы – общность языка, хозяйственных и исторических связей. В Москве эту идею

отвергли, назвав ее проявлением пантюркизма, панисламизма и буржуазного национализма. Решение вопроса на некоторое время было отложено.

Существовало ли единство народов Средней Азии? Отчасти, безусловно, да. Но лишь от части.

Н.А. Валиханова считает, что это единство существовало. «По воле царских колонизаторов, – пишет Валиханова, – коренное население Средней Азии – узбеки, казахи, каракалпаки, киргизы, туркмены, таджики – не имели территориальной общности, были разобщены административными границами между Туркестанским и Степным генерал-губернаторствами, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством. Колониальная система искусственно сдерживала их национальную консолидацию и развитие, культивировала средневековые отношения и разжигала межнациональную вражду. Реакцией на действия царских наместников были выступления коренного населения в 1916 г.»².

Тезис не выдерживает критики и бездоказателен. Среди лозунгов восстания 1916 г., которое спровоцировал царский Указ 25 июня 1916 г. о призывае на тыловые работы освобожденного от несения воинской повинности коренного населения Туркестана и Степного края, не было лозунгов, призывающих к интеграции народов Туркестана и Степного края. Вызывает сомнение, что к 1920 г., т.е. за очень короткое время, это единство могло возникнуть.

Отсутствие единства подтверждают документы и предшествующего восстанию периода. Например, специальная справка, составленная по вопросу туркестанского представительства в Государственной думе 5 апреля 1906 г. начальником Азиатского отдела Главного штаба генерал-майором Ф.Н. Васильевым: «Согласно проекту Министерства внутренних дел кочевое и оседлое население каждой области выбирает вместе одного представителя, что при резком племенном и бытовом различии этих групп, легко может вызвать ряд осложнений. ...Насколько должна разрастись эта борьба хотя бы в Сыр-Дарьинской области, где 689 000 оседлого населения и 998 000 кочевого – должно вместе выбирать одного члена Государственной думы. Только установление отдельного представительства от каждой из этих групп гарантирует наиболее благоприятный результат»³.

А вот выдержка из доклада секретаря ЦИК РКП(б) Я.Э. Рудзутака (с 1922 г. исполнявшего обязанности председателя Средазбюро ЦК) на Пленуме ЦК РКП(б) о национально-территориальном размежевании среднеазиатских республик от 26 октября 1924 г.: «До сих пор не было ни одного съезда и ни одного вопроса, практического и политического, которые обсуждались там (в Средней Азии – Т.К.) без национальных трений. Правда, они очень часто выплывали под чисто деловым соусом, под деловой оболочкой. Если обсуждался, например, вопрос о государственном бюджете, тогда вставали такие невинные вопросы: нужно ли тратить больше денег на восстановление хозяйства киргизского оседлого населения в Семиреченской, теперешней Джетысуйской, области, или дать больше денег на закупку инвентаря в Ферганской, Самаркандской областях? Вопросы чисто экономического порядка, но они имели национальную подкладку, поскольку землестроительные работы касались киргиз, а вопрос об инвентаре касался узбеков»⁴.

Древнейший ирано-язычный народ Средней Азии таджики не вписывался в систему «турецкого единства». Строки из письма Таджикского обкома И.В. Сталину от 1925 г.: «...уже давно таджики занимают в Средней Азии положение угнетенной народности. Таджикских школ (особенно новометодных) там (в

Средней Азии – Т.К.) не было, и огромное большинство грамотных таджиков, получив образование на узбекском языке, говорит на нем с большой охотой, и свободнее, чем по-таджикски, а часть из них даже называет себя узбеками»⁴.

Русское население Туркестана, сильно пострадавшее в результате восстания 1916 г., так же не выражало поддержки идеи «турецкого единства».

17 июня 1917 г. уже бывший генерал-губернатор Туркестана Куропаткин напишет в своем дневнике: «В Туркестане безнечалие и можно ожидать больших волнений... Особенно тревожно положение в Семиречинской области. Русское население, поддержанное солдатами, обнаруживает непримиримую ненависть к киргизам. Инженер Танышбаев, киргизский патриот, очень разумный деятель, считает единственным выходом образование двух уездов: русского (Пржевальского) и киргизского (Нарымского), как-то было мною предложено»⁶.

После 1917 г. основным вопросом, определявшим взаимоотношения между коренным и новым прибывшим населением, безусловно, продолжал оставаться, вопрос земельный. С новой остротой он проявил себя в рамках земельно-водной реформы, которая проводилась в Средней Азии в начале 20-х гг.

В конце 1923 г. группа руководящих работников Туркеспублики обратилась в Москву с письмом, в котором отмечалось, что национальные конфликты, вопреки ожиданию, не прекращаются, а разгораются. Национальные лидеры Туркеспублики, Бухарской и Хорезмской республик предложили решать имеющиеся споры не путем размежевания, а путем создания национальных автономий в каждой республике. При этом стоит отметить, что руководство Туркестана, Хивы и Бухары так и не смогло прийти к общей согласованной позиции в этом вопросе. Каждая из республик имела «особое мнение» в рамках «общего мнения» о будущем единстве.

«Что бы покончить с конфликтами между нациями», И.В. Сталин внес предложение преступить к размежеванию на практике. 12 июня 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о проведении размежевания Средней Азии. 17 февраля 1925 г. I Всеузбекский съезд Советов принял «Декларацию об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики». В составе УзССР была образована Таджикская АССР, в 1929 г. преобразованная в Таджикскую ССР. Статус союзных республик после размежевания получила Туркменская ССР и Казахская ССР. В составе Казахской ССР была образована Карагандинская область, последовательно получившая статус Автономной республики и, наконец, Киргизской ССР.

В конце 1980-х гг. в Среднеазиатских республиках вспыхнуло несколько кровопролитных межнациональных конфликтов, причины которых руководство Узбекистана и других независимых государств ищет в первую очередь в национально-территориальном размежевании и непродуманном проведении административных границ между союзными республиками. Отчасти это является правдой, но только отчасти.

По нашему глубокому убеждению вообще наличие каких-либо административных границ, т.е. проведенное в 20-е гг. прошлого столетия национальное размежевание позволило, на наш взгляд, народам региона избежать гораздо более страшного сценария «развода» бывших братских республик.

И сегодня, спустя два десятка лет после распада СССР, отношения между независимыми Среднеазиатскими республиками далеки от идеала. У каждого из пяти государств существуют друг к другу территориальные претензии, которые не добавляют спокойствия и стабильности региональным и межгосударственным отношениям. Но они избежали самого страшного, кровопролитного, сценария

распада государства, впервые получив, без малого сто лет назад, национальную государственность в составе СССР.

¹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 610-669; Голованов А. Утверждения советской государственности в Туркестане и ее последствия // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001. С. 191-206 и др.

² Валиханова Н.С. Политическое противоборство по национальному вопросу в Туркестане (1917-1922 гг.). Дис... канд. ист. наук. М., 1993. С. 20.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3369. Л. 67об.

⁴ ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918-1933 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. С. 244.

⁵ Там же. С. 290.

⁶ Дневник генерала А.Н. Куропаткина 1917 год [публикация И.В. Карпеева, Е.Ю. Сергеева] // Исторический архив. 1992. № 1. С. 164.

Цапиева О.К. (Махачкала

Создание и развитие системы образования и науки в Советском Дагестане (20-90-е годы XX века)

Республика Дагестан была включена в экономическую, политическую и административную систему России в 1859 году¹.

После присоединения к России в Дагестане появились светские школы, медицинские учреждения, типографии, библиотеки и другие очаги просвещения и культуры, которые способствовали росту образованности и общей культуры местного населения. Однако в силу колониально-дискриминационного характера национальной и просветительной политики царского правительства сеть образовательных, культурных и медицинских учреждений росла медленно. За 63 года, прошедшие после открытия (1837 г.) первой светской школы - Дербентского уездного училища, до конца XIX века в Дагестане появилось 26 общеобразовательных школ, в которых обучались 1896 учащихся. В сельской местности, где проживало 95% населения Дагестанской области, обучением в 12 сельских школах было охвачено 493 ребенка. В сельских школах обучались 25 девочек².

Состояние народного образования на Кавказе, в особенности в Дагестане, констатировали и официальные представители царской администрации. Попечитель Кавказского учебного округа писал в январе 1896 г.: «Что мы видим вокруг себя? Сколько местностей Кавказа остаются вовсе без школ, сколько еще местностей, где тысячи жителей, стремящихся привести своих детей к свету истины, не находят для них места в тесных, бедных народных школах. В Кубанской области, - продолжает попечитель, - где народное образование наилучше поставлено, почти 70 % детей школьного возраста остаются вне учения. Что же сказать о Дагестанской и Карской областях, о многих частях Северного Кавказа?.. Образование на Кавказе слабее, чем на острове Гаити»³.

По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., из 571154 жителей Дагестанской области грамотных было всего 52 826 человек, или 9,2 %⁴.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года открыла новый этап в культурной жизни народов, населявших многонациональную Российскую империю, и в истории многонациональной республики. Стремление дагестанцев

дать детям образование было столь огромным, что в первые годы советской власти школьная сеть развивалась быстрыми темпами. В каждом округе Дагестана было открыто от 45 до 70 школ, но возникла проблема с учительскими кадрами. На съезде заведующих окружными отделами народного образования в 1921 году представитель Аварского округа заявил, что из 40 учителей только 3-4 достаточно грамотны, а остальные «просто расторопные люди»⁵.

В 1923/24 учебном году в Дагестане насчитывалась 151 школа с 10721 учащимся⁶. В 20-е годы в Махачкале, Кизляре, Дербенте и Буйнакске стали функционировать курсы по переподготовке учителей городских школ. Все это способствовало расширению школьной сети и вовлечению в существующие школы новых учащихся⁷.

Вовлечению детей-сирот школьного возраста в обучение способствовали детские дома. В первые годы после окончания гражданской войны с целью материального обеспечения и воспитания детей, остро нуждавшихся в помощи государства, было открыто значительное количество детских домов. К осени 1922 г. в республике насчитывалось 26 детских домов с 3660 воспитанниками⁸. В детских домах воспитанники обеспечивались питанием, одеждой и обувью, им были созданы необходимые условия для нормальной учебы, прививались трудовые навыки. Только в г. Буйнакске (Темирхан-Шуре, бывшей столице Дагестана) имелось 11 детдомов с 2000 детьми⁹.

Стали открываться интернаты для горцев и горячек из бедных слоев населения. В 1923 г. в Дагестане насчитывалось 11 интернатов с 560 воспитанниками¹⁰. В интернатах для горцев и в техникумах, воспитывались и получили образование дагестанцы разных национальностей, ставшие впоследствии крупными государственными и общественными деятелями, учеными, деятелями культуры и искусства, как-то: А.Даниялов (будущий Первый секретарь обкома Дагестана), М.Меджидов (будущий Председатель правительства Дагестана), Э.Капиев (писатель и поэт), М.Гаджиев (Герой Советского Союза, командир подводной лодки, первый в истории Великой отечественной войны 1941-1945 г.г. подводный бой), С.Гаджиева (крупный этнограф Дагестана) и др.

Во второй половине 20-х годов педтехникумы стали выпускать молодых дагестанских учителей, количество которых в 1928 году составило 356 человек¹¹. В 1931 году всеобщее начальное обучение было введено полностью во всех равнинных районах республики, а в остальных - в 1933 году. В итоге многолетних мер по созданию системы школьного образования в Дагестане в 2000 году численность учащихся школ составило 475,5 тысяч человек, а численность учителей 46 тысяч¹².

Была поставлена проблема ликвидации неграмотности населения. По уровню грамотности взрослого населения дореволюционная Россия занимала одно из последних мест среди европейских стран. Около 2/3 россиян в возрасте от 9 лет и старше не умели читать и писать. Уровень грамотности населения нерусских регионов Кавказа был намного ниже. В Дагестане, по данным всеобщей переписи населения 1897 г., неграмотными считались каждые 9 из 10 жителей. Большевики, пришедшие к власти после Октябрьской социалистической революции 1917 г., понимали, что упрочнение нового строя, осуществление радикальных преобразований в экономике, политике, духовной сфере в огромной степени зависит от просвещения народа, воспитания его в духе новой идеологии. Чтобы просветить население, его сначала следовало обучить грамоте. Задачи

были решены успешно. Согласно Всесоюзной переписи населения 1939 года, грамотность населения Дагестана в возрасте 9-49 лет составила 82,5%¹³.

К 30-м годам появились потребности в создании высших учебных заведений Дагестана. В 1932 году в республике были созданы медицинский (в годы войны преподавательский состав института был пополнен эвакуированными высококвалифицированными преподавателями Первого медицинского института г. Москвы, многие из которых остались работать в Дагестане) и сельскохозяйственный институты. На базе учительских курсов был создан женский педагогический институт (горячек) впоследствии преобразованный в педагогический институт. Используя кадровые ресурсы последнего, в 1957 году был создан Дагестанский государственный университет. Огромную роль в становлении Дагестанского государственного университета сыграли русские выпускники Московского и Ленинградского государственных университетов, отправленные в республику по распределению, а также дагестанцы, выпускники московских и ленинградских вузов, направленные на целевое обучение.

После открытия Дагестанского университета Правительство СССР продолжало выделять ДАССР десятки мест, преимущественно в технических вузах, где представители молодежи республики принимались на льготных условиях. Так, в 1958 г. только московские высшие учебные заведения окончили 35 дагестанцев, из них 7 горячек¹⁴. В конце 50-х гг. высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Баку, Харькова, Тбилиси, Грозного, Орджоникидзе и других городов страны принимали примерно столько юношей и девушек из Дагестана, сколько все вузы республики в предвоенные годы. Сотни высококвалифицированных специалистов направлялись в Дагестан по путевкам различных министерств и ведомств. В 1950-1959 гг. в Дагестан прибыло из городов РСФСР, других республик, краев и областей СССР более 12 тыс. специалистов¹⁵.

В 1958 году на 26 кафедрах Дагестанского университета работало 178 преподавателей, из них 4 доктора наук, столько же профессоров и 60 кандидатов наук в должности доцентов. Количество преподавателей с ученой степенью составило 80% (для сравнения: норматив преподавателей с ученой степенью для Федеральных университетов нынешней Российской Федерации на 10% ниже). За 1951-1960 годы, т.е. за 10 лет, число студентов ВУЗов республики выросло с 4005 до 6767 человек, в 1,7 раза¹⁶. В 1990/1991 году в вузах Дагестана обучалось 28 тысяч студентов. Таким образом, за 30 лет количество студентов выросло в 4,2 раза. Изменилось и направление специальностей: повысилась престижность инженерных, строительных, экономических дипломов.

В 1970 году в Дагестане был создан Дагестанский государственный политехнический институт, в состав которого вошли инженерно-технический факультет Дагестанского университета и Филиал Ленинградского кораблестроительного института.

60-е годы XX в. характеризовались высокими темпами роста численности учащихся средних специальных учебных заведений. В целом, при стабильном количестве техникумов и училищ (26-27), контингент их учащихся возрос с 1959/60 по 1970/71 учебные годы с 9801 до 23,3 тыс. учащихся, или почти в 2,4 раза. В 1960 г. техникумы и другие средние специальные учебные заведения выпустили 2628 молодых специалистов, а в 1970 г. - 5210. Во второй половине 60-х годов одни только педучилища Дагестана выпустили более 4400 учителей¹⁷.

В 70-80-х годах темпы и масштабы подготовки научных и научно-педагогических кадров в республике также оставались высокими. В высших учебных заведениях Дагестана работало 1823 преподавателя, из них 104 доктора и

991 кандидат наук. В целом динамичным оставался процесс пополнения научно-педагогического корпуса вузов Дагестанской АССР. Так, в Дагестанском пединституте трудилось - 22 доктора и 250 кандидатов наук. В Дагестанском медицинском институте из 52 кафедр 32 возглавляли доктора наук в должности профессора. Процент преподавателей с ученой степенью доктора наук и кандидата наук достиг в вуз к тому времени 87, тогда как по медицинским вузам Российской Федерации он составлял 73. В начале 1990-х годов численность научных и научно-педагогических работников Дагестана составила 3345 человек, из них – 186 докторов наук и 1742 кандидата наук¹⁸.

Восстановление в короткий срок разрушенного во время Великой отечественной войны народного хозяйства, создало не только предпосылки для дальнейшего развития системы образования в Дагестане, но и для прогресса науки. Созданная в Дагестане в год окончания Великой Отечественной войны Научно-исследовательская база АН СССР в октябре 1949 г. была преобразована в академический научно-исследовательский комплекс более высокого класса - филиал Академии наук СССР. При филиале АН СССР были созданы новые научные подразделения. В 1950 г. начал функционировать Отдел физики, на базе Отдела зоологии и животноводства был создан Институт животноводства. Пополнилось специалистами старейшее научное учреждение республики, вошедшее в состав филиала, - Институт истории, языка и литературы. Последовательно стали расширяться круг и масштабы научно исследовательских работ, имеющих важное научно-теоретическое и практическое значение. В 1956 г. при Дагестанском филиале был открыт Институт геологии, в 1957 г. - Институт физики, в том же году открылось еще новое научное подразделение - Отдел экономики (ныне Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН). Новые научные подразделения открылись в Институте истории, языка и литературы им. Г.Цадасы. Были созданы секторы археологии и этнографии, литературы и народного творчества. Дагестанский филиал АН СССР за первые 10 лет своего существования подготовил 78 кандидатов и 5 докторов наук, в их числе более 70 представителей местных народностей. Это привело к существенным позитивным изменениям в кадровом потенциале научного комплекса. Развитие материально-технической базы, рост научного и научно - вспомогательного потенциала создавали необходимые предпосылки для расширения фундаментальных и прикладных исследований, ориентированных на ускорение процесса изучения природных ресурсов, развития производительных сил, экономики, прогресса культуры Дагестана и всей страны.

Распад Советского Союза, радикальные реформы, серьезно усложнили положение образования и науки в Республике Дагестан. В 90-х годах страна начала погружаться в экономический кризис, усиливаясь политическая нестабильность в обществе. Вследствие резкого упадка производства, роста безработицы существенно ухудшились жизненные условия основной массы населения Дагестана. В образовании произошли резкое снижение государственного финансирования, падение престижа образования, педагогической деятельности, катастрофически ухудшилось материальное положение педагогов. Уменьшение объемов капитального школьного строительства привело к росту многочисленности занятий, а возросшие материальные трудности населения - к увеличению числа детей и подростков, остававшихся вне школы.

Серьезные проблемы возникли и в сфере науки и научной деятельности. С 90-х годов двадцатого века в образовании и науке Дагестана начались регressive изменения. Учитывая краткость данной статьи, сообщу только количественные изменения по Дагестанскому научному центру Российской

академии наук. В 1990 году число высококвалифицированных научных работников было 1500 человек, в настоящее время их не более 900.

Из-за отсутствия финансовых средств фактически прекратилось пополнение научных учреждений и вузов современным оборудованием и приборами, ослабли координация и научные связи ученых, снизились требования к квалификационным исследованиям, трудно решаемой проблемой стало издание завершенных научных работ.

¹ Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. - Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 2007, с.27.

² Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. - Махачкала, 1989. С. 68.

³ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 123. Л. 2.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Дагестанская область. Спб., 1905. С. 12-13. С. 200-201.

⁵ ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 53. Л. 44.

⁶ Красный Дагестан. 1923. 31 октября.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА РД. Ф. 37-р. Оп. 20. Д. 28. Л.7.

⁹ Школьное образование в Дагестане. С. 73.

¹⁰ Школьное образование в Дагестане. С. 73.

¹¹ Звезда. 1928. №3. (11). С.16.

¹² Красный Дагестан. 1930. 26 сентября. Дагестан -2001. Статистический ежегодник. - Махачкала. С. 7.

¹³ Итоги Всесоюзной переписи населения. 1939. РСФСР. С. 145,147,149.

¹⁴ ЦГА РД. Ф. 1-р. Оп. 114. Д. 420. Л.2.18.

¹⁵ Дагестанская правда. 1960. 9 января.

¹⁶ Советский Дагестан за 40 лет. С. 129

¹⁷ Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Юбилейный статсборник. С.212.

¹⁸ Каймаразов Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. - Махачкала: Дагестанское книжное издательство. 2007. С.368-369.

T.M. Смирнова (Санкт-Петербург)

**Новая историческая общность – советский народ.
Невыученные уроки**

*Позабыты вчерашние споры,
Вновь пейзаж политический сер.
И все дальше уходит в историю
Наша родина – СССР.*

Мало какой тезис нашей недавней истории вызывает такие ожесточенные споры, как тезис о новой исторической общности – советском народе. Современная интерпретация этого понятия в так называемой демократической среде носит спекулятивный характер: авторы пытаются внушить, и, увы, небезуспешно, что советская национальная политика «докатилась» до отмены национальностей и выдумала вместо них новую национальную общность – советский народ. Весьма показательно, что внедряемый в последнее время термин «российин» в смысле «гражданин Российской Федерации», независимо от национальной принадлежности, спокойно воспринимается критиками термина

«советский народ». Между тем в этом случае используется аналогичный подход. Так о чём же шла речь на самом деле?

30 декабря 1972 г. Союз Советских Социалистических Республик отмечал полувековой юбилей. В документах ЦК КПСС и Верховного Совета СССР, приуроченных к этой дате, впервые прозвучал вывод о формировании в стране **новой исторической общности – советского народа**. Это положение в дальнейшем было закреплено в Конституции СССР 1977 года. И в 1980-е гг., уже в период «перестройки», этот вывод трактовался в качестве объективного фактора жизни нашего многонационального государства. В материалах XXVII съезда КПСС (1986 г.) отмечалось, что «советский народ выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей». В единственном перестроичном документе, специально посвященном национальным проблемам СССР, – Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» (сентябрь 1989 г.) – также названа **новая социальная общность – советский народ**. При этом подчеркивалось, что речь идет о **многонациональному** советском народе, а не о новой национальности, заменяющей собой прежние.

Советский народ не являлся ни новой нацией, ни механической суммой наций СССР. Объективное существование этой новой общности не означало нивелировку или унификацию этносов и национальных культур. Это был союз разных наций, имеющих общую Родину – СССР. Таким образом, одна общность (советский народ) не заменяла и не отменяла другие (нации), они были реальными общностями разного уровня и содержания, дополняющими друг друга.

Советский народ не возник в одночасье по чьему-то желанию – он формировался в ходе социалистических преобразований в стране. За десятилетия совместной созидательной работы была преодолена экономическая и культурная отсталость окраин, достигнут высокий уровень социально-экономической интеграции. Экономическую основу советского народа составляла общественная собственность на средства производства и единый народнохозяйственный комплекс, политическую – единая политическая система и союзное государство, социальную – сложившаяся в республиках однотипная социально-классовая структура (рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция) при отсутствии эксплуататорских классов. Совместная судьба народов Советского Союза с ее позитивными и негативными сторонами, общий подвиг и общая победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., прорыв в космос – все это формировало и общие черты менталитета и духовного облика советских людей всех национальностей, их образа жизни при сохранении национально-культурного многообразия. Советский патриотизм носил интернациональный характер и был составной частью ментальности большинства населения СССР. Одновременно широко развивались национально-русское двуязычие и сфера употребления русского языка как языка межнационального общения.

(Все это, конечно, не означало, что в СССР не было национальных проблем и не возникало противоречий в связи с его многонациональностью и сложной федеративной структурой. Но ведущей тенденцией постепенно становилась межнациональная консолидация на общем социально-экономическом фундаменте).

Однако объективный характер новой исторической общности – советского народа – не гарантировал, что она воспринимается и осознается миллионами граждан страны правильно и одинаково. Для части населения это понятие

оказалось угрозой их национальной самобытности («отмена» национальности), для другой – оправданием ускоренной унификации национальных культур на основе русского языка и «усредненной» городской культуры. Следует признать, что обе эти тенденции имели место в реальности, особенно в 70 – первой половине 80-х гг. В связи с этим возникала замена или, точнее, подмена понятий, ошибочные теоретические построения, с одной стороны, отрицающие категорию «советский народ» как историческую реальность, а с другой – возводившие ее в абсолют. По мнению ряда советских ученых и идеологов, советский народ как общность более высокого уровня пришла на смену исторически изжившей себя в СССР национальной общности, так что нация – это вчерашний день, держаться за нее становится анахронизмом, необходимо смотреть и двигаться вперед.

Определенную роль в ложном восприятии новой исторической общности «советский народ» играла чрезмерная идеологизация понятия, связывавшая его исключительно с политикой коммунистической партии и социалистическим интернационализмом. Между тем сама логика развития многонационального федеративного государства второй половины XX века требовала переоценки национального фактора в общественном развитии, чтобы без нигилизма и абсолютизации искать новые перспективные формы взаимодействия национальных общностей, обеспечивающие многовариантность национально-специфического развития различных сфер общественной жизни при усиении интегративности СССР. Национальная общность обеспечивает ее членам непрерывность и преемственность исторического опыта, прежде всего посредством родного языка и культуры. Но не менее важную роль играет и гражданская общность в рамках одного государства – она интегрирует социальный опыт разных наций, позволяет решать более масштабные и разнообразные задачи, дает возможность укрепить и усилить всю социальную систему, консолидировать общественные силы всех народов страны. Одновременное развитие и позитивное взаимодействие общностей разных категорий – национальных и социальных (гражданских) – при разумном сочетании интересов и эффективной государственной политике дает шанс качественного системного улучшения жизни всего населения.

К сожалению, историческая реальность сложилась иначе. В условиях системного кризиса социализма в СССР во второй половине 1980-х гг. конструктивные силы оказались слабее деструктивных. Социальные процессы никогда не проходят без субъективного фактора – желания и воли масс, настроений и ожиданий людей, стремления и действий лидеров. Советский народ формировался многими поколениями и стал реальностью в значительной степени благодаря осознанному стремлению к единству людей разных национальностей в рамках единого государства. Но нарастание негативных явлений в этом государстве и неумение центральной государственной власти адекватно решать нараставшие проблемы вызывало не только недовольство и протест, но и разочарование в выборе пути, и переоценку ценностей. Одной из самых значительных потерь оказалась утрата чувства единства многонационального советского народа. Несмотря на многообещающие результаты референдума (март 1991 г.), когда квалифицированное большинство населения придавших в нем участие республик высказалось за сохранение СССР, распад страны не был предотвращен. Он был даже ускорен амбициозными лидерами республик при попустительстве законодательной власти и в целом принят населением. Таким образом, возобладал дезинтегративный, во многом националистический, принцип построения государств на постсоветском пространстве, а «советский народ» как субъект исчезнувшего государства перестал существовать.

Однако морально-этические, культурные и исторические корни этой интегративной социальной общности не исчезли, так как она носила не выдуманный, а объективный характер. У народов нашей страны была общая история, общая жизнь, великие свершения и, увы, великие разочарования. Эта незавершенная попытка нового уровня общности людей в глобализирующемся мире учит многому, но только – желающих учиться. Усвоены ли уроки нашего недавнего прошлого?

В современной Российской Федерации идет сложный процесс формирования общегражданской идентичности, в ходе которого решается принципиальный вопрос: кто в стране *свой*? Россия – не только исторически многонациональное государство, но также преемник еще более многонационального Советского Союза, на бывшей территории которого образовались, кроме Российской Федерации, 14 признанных международным правом и три непризнанных (или не вполне признанных) государства. Россия сегодня – вторая по величине миграционного потока страна в мире. Кто же имеет право быть россиянином – российским гражданином? При этом даже проблемы юридического характера оказываются не самыми сложными – ведь жить в России придется не паспорту, а человеку. Массовое сознание часто решает этот вопрос по-своему. Сложилась явно «неполиткорректная» ситуация, когда «своим» признается русский, в меньшей степени – другой восточный славянин; «своими» традиционно считаются представители бывших советских автономных республик Поволжья, Сибири и Северо-Запада, но уже по поводу Северного Кавказа такого единодушия нет. А представители национальностей, являющихся титульными в постсоветских государствах, часто воспринимаются в качестве «чужих». Привычной стала кавказофobia и исламофobia. Обострился расовый вопрос: может ли быть россиянином чернокожий? Почему китаец живет в России, а не в Китае? Это не только очень «неудобные», это очень сложные вопросы, от их решения зависит судьба нашей общей страны. Проблемы российской идентичности неразрывно связаны с проблемами истории, в том числе советской истории.

Есть ли в современной России такой патриотизм, который бы объединял большинство ее граждан – людей разных национальностей, разного социального положения, разных вероисповеданий и атеистов, приверженцев различной идеологии? Да, есть – это патриотизм **социокультурный**, основанный на исторически сложившейся в нашей стране особой *российской цивилизации*. Эта цивилизация сложилась в ходе длительного культурного взаимодействия трех крупных этнических групп – славянских, угро-финских и тюркских народов – и органически соединила в себе их традиции, менталитет, мировосприятие, даже языки. История добавила в этот сплав представителей других национальностей, носителей иных культурных традиций, но и их «взнос» был опосредован именно российской цивилизацией. Русский язык – не просто национальный язык одного народа, но средство общероссийской коммуникации. В рамках этой цивилизации сложилось общее многонациональное государство с централизмом (на котором, как на матице в избе, держится все здание) русским народом. Наша цивилизация так же уникальна, как любая другая, и так же способна к культурному обмену с другими, но полностью уподобиться какой-либо иной цивилизации без собственной гибели не может. Отказаться от нее – значит отказаться от самих себя, своего языка, от своего *самостояния* в мире, превратиться в кого-то другого. В любой другой цивилизации русские-россияне в целом могут претендовать лишь на обочину, быть только «пристяжными», а роль «коренников», естественно, принадлежит ее создателям. Динамичное сохранение российской

социокультурной идентичности в современном глобализирующемся мире – не только сбережение страны и ее народа, но и фактор мирового цивилизационного разнообразия, а следовательно, развития.

Быть патриотом в РФ сегодня – значит, сохранять социокультурную идентичность многонациональной страны как консолидирующую идентичность доминантного уровня; оставаясь русским, татарином, чувашем, якутом и др. – одновременно быть представителем гражданской общности – россиянином. В России у нас один статус – *свой*.

Опыт истории дается дорого, и его нужно ценить.

Чэн Хун (Харбин)

Китайские ученые о распаде Советского Союза²

Вопрос о причинах и исторических уроках распада Советского Союза является одной из самых важных тем, которая обсуждается китайской научной общественностью, начиная с 90-х гг. двадцатого столетия. Многие ученые исследуют и анализируют ее под разным углом зрения, уже опубликовано большое количество книг и статей.

По принципиальному вопросу о последствиях распада Советского Союза общая точка зрения китайских ученых такова: этот распад и крах Коммунистической партии Советского Союза является крупным отступлением в международном социалистическом движении, величайшим историческим бедствием, движением истории назад. При анализе причин общая точка зрения такова – распад Советского Союза объясняется целым комплексом причин, как исторических, так и современных; как внутренних, так и международного характера; как политического, так и экономического характера. Главный пункт разногласий заключался в поисках коренной причины. По этому вопросу существовало много точек зрения, к примеру, «утопизм», «раннее появление болезни», «плохое ведение экономики», «гонка вооружений», «национальные противоречия». Но по мере углубления изучения изменений в Советском Союзе подобные точки зрения утратили свое влияние в кругах китайской научной общественности. В настоящее время по этому важному вопросу идет дискуссия вокруг двух причин – современной (ошибки Горбачева), и исторической (ошибочность сталинской модели). Ряд ученых подчеркивает, что коренная причина распада Советского Союза заключается в «советской модели». Они считают, что из-за серьезных пороков этой модели она уже утратила потенциал развития, произошло удушение ее жизнеспособности, были поколеблены основы существования и развития советского общества, что, в конечном счете, привело к поражению советской модели социализма. Целый ряд ученых решительно выступил против этой точки зрения в своих многочисленных публикациях, например Ли Шэнмин («Перерождение КПСС – главная причина распада Советского Союза»); У Эньюань («В России переоценивают Сталина»); Чэн Чжихуа («Идеи исторического нигилизма в Советском Союзе перед его распадом и его особенности»); Чжоу Синьчэн («Подробный анализ модели советского социализма», «Как можно, чем дальше, тем больше отрицать сталинскую

2

Перевод с китайского языка выполнен В.Г.Буровым.

модель», «Вопрос о научном анализе изменений в Советском Союзе связан с крупной темой перспектив социализма в новой стране»; Ли Вэй («Обсуждение вопроса о гибели советского государства – о коренных причинах гибели советского государства»); Чжан Цзе («Попытка анализа гуманистического демократического социализма Горбачева»); Ло Вэньдун («Главные причины резких изменений в Советском Союзе и теоретический анализ извлекаемых уроков»); У Сюнъчэн («Причины и уроки резких изменений в Советском Союзе»); Чжан Цюаньцзин («Несколько размышлений относительно гибели советской компартии и советского государства»); Ван Тин'ю («Связь между советской моделью и резкими изменениями в Советском Союзе») и т.д. Большинство указанных выше статей собраны в книге «Ветер истории – оценка китайскими учеными распада Советского Союза и истории Советского Союза», выпущенной в июне 2007 г. под редакцией Ли Шэньмина в «Китайском народном издательстве». Все эти ученые считают, что коренные причины распада Советского Союза «отнюдь не заключаются в «советской модели», т.е. модели советского социализма, а в том, что, начиная с группировки Хрущева и вплоть до группировки Горбачева, происходил отход, отклонение от марксизма, социализма и коренных интересов самых широких народных масс, а затем их прямое предательство». Взгляды этих ученых имеют большое влияние, они представляют главное течение в кругах китайской научной общественности.

Ниже излагаются основные положения взглядов этих ученых, и дается их оценка.

Во-первых, необходимо правильно оценивать сталинскую модель, т.е. модель советского социализма, нельзя коренные причины распада Советского Союза сводить к сталинской модели.

По мнению вице-президента Китайской академии общественных наук проф. Ли Шэньмина, сведение коренных причин резких изменений в Советском Союзе нельзя сводить к экономической и политической системе, созданной во времена Сталина, не соответствует действительности и в историческом плане совершенно беспочвенно. Механизм системы управления с высокой централизацией власти, созданной советской компартией во времена Сталина, в целом соответствовал историческим и национальным особенностям Советского Союза в 30-40-е годы двадцатого столетия, в особенности необходимым задачам, стоявшим перед Советским Союзом в период войны и в период послевоенного восстановления. Однако после выполнения этих задач данный механизм уже не мог соответствовать требованиям социалистического строительства в период, последовавший за 50-ми годами, его пороки становились все более очевидными. Если окинуть взором историю советской компартии, то можно сделать следующий вывод: Ленин был непоколебимым, трезвым и великим марксистом; в период нахождения у власти в партии Сталина возникли теоретические проблемы, но эти проблемы были ошибками, совершенными великим марксистом. Поэтому распад и поражение Советского Союза связан не с социализмом «сталинской модели», а, в конечном счете, с осуществлением другой формы капитализма Горбачевым, который предал социализм¹. Профессор Китайской академии общественных наук У Эньюань считает, что во времена Сталина перед Советским Союзом стояли две важные задачи: необходимо было в кратчайшие сроки осуществить индустриализацию и модернизацию государства и освободиться от бедности, отсталости, одновременно перед лицом фашистской агрессии необходимо было отстоять суверенитет и целостность территории государства. Способность справиться с этими двумя критическими моментами есть единственный критерий жизнеспособности «советской модели». История уже

подтвердила, что нельзя отрицать стимулирующую роль сталинской модели в социально-экономическом развитии Советского Союза². Проф. Китайского народного университета Чжоу Синьчэн указывает, что если говорить о сталинской модели, то та ее часть, которая воплощает основы социализма, является правильной, ее нельзя отрицать, ибо это означало бы отрицание социализма; что же касается конкретных форм его организации, механизма его осуществления, то здесь были и правильные вещи, и недостатки, поэтому нельзя с ними полностью соглашаться, но в то же время нельзя их полностью отвергать. Если их рассматривать вместе, то необходимо сказать, что сталинская модель в основном была правильной, но частично была ошибочной. Трагедия распада Советского Союза вызвана не сталинской моделью, а как раз последовательным отрицанием Горбачевым сталинской модели³.

В общем, эти ученые диалектически подходят к семидесятилетней истории строительства социализма в Советском Союзе и сталинской модели. Не подлежит сомнению, что в сталинской модели действительно существовали изъяны, однако это не были проблемы, связанные с самой системой социализма, они главным образом проявлялись в некоторых формах организации и механизме их осуществления, например, в высокоцентрализованной системе управления экономикой, отрыве от масс, недостаточном развитии демократии, отсутствии сильного правления на основе законов и т.д. Необходимо было придерживаться основных принципов системы социализма; осуществить реформу этих форм организации, «развивать полезное и искоренять вредное». Но если эти изъяны сравнивать с огромными достижениями в строительстве социализма в Советском Союзе и превосходством социалистической системы, то они будут на втором месте; успехи – это главное, а недостатки – второстепенное. Поэтому нельзя на основании того, что в конкретном механизме системы управления во времена Сталина существовали определенные изъяны, полностью отвергать эту систему. Крайне абсурдно сводить причины раз渲а советской компартии, распада Советского Союза к изъянам советской модели, т.е. модели советского социализма, ибо это равносильно отрицанию основных экономических и политических принципов социалистической системы в Советском Союзе.

Во-вторых, непосредственной реальной причиной распада Советского Союза была измена марксизму со стороны руководящей группировки советской компартии во главе с Горбачевым, осуществление ею линии т.н. гуманистического демократического социализма, реформы и т.д.

Ло Вэньдун считает, среди многих причин, приведших к распаду Советского Союза, определяющую роль сыграли осуществленные руководящей группировкой советской компартии во главе с Горбачевым линия и курс ошибкой «перестройки». Предпринимаемая западными государствами стратегия «мировых изменений», а также проблемы, возникающие в Советском Союзе в процессе революции, строительства и реформ, создавали лишь благоприятные условия для развития внутренними и внешними силами антикоммунистической и антисоциалистической деятельности, но они не могли неизбежно привести к распаду Советского Союза. Говоря по существу, «новое мышление», выдвиннутое Горбачевым во время перестройки, отнюдь не новая вещь, это всего лишь повторное издание западных идей и политики; «содержание гуманистического, демократического социализма» в основном заимствовано из западных буржуазных теорий и идей социал-демократии, этот социализм принципиальным образом изменил марксизму-ленинизму и научному социализму. Подобный т.н. «гуманный, демократический социализм» пропагандирует в политической области многопартийную систему, разделение

трех властей и представительную демократию; в экономической области – разгосударствление и приватизацию; в идеологической области – многообразие идеологии, отказ от руководящего положения марксизма, допуск буржуазных идей. Как могли подобные линии, направление и политика не привести к скверному результату – «к «мирному переходу» Советского Союза к капитализму»⁴.

Чжан Цзе указывает, что философской базой «гуманного демократического социализма является абстрактный гуманизм, который принципиальным образом отходит от основных принципов марксизма-ленинизма. «Гуманный демократический социализм привел к гибели советской компартии и советского государства»⁵. Ряд других ученых неоднократно указывают на то, что после того, как Горбачев пришел к власти, он стал проводить линию т.н. гуманного демократического социализма, полностью отрицая теорию и практику советской компартии и советского социализма, шаг за шагом вверг Советский Союз в бездну и собственными руками разрушил советскую компартию и Советский Союз. Очевидно, что эти ученые глубоко разоблачали подлинную сущность «перестройки» Горбачева, увидев самую непосредственную, самую реальную причину распада Советского Союза. В дискуссии о том, что является причиной распада Советского Союза – реальные или исторические факторы, они делают упор на реальных факторах, их точка зрения – ясная, а изложение ее – обосновано.

У Сюньчэн указывает, что наиболее фундаментальная причина серьезных изменений и распада Советского Союза коренится внутри компартии Советского Союза, прежде всего, в ее руководящем слое, в проводимой им политической, идеологической, организационной линии и партийном стиле. Компартия – это руководящая сила социалистического государства и командный центр, если в центральном органе правящей партии, среди главных ответственных лиц возникают проблемы, это, конечно, угрожает жизни партии. Советская компартия в процессе взятия власти и строительства социализма накопила богатейший драгоценный опыт и уроки, это богатая сокровищница. К сожалению, Горбачев, в течение шести лет бывший Генеральным секретарем советской компартии, не воспринял и не развивал успешный опыт и прекрасные традиции, напротив, стал развивать исторические ошибки и изъяны и постепенно пошел по пути перерождения, утраты власти, гибели партии и гибели государства⁶.

Ли Шэньмин с позиций ряда аспектов – отношение к возникновению, развитию и изменениям внутри советской компартии проанализировал исторический путь ее расцвета и упадка; базовой теории и политической линии; идеологической работы; партийного стиля и положения привилегированных слоев; организационной линии; руководящей группировки; стратегии вестернизации и имущественного расслоения. В конечном счете, он делает убедительный вывод о том, что «коренной причиной распада Советского Союза является перерождение советской компартии». Ли Шэньмин еще специально указывает, что настоящая – в прежнем смысле слова, авангард пролетариата – советская компартия не была виновна в распаде и поражении Советского Союза. За это несет ответственность партия, которая, начиная с Хрущева и вплоть до Горбачева, постепенно отрывается, отклоняется от марксизма и социализма, предает народные массы, уже полностью перерождается и превращается в буржуазную политическую партию⁷.

На основе глубокого изучения причин распада Советского Союза китайские ученые извлекли необходимые опыт и уроки. Это касается многих вопросов – теоретической работы партии, прав самых высших руководителей, организационных принципов партии, стратегии внешней политики, а также принципы определения и осуществления внешней и национальной политики. В целом, китайские ученые считают, что необходимо придерживаться исторического, реалистического подхода, методов развоения единого, по-настоящему обобщить опыт распада Советского Союза, извлекать из него уроки с тем, чтобы двигать вперед социалистическое строительство в Китае.

¹ Ли Шэньмин. Перерождение советской компартии – это коренная причина распада Советского Союза // ж. Общественные науки Китая. 2009. № 3.

² У Энькоань. Правильно оценить успехи и поражения, достоинства и недостатки Советского Союза // ж. Передний фронт теории. 2007. № 10.

³ Ли Шэньмин. Ветер истории – оценка китайскими учеными распада Советского Союза и его истории.

⁴ Теоретический фронт высших учебных заведений. 2008. № 8.

⁵ Там же.

⁶ Ли Шэньмин (гл. ред.). Ветер истории – китайские ученые о распаде Советского Союза и его истории. Пекин, изд. Китайское народное издательство. 2007.

⁷ Ли Шэньмин. Ж. Общественные науки Китая. 2009. № 3.

Тадаси Кано (Токио)

Некоторые размышления, касающиеся работ, анализирующих вопрос распада СССР*

Непосредственно после провала потрясшего своими результатами августовского путча 1991-го года возникшую ситуацию оценивали как «революцию граждан», потому что «граждане», которых до тех пор считали незначительными или политически незрелыми, восстали против путча¹. Правда, эта точка зрения правильно осветила одну сторону тогдашней ситуации в том смысле, что объединены были силы людей, не принадлежавших к какой либо организации и не организованных кем-либо, однако дальнейший ход событий дает право усомниться в состоятельности такого предположения. Даже если допустить, что понятие «революция» можно применить для заключений о состоявшейся перемене власти, характер революции определяет, прежде всего, дальнейший ход событий. Значит, стоит разобраться в том, кто извлек пользу из этой революции.

По социологическому исследованию, проведенному в 1995-1997-х годах, 11-19 % россиян относились к проводимому курсу экономических реформ положительно, а 47-52 % - отрицательно. Соответственно, приблизительно половина опрошенных смотрели на экономические реформы правительства отрицательно². Причина этого отношения кроется в том, что экономические реформы, начатые в 1992-м году, так и не принесли большую прибыль тем, кто занимал важные посты в партийном, административном и экономическом аппаратах в советский период. Положение, расценивающее ход событий с конца советского периода в качестве «революции номенклатуры», утверждалось по мере

* Перевод с японского языка осуществлен Х.Сакамото.

того, как стабилизировалась ситуация и становилась ясной полная картина экономических реформ правительства Ельцина.

Д.М.Котц, разделяющий этот взгляд, считает, что молодые интеллигенты, радикальные настроения которых проявились в период гласности, напрямую соединили свободный рынок с политической и гражданской свободой, а правительство Ельцина применило «шоковую терапию», используя данный идеологический настрой. Реализованные ими экономические методы реформирования, в основе которых лежали идеи неолиберализма, включили, в том числе, либерализацию цен, стабилизацию экономики введением финансового режима экономии, приватизацию государственных предприятий и ряда других, привели российскую экономику, пребывавшую до 1989-го года в состоянии застоя, с помощью законов о государственном предприятии и частном хозяйстве к катастрофическому сокращению. От «шоковой терапии» выиграли управляющие бывшими государственными предприятиями, между тем как жизненный уровень большинства народа значительно снизился. Накануне проведения экономических реформ децильный коэффициент составлял 4,5 раза, в ходе реформирования увеличился до 13,5 раз, а впоследствии доходы 20% «обеспеченного» слоя составили 46,6% доходов оставшегося населения. Такая дифференциация в экономическом положении сопровождалась сокращением средней продолжительности жизни. У мужчин она упала с 65,5 лет в 1990 г. до 57,3 лет в 1994 г. Так как в советский период мужчины жили на 7-8 лет меньше, чем женщины, а средний возраст поддерживался на уровне 63 лет, можно заключить, что экономические реформы правительства Ельцина нанесли российскому обществу огромный ущерб. По мнению Котца, процесс распада СССР с лета 1991 г. до конца того же года являлся «революцией сверху», имевшей характер борьбы за власть внутри слоев номенклатуры³.

И Ж.Ф. Хау, не разделяя симпатий Котца к социализму, высказывает аналогичное суждение о причинах неудач реформ СССР и его распада. Как он пишет, ряд событий, имевших место в 1990-1991 годах, легли в основу второй российской революции после Октября 1917 г. и имели большую социальную базу, нежели Октябрьская и Великая французская революция 1789 г. Это - «революция настоящего среднего класса, т.е. бюрократии и буржуазии, управляющей средствами производства», «революция тех, кто переселился из деревень в города». Средний класс есть не что иное, как партийная бюрократия, т.н. номенклатура. Хау считает, что основные представления об экономических реформах Ельцина, насыщенно применявшиеся «шоковую терапию», и Горбачева, выдвинувшего идею перехода к рыночной экономике в сжатые сроки, совпадали из взгляды в вопросе о приватизации, хотя более предпочтительным мнение Н. Рыжкова, предлагавшего постепенную реформу государственных предприятий в противовес радикальным методам введения рыночной экономики. В основе его предложения лежало понимание того, что могучее государство должно играть главную роль в экономической деятельности, что, как полагает Хау, было бы близко к китайскому образцу реформ. Горбачев не имел понятия о частных мотивах бюрократов. Подобный анархизм, проявленный марксистами, в сочетании с характерным для русской интеллигенции недоверием к правительству, бизнесу, военным, стала причиной неудач реформ⁴.

Таким образом, анализ политических процессов, начиная с 1990-го года и хода экономических реформ с лета 1991 г. показывает, что правильнее было бы назвать эти явления «революцией номенклатуры», а не «революцией граждан». Согласно результатам социологических исследований, касавшихся вопросов изменения состава и воспроизводства элиты, большинство из числа занимавших

высшие посты в партийных и государственных структурах, руководил экономическими и культурными отраслями в 1988-ом году, продолжали сохранять свои должности и в 1993 г.⁵.

Привлекло внимание общественности и мнение известного историка русской общественной мысли XIX в. Мартина Малии, высказавшегося по вопросу о том, как следует в целом оценивать режим Советского Союза,

Его оценку можно свести к двум положениям. Во-первых, он считает, что предшествующий анализ истории Советского Союза представителями общественных наук следует признать неудачным и на этом основании категорически отрицает результаты предыдущих исследований. Причина этих неудач состоит в том, что до сих пор Советский Союз рассматривался как результат массового движения и принимался за государство с режимом, законно установленным посредством демократических процедур, к тому же удачно продемонстрировавшим пример «модернизации», позволившим ему в течение продолжительного времени развиваться и сохраняться. Именно поэтому и был поставлен вопрос о том, когда началось отклонение сталинизма от ленинизма и проявились первые признаки ревизионизма, в результате чего ортодоксальным наследником НЭП был признан Н.И. Бухарин, и была предпринята попытка анализа советской политики с точки зрения «государственного плюрализма». Эти ошибки привели к заключению, что «модернизация Советского Союза», наконец, завершена и он, преодолев «все отклонения», «возвратится к Октябрю в истинном смысле».

Во-вторых, Малия определяет понятие «советизм» как соединение искаженного марксизма с ленинизмом. С его точки зрения, Маркс, с одной стороны, развивая теории исторического материализма и борьбы классов, осуществляя критику капиталистического общества, посчитал Западный путь развития универсальным; с другой стороны, заменил «универсальное сословие» Гегеля, т.е. бюрократию, классом пролетариев и превратил его в двигателя прогресса. У Маркса пролетариат являлся феноменом, «который, снимая свое существование, одновременно становится источником огромной силы, необходимой для прекращения всяких лишений», т.е. метафизическим существом, «суть которого определена снятием». Значит, он не был конкретным явлением общественного бытия. Этот марксизм распространился в России на фоне ее «политической культуры», слабости правительства и неразвитости гражданского общества, склонности интеллигенции к максимализму; Ленин проповедовал идею необходимости создания партии, которая, будучи элитарной организацией, должна была служить средством мобилизации масс и привносить в пролетариат социалистическое сознание, вывернув, таким образом, исторический материализм Маркса наизнанку. Малия утверждает, что « эта трансцендентная и противоречивая логика» является логикой советского тоталитаризма, что идеология «советизма», выражающего соединение противоположных учений, определила исторический ход Советского Союза. В определенный момент 1917-го года Россия имела возможность вырасти в конституционно-демократическое государство или коммунистически-диктаторское, но после выбора ленинизма в качестве теории развития, у нее оставалось только два пути: продолжать идти по стопам Сталина или отказаться целиком от всего режима, и в 1989-1991 г.г. «необухаринизм Горбачева» последовал по второму пути⁶.

Мнение Малии можно назвать новой теорией о тоталитаризме, согласно которой «генный код», составленный из теорий марксизма и ленинизма, определил ход истории Советского Союза. Эта концепция выглядела новой, потому что автор придал важное значение разнице между режимами западных

стран и Советского Союза, между тем как Хай особо отмечал способность обоих режимов к конвергенции. Но, на наш взгляд, идея Малиа не содержит понятия модернизации как перспективы хода истории, и в споре он зашел слишком далеко, когда он утверждал, что соединение марксизма и ленинизма определило весь ход истории Советского Союза.

Позиция Р. Бовы, в некоторых аспектах близкая к точке зрения М. Малиа, содержит важное положение о необходимости конкретно-исторического анализа действительности. Так, автор рассматривает разложение структуры КПСС как свойственную категорию перехода авторитаризма к демократическому строю и объясняет выдвижение Горбачева тем, что тогда режим стоял перед лицом кризиса, гораздо более серьезного, чем это было при Хрущеве, и что Горбачев по владению искусством политического руководства превосходил последнего. Ортодоксальность господства КПСС сохранялась крайне высоким напряжением оппозиционных сил. Но когда партийные охранители активизировались, перестав демонстрировать молчаливое одобрение действиям Горбачева, а радикальные реформисты стали приобретать влияние, центристское руководство было расценено первыми как «гарантия от массового восстания», а вторыми - в качестве «преграды путчу консерваторов», что вызвало презрение и недоверие с обеих сторон. Причина кризиса в начале 1991-го года объясняется тем, что, с одной стороны, консерваторы проиграли из-за политической неискренности и лишились шансов на участие в политике демократизации, и что, с другой стороны, демократы являли собой «большое тело без головы». Горбачев должен был сыграть «роли и папы, и Лютера», а если иметь в виду более современные аналогии, то «партии и Ярузельского, и Валенсы». Договоренность могла бы быть достигнута между Горбачевым и Ельциным, но ей помешало то, что Ельцин руководил российским правительством, противостоявшим центральному советскому. Для укрепления в обществе идей плюрализма Р. Бова называет ряд выгодных условий, к которым относит повышение уровня образования в СССР, урбанизацию, снижение уровня социального расслоения, а к невыгодным - отсутствие частного предпринимательства, свободного рынка, нерешенность национальных вопросов, недостаточный опыт демократической традиции⁷.

Данная позиция Р. Бовы не отличается от ранее высказанных точек зрения в том смысле, что он констатирует отсутствие в Советском Союзе условий для развития по стандарту западного гражданского общества. Но его анализ включает более полное, чем Малиа, рассмотрение конкретных исторических условий.

Точка зрения А. Даллина, которого критикует Малиа за то, что Даллин считает крушение Советского Союза «случайным событием» и предается ностальгии, на самом деле, дает возможность рассмотреть это событие шире. Даллин критикует теорию «генного кода», теорию неспособности режима к реформированию, расценивая ее как дань идеи детерминизма и называя теорией неизбежности и мистической дискуссией о сущности. По его мнению, захват власти в октябре 1917-го года, хотя и был незаконным, но объяснять события в 1991 г. этим фактом невозможно потому, что советский режим прошел через более жесткие испытания задолго до того, когда в начале 80-х годов явно проявились признаки разложения; аргументы, приведенные в новой теории о тоталитаризме, равно как и положение об отсутствии поддержки советского режима массами, не могут считаться убедительными. И Даллин указывает семь характерных черт ослабления режима: (1) ослабление государственной власти, (2) распространение коррупции, (3) загнивание идеологии, (4) изменения в обществе, способствовавшие росту цен и появлению связанных этим патологических явлений, (5) внешняя окружающая среда, (6) экономические трудности, (7)

решения, принятые правительством Горбачева. Эти характеристики, хотя непоследовательные и внешне не связанные между собой, дают нам больше возможностей к пониманию вопроса о разложении режима, чем теория «генного кода» Малиа.

Мнение Даллина вызывает скептические оценки и характеризуется как «исторический взгляд с пристрастием»; и все же при исследовании вопросов, связанных с выбором пути развития СССР в каждый поворотный момент истории, есть возможность, при учте выделенных им черт, составить гораздо более исчерпывающую картину истории, чем в том случае, когда история советского режима заранее определяется как «генный код»⁸.

- ¹ М. Ямаути, Х. Вада Между нео-гражданской и не-национальной революциями// Сэйкай, 1991 г., №11.
- ² В. К. Левашов и др. Как живешь, Россия? Вып. 8. М., 1998. С.7.
- ³ D. M. Cotz, F. Weir. Revolution from Above: the Demise of the Soviet System. London-N.Y., Reutledge, 1997.; Государственный комитет СССР по статистике Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник 9. М., 1987. С. 409.
- ⁴ J. F. Hough Democratization and Revolution in the USSR. 1985-1991. Washington D.C., Brookings Institute Press, 1997. P.1, 5, 21, 492.
- ⁵ E. Hanley, N. Yershova and R. Anderson Russia – Old Wine in a New Bottle? // Theory and Society. Vol.24, №5, October 1995. P.639-668.
- ⁶ M. Malia. The Soviet Tragedy: a History of Socialism in Russia. 1917-1991. N.Y., Toronto, 1994.
- ⁷ R. Bova, Political Dynamics of the Post-Communist Transition – A Comparative Perspective // World Politics. Vol.44. October 1991. P.122; 133-136.
- ⁸ A. Dallin. Causes of the Collapse of the USSR // Post-Soviet Affairs. 1992. Vol.8. №4. P.279-302.

M. Слюфильска (Краков)

Точка зрения Леона Блюма и Франсуа Миттерана на СССР*

Независимо от представленных во французском обществе политических взглядов в нем всегда были живы пророссийские симпатии. Так же и французские социалисты во главе с Леоном Блюмом очень дружественно относились к России и с одобрением писали об идее франко-российского союза. Леон Блюм — юрист, публицист, писатель и политик принадлежал к кругу выдающихся личностей в истории французской и европейской социалистической и демократической мысли. Он был ведущей фигурой политической жизни III и IV Республик. После прихода Гитлера к власти и заметной активизации французских фашистских группировок, а также после изменения политики коммунистического движения, заявленного на VII конгрессе Коминтерна, Блюм стал одним из инициаторов и организаторов Народного Фронта, объединившего в своих рядах социалистов, радикалов и коммунистов. После победных для Народного Фронта парламентских выборов (май — июнь 1936 г.) Блюм стал первым в истории Франции социалистом, возглавившим правительство.

Однако его личное отношение к России после Октябрьской революции изменилось. Так, с одной стороны Блюм подвергал критике большевистскую

* Перевод с польского языка осуществлен Хеленой Плес.

диктатуру, в особенности ее «непримиримый фанатизм, жестокость, насилие и мистическую веру в непосредственный успех революции, независимо от того, в каких условиях и какими методами она бы ни осуществлялась». С другой же стороны он понимал, что социалисты симпатизируют «большевистской» России, которая боролась против «белой России» и ее союзников. И тогда Блюм встал на защиту традиций французского социализма от тех, кто хотел превратить его в разновидность марксизма, исповедовавшегося в России. Летом 1920 г. на страницах социалистической газеты «L'Humanité» Блюм опубликовал серию статей, в которых объяснял, что большевики пытаются вынудить мировое социалистическое движение использовать методы, в чрезвычайных условиях применяемые в России. Самую большую опасность он видел в постулатах большевиков, касающихся организации и руководства партией, диаметрально противоположных тем принципам, которыми до сих пор руководствовались социалистические и социал-демократические партии как во Франции, так и в других европейских странах: «Между тем, что сегодня означает социализм и тем, чем завтра будет коммунизм, существуют одни лишь противоречия и противоположности. Социалисты мечтали о великой партии, в которой имела бы место свобода высказываний, где принимались бы все расхождения во мнениях и различные, официально провозглашаемые точки зрения».

В тридцатые годы он писал: «Коммунисты вызывают во мне эффект душа Шарко: сегодня они осыпают нас оскорблением, а завтра умоляют помириться с ними. Что скрывает этот подретуированенный блок? Не волк ли это в овечьей шкуре? Социалисты отправляются с ними путешествие, которое необходимо признать опасным, прежде всего потому, что мы не знаем причин таких внезапных перемен». Блюм считал, что объяснения данной метаморфозы кроются в изменениях, происходивших в СССР. Если Россия выражала готовность к подписанию пактов о ненападении и войти в Лигу Наций, о которой весьма резко высказывалась прежде, то это означало, что она была обеспокоена ростом немецкого национализма и искала союзников (так же, как и Франция). Таким образом, задачей французской коммунистической партии было мобилизовать массы в случае борьбы с фашизмом и найти союзника для СССР. Несмотря на свою подозрительность, Блюм чувствовал личную обязанность ответить на призывы коммунистов и утвердить принципы совместных действий. Таковы были требования и ожидания членов социалистической партии. Тем не менее, он не поколебался заявить им, что не потерпит попыток объединения партий и постоянных обвинений со стороны антифашистских комитетов, действующих вне партии и стремящихся устранит от власти социалистических руководителей. Он настаивал на том, чтобы независимость и автономия французского рабочего движения и впредь соблюдалась. «В конце концов, задача этих совместных действий лишь привлечь к нам всех граждан, которые полны решимости защищать демократические свободы». Что касается сближения Франции с СССР, то Блюм первоначально не был его сторонником. «Нет такой возможности, — говорил он, — чтобы русские диктовали политику французским социалистам». Ведь он знал, насколько сдержанно Поль Фор и другие члены партии относятся к новому военному и дипломатическому французско-советскому союзу, а также к разделению Европы на два лагеря.

Тем временем, когда Гитлер в марте 1935 г. ввел обязательную воинскую службу, Блюм заявил, что французско-советский пакт необходим для избежания войны, поскольку объединял усилия, которые должны были привести к разоружению и миру между народами. Это вынудило его отказаться от враждебного отношения к французскому коммунистическому движению. Именно

тогда он счел необходимым усилить сотрудничество с СССР. Не без опасений и взаимного недоверия был подписан французско-советский пакт о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако Блюм сомневался в возможности сотрудничества в военной области. Тем не менее, СССР играл ключевую роль в установлении паритета между участниками пакта и объединенной мощью Германии и Италии. Но сначала следовало сблизиться с Англией, а лишь затем с СССР. Конечным результатом этих действий должно было стать повторение «Антант», возникшей до 1914 г. Блюм любой ценой хотел реализовать свой план. Спустя много лет он писал о нем так: «Широкое сближение английской и французской демократий с СССР, то есть международный Народный Фронт, могло спасти мир». Блюм ощущал себя поставленным перед тяжелым испытанием в то время, когда предпринимались попытки превратить французско-советский пакт в эффективный военный союз. В ноябре 1936 г. он принял решение предпринять сверхсекретные переговоры с советским военным атташе в Париже, чтобы узнать, существуют ли реальные основания для переговоров, а впоследствии и для сотрудничества между начальниками штабов. Блюм еще некоторое время настаивал на оживлении и возобновлении переговоров с Россией. Однако неожиданно отказался от них. Это было вызвано, как он вспоминал впоследствии, секретным сообщением от президента Чехословакии, который информировал его, что члены советского генерального штаба поддерживают постоянные контакты с Германией. В то же время советское руководство начало чистку в партийных рядах, и следовало ожидать, что после гражданских лиц придет черед и военных. Так и случилось в марте 1937 г., когда вместе с восьмью офицерами был задержан маршал Тухачевский и осужден военным трибуналом, а затем казнен.

Несмотря на то, что тогда Блюм еще недооценивал происходящие в Москве события, он понял, что не следует продолжать военные переговоры. «Сообщения, полученные от чехов, — писал Блюм, — парализовали все мои усилия, которые я предпринимал более месяца, чтобы придать союзу сугубо военный характер». Информация, переданная Блюму, заставила его воздержаться от дальнейших действий. Осенью 1936 г. Блюм обдумывал «вопрос единства», веря, что может произойти объединение всего рабочего класса. Он лично утверждал, что не будет международного сотрудничества без СССР и не будет настоящей демократии во Франции без коммунистической партии. Однако уже во время войны он писал, что существует огромная «необходимость в радикальных переменах, которые приведут к иному роду отношений между французскими коммунистами и Советской Россией, а также между Советской Россией и международным сообществом». И с сожалением замечал, что до послевоенного времени ничего не изменится. Французские коммунисты по-прежнему были подчинены СССР и Сталину, а СССР по-прежнему вел политику распространения своего политического и военного влияния, не обращая внимания на интересы международного сообщества. Таким образом, Блюм относился к коммунистической партии как к «огромной организации, окутанной тайной», действия которой, предпринятые во время войны и после освобождения, не позволяют относиться к ней с доверием. Это стало абсолютно нереальным после публикации «Хартии единства», ставшей спекулятивным доказательством того, к чему на самом деле стремятся коммунисты.

Другим, столь же важным представителем французского социалистического движения и одновременно руководителем страны явился президент Франции Франсуа Миттеран, чьи взгляды на отношения с Россией не отличались диаметральной противоположностью от взглядов Леона Блюма, большим поклонником которого он был. Миттеран дистанцировался от практики

встреч руководителей двух стран, начатых Жоржем Помпиду, ограничивая таким образом область французско-советских хозяйствственно-политических отношений. Он даже стал сторонником провозглашенного Рональдом Рейганом тезиса о советской конфронтационной политике в отношениях с западом и о явном превосходстве России в области стратегического вооружения. Первый официальный визит в СССР Миттеран совершил лишь в июне 1984 г., но в действительности это не означало улучшения российско-французских отношений. Только реформы Горбачева привели к изменению взгляда Миттерана на политику СССР. Миттеран считал Горбачева политиком «иного стиля», понимавшего перемены, происходившие в мире, и, в отличие от своих предшественников, не считал, что только военная мощь СССР свидетельствует о его позиции на международной арене.

Миттеран поверил в то, что «гласность и перестройка» были новым способом выражения идеологической революционной мысли и способны изменить практику осуществления власти политической элитой СССР. Вместе с другими мировыми политиками он поддерживал реформы Горбачева, считая, что они приведут к либерализации СССР, но без его распада, поскольку видел опасности, связанные с возникновением национальных конфликтов, что сделало бы невозможным контроль над ядерным потенциалом, которым обладал СССР.

Реализация политики Миттерана по отношению к СССР была основана на принципе невмешательства во «внутренние» дела СССР, даже такие, как вторжение советской армии в Литву в январе 1991 или сохранения нейтральной позиции по отношению к стремлениям Польши интегрироваться с западноевропейскими структурами, в том числе вступить в НАТО.

Однако уже шесть недель спустя после распуска СССР (декабрь 1991 г.) и сложения Михаилом Горбачевым полномочий президента СССР, президент Российской Федерации (государства - правопреемника Советского союза) Борис Ельцин, стал гостем Франсуа Миттерана в Елисейском дворце. В мае 1992 г. президент Франции - первый из лидеров государств - нанес официальный визит в признанные независимыми прибалтийские государства.

Таким образом, несмотря на то, лидеры французских социалистов испытывали определенную настороженность при организации межгосударственных отношений с СССР, опасения Блюма носили скорее идеологический характер, в то время как Франсуа Миттеран в международной политике руководствовался принципами pragmatизма.

В.П.Любин (Москва)

Образ СССР в Италии, 1922-1991 гг.

Образ СССР в Италии – тема, которая изучается разными общественными науками и находится в весьма дискуссионном исследовательском поле. Рассматриваемый период хронологически разделяется на два временных отрезка: 1922-1945 и 1945-1991 гг.

Первая мировая война прервала связи между Россией и Италией. Когда после ее окончания они возобновились, обе страны были уже иными. В Италии в 1922 г. установилась фашистская диктатура, в России – в результате событий 1917 г. власть перешла в руки большевиков, а по окончании гражданской войны в 1922 г. возникло новое государственное образование: Союз советских социалистических республик. Италия была второй после Англии крупной европейской державой, признавшей СССР в 1925 г. Одновременно с

политическим и дипломатическим признанием налаживались торгово-экономические связи¹. Развитие советско-итальянских отношений в XX в. подробно исследовала И.А.Хормач².

Российские события 1917-1922 гг., гражданская война на просторах бывшей Российской империи и создание СССР находили отражение в тогдашнем итальянском общественном мнении, научных исследованиях, они и поныне привлекают внимание современных итальянских специалистов-руссистов³.

С определенных позиций написана монография профессора Пизанского университета Э.Чинеллы «Русская революция»⁴. В предисловии В.Заславского, эмигранта из СССР, позиционировавшего себя в Италии как социолога и специалиста по истории и современности России, отмечается: «Переосмыслить Октябрьскую революцию означает сегодня свести счеты со сталинизмом и подумать об опыте миллионов людей в России и на Западе, исходя из высоких идеалов равенства, солидарности и справедливости; они созидали, поддерживали и страдали от советского режима - одного из самых жестоких в истории XX в.»⁵. Чинелла считает, что СССР представлял собой последнюю многонациональную, полуколониальную империю, которая выжила в современном мире в эпоху, когда процесс деколонизации уже закончился. Его экономика застыла, вызывая разочарование у стремившихся к потребительским благам людей, система напоминала разлагающегося колосса. Выявление «противоречивых черт ленинизма» поможет понять, как Ленин, революционер, начавший политическую деятельность с именами Маркса и Каутского, построил «самую страшную тиранию XX века».

После крушения СССР, продолжает Чинелла, не должно оставаться сомнений в том, что «главным историческим результатом большевистской революции как раз и стало бальзамирование мумифицированной царской империи, распадавшейся в 1917 г.». Ленин и его наследники, сознавали они это или нет, «вдохнули жизнь в разлагавшийся труп, наполнив его новой идеологией и заставив его маршировать в целях присоединения новых территорий». Это было историческое чудо, которое смогли совершить только большевики. Русские коммунисты посредством коллективизации села разрушили сельское хозяйство, создали гигантскую неэффективную государственную промышленность, построили полицейское государство с господством привилегированной бюрократии.

Политические деяния большевиков, несмотря на прикрытие их словесами о модернизации, представляли собой гигантскую реакцию, которая раз и навсегда оборвала нить, связывавшую Россию с европейской цивилизацией. После неудачи попыток экономической и социальной инженерии режим превратился в крепость из папье-маше. Но «ужасное» семидесятилетнее большевистское наследие продолжает воздействовать на посткоммунистическую Россию, которая, будучи не в состоянии решить свои внутренние проблемы, пытается опереться на те характеристики коммунистического прошлого, которые более других могут быть близки ее ввергнутым в нищету и растерянным гражданам: шовинистическую гордость и ностальгию по военной мощи. По мнению Чинеллы, «на пепелище коммунизма в России сегодня вырастает фашизм», вместе с тем «сохраняются в зародыше многие черты коммунизма, которые примут законченные формы в предстоящие десятилетия»⁶.

Это, конечно, лишь одна из точек зрения на советский период истории России, повторяющая набившие оскомину стереотипы времен холодной войны, когда западные обществоведы как по команде осуждали и представляли СССР в самом негативном свете. Подаваемая тогда, а нередко и ныне, в средствах массовой информации и оклонакальных монографиях картина была похожей. Но в Италии существовали и иные подходы и точки зрения. Это было связано с

огромным влиянием в итальянском общественном мнении ИКП - самой крупной компартии Запада. Созданная в 1921 г., она стала главной политической силой страны, которая в течение многих десятилетий XX в. проводила политику недвусмысленной поддержки Советской России. Она принесла на себя основную тяжесть вооруженной антифашистской борьбы, ее представители работали в Москве в Коминтерне. Деятельность ИКП, ее пропаганда в массах способствовали росту не только идеологической приверженности советскому коммунизму (по принятой на Западе терминологии), но и симпатий к советскому народу.

Во время нападения гитлеровской Германии и фашистской Италии на СССР находившиеся в Советском Союзе итальянские коммунисты оказывали посильную помощь советскому народу, выступали по радио, вели антифашистскую пропаганду, опекали и оказывали идеологическое воздействие на попавших в плен итальянцев из разгромленной в 1943 г. группировки итalo-фашистских войск, носившей название АРМИР. Это стало одной из заметных страниц советско-итальянских отношений и содействовало созданию особого образа Советского Союза и его народа в Италии.

Созданию позитивного представления об СССР в итальянской культурной среде способствовали и не прерывавшиеся отношения между представителями творческих кругов Италии и Советской России. Среди российской белой эмиграции в Италии оказалось много деятелей искусства, литературы, науки. Они влияли на восприятие России и русской культуры в Италии⁷. Эмигранты послевоенных лет оказались в Италии в трудных обстоятельствах: между режимом Муссолини и советским правительством установились тесные отношения, что вынуждало русских эмигрантов переселяться из Италии в Париж или Прагу. Так поступили Зайцев, Осоргин, Шмурло. Оставшимся в Италии помогали итальянцы и русские фонды, особенно фонд княгини М.П.Демидовой.

Эмигранты знакомили итальянцев с достижениями русской культуры. Организатором лекций высланных из Советской России ученых, писателей, философов был профессор-славист Э.Ло Гато, автор перевода на итальянский язык поэмы «Евгений Онегин», сотрудничавший с Вяч.Ивановым. Ранее в Италии работали художники Врубель, Богаевский, Нестеров, а позднее художники-эмigrанты А.Юсупов, Г.Шилтян, Н.Лохов, В.Фалиеев, Р. и Л. Брайловские, авторы серии «Видение старой России», приобретенной Ватиканом.

Что касается профашистски настроенных итальянцев, составлявших, вероятно, до конца 30-х годов, благодаря активной работе с молодежью фашистского режима, большинство населения⁸, то для них Советская Россия была политическим противником, а само слово «большевик» являлось в этих слоях ругательным⁹. Однако эволюция отношения последователей Муссолини к СССР не была прямолинейной.

Когда Италия сама искала свой «третий путь» на путях модернизации, предлагавшихся фашистским режимом¹⁰, Советская Россия виделась в ином свете. Публицист Б.Риччи писал: «Необходимо опровергнуть легенду о катастрофе русской революции, большевистском хаосе, крахе империи и т.д. России революция большевиков полезна, как была полезна Франции революция жирондистов и якобинцев. ... Мы итальянцы, которые тоже совершили революцию ..., не можем чувствовать себя ближе к Лондону, парламентскому и консервативному, к Парижу, парламентскому и демократическому, чем к коммунистической Москве»¹¹.

Историк Дж.Сантомассимо заявляет, что зять Муссолини, министр иностранных дел Чиано, и сам Муссолини, по крайней мере, до 1935-1936 гг. верили, что совершают революцию. «Отсюда вытекала положительная оценка ... большевистской революции. На это указывала публикация текста Сталина о

социализме в одной стране, определенным образом устанавливавшим предел интернациональному характеру процесса преобразования и оставлявшим открытой возможность для других государств организации своего рода национального социализма... В эти годы [в Италии – В.Л.] были опубликованы многие труды авторов-коммунистов из Советского Союза»¹².

Муссолини заявлял, что «если большевистская Россия не нарушила европейского мира, то это благодаря господину Сталину и его уравновешивающей концепции социализма в одной стране»¹³. Один из его сподвижников признавал, что многие молодые люди, находившиеся в рядах фашистских организаций, «с энтузиазмом относятся к советским экспериментам», особенно ввиду поразившего мир экономического кризиса¹⁴. Однако фашистские иерархи, подобно исповедовавшему идеи корпоративизма министра Дж.Боттаи, отрицали «всякую идентификацию корпоративизма и большевизма из-за их четко выраженной изначальной противопоставленности, различия задач и целей»¹⁵.

Отношения между фашистской Италией и СССР нередко переживали напряженные моменты. Так, в конце 1939 г. советское Генеральное консульство в Милане подверглось нападению толпы в 300 человек при полном попустительстве итальянских властей. Посол В.Штейн направил Г.Чиано ноту протesta¹⁶. СССР закрыл тогда Генконсульство в Милане и настоял на том, чтобы Италия ликвидировала свое консульство в Одессе.

В фашистских изданиях давался враждебный образ Советской России. Антисоветская пропаганда продолжалась вплоть до свержения фашистского режима. По окончании войны реакционным силам в Италии не составило труда оживить и использовать эти антисоветские образы, в том числе и в предвыборной борьбе с целью ослабить влияние ИКП. Но не всегда такая пропаганда получала ожидающийся правыми силами резонанс и нередко оказывалась непродуктивной.

Окончание Второй мировой войны знаменовало собой начало нового этапа отношений между Италией и СССР, которые отличались от отношений между СССР и другими западными странами. Это явилось следствием того, что немалая часть населения симпатизировала идеям социализма и коммунизма. Итальянские коммунисты и социалисты, выступавшие единым фронтом в движении Сопротивления, свергнувшего в апреле 1945 г. фашистский режим, были привержены идеологии марксизма. Они выступали за развитие дружеских отношений с СССР, а их лидеры – П.Тольятти и П.Ненни - выступали с антиимпериалистическими позициями, против создания блока НАТО и других недружественных в отношении Советского Союза акций ведущих западных держав.

Настроения итальянцев тех лет отражены в донесениях послов СССР в Риме. Так, М.А.Костылев сообщал, что 7 октября 1948 г. сенатор социалиста Джуа выступил «с яркой обвинительной речью против правительства, стремящегося втянуть Италию в войну против Советского Союза», и заявил, что вполне вероятно, что большинство итальянского с радостью встретит Красную Армию как армию освободительницу¹⁷. Социалист С.Пертини заявил в Палате депутатов: «В случае возникновения конфликта ... мы также будем вовлечены в агрессивные действия западных держав против Советского Союза ... В этом случае итальянские трудящиеся будут бороться за защиту Советского Союза»¹⁸. Противостояние левых и правых сил охватывало всю политическую жизнь Италии. Страна оказалась своего рода «прифронтовым» государством, не только на внешнюю, но и на внутреннюю политику которого, две сверхдержавы того времени (США через ХДП, СССР - посредством поддержки итальянскими левыми силами) оказывали непосредственное влияние¹⁹.

Начавшийся в 1958-1963 гг. в связи с обострением отношений между Востоком и Западом из-за Берлинского кризиса 1961 г. интенсивный диалог не

оставил в стороне и Италию. Итальянская республика стала стремиться к более независимому внешнеполитическому курсу на международной арене. Речь не шла о заметном дистанцировании от США и других союзников по НАТО. Но Италия попыталась играть роль посредника, стремилась установить особые отношения с СССР.

Заметные внутриполитические перемены в Италии привели к ослаблению ее позиций средней державы, и страна маневрировала между блоками. Для правительства и итальянских политических партий отношения между Востоком и Западом стали предметом наибольшей заботы в вопросах национальной политики. В Италии действовала сильная компартия и ее внутренние дела нередко влияли на отношения между двумя блоками, как пишет С.Романо²⁰. В партийной пропаганде ИКП, привлекавшей в свои ряды значительное число студенческой и творческой молодежи, звучало славословие в адрес Советского Союза и его достижений. Подкрепляли эту пропаганду достижения СССР в освоении космоса, успехи в социальной политике.

Отношение к «стране победившего социализма» со стороны итальянских левых стало меняться после событий в Венгрии 1956 г., а вследствии - в Чехословакии в 1968 г. Вначале итальянские социалисты, а затем и коммунисты отошли от линии прямой поддержки СССР²¹. Причиной изменения приоритетов и ранее тесного сотрудничества братских партий КПСС и ИКП стали резкие по форме замечания Москвы относительно стремления итальянских коммунистов к выработке самостоятельной позиции, обвинения в ревизионизме, что немало способствовало дальнейшей эволюции ИКП в сторону социал-демократии и ее сближению с такой партией, как СДП²².

Особый энтузиазм, прежде всего в среде левых сил в Италии, вызвали перестройка и политика демократизации в СССР. В первые годы «перестройки» Италия была, вероятно, единственной западной страной, которая более всего верила в реформаторский эксперимент и новации, которые Горбачев старался привнести в отношении между государствами, пишет Романо²³. Наблюдавший в качестве посла Италии с 1985 по 1989 гг. за ходом реформ Романо дает свое объяснение провала горбачевской политики и путча 19-21 августа 1991 г., за которым последовал развал Советского Союза. За фасадом так нравившейся тогда Западу манеры поведения Горбачева Романо видит другое: вопиющую противоречивость его взглядов и позиций.

Романо констатирует, что экономическое и социальное положение в стране ухудшилось. Резкое падение мировых цен на нефть в начале 1986 года привело к плачевному состоянию советских финансов. Но главной причиной был провал перестроекных реформ, а гласность, поднимая завесу над ложью и скрытыми пороками режима, лишь усугубляла ситуацию. «В подобном случае другой хирург на его месте зашил бы живот пациента и предоставил его Божьей воле», замечает Романо. Горбачев же шел напролом, вызывая гнев и сопротивление тех сил, что, в конце концов, его и сгубили. Этими силами, по оценке бывшего дипломата, были подавляющая часть старой номенклатуры и забегавшие вперед радикальные реформаторы, сепаратизм социально активных республик, недовольство республик, где процессы активизации населенияшли не так стремительно, а также пробудившиеся местничество и национализм. Горбачев уверовал в свои способности и был убежден, что в условиях противоборства двух противоположных партий - сторонников реформ и консервативных реставраторов - он незаменим. Он ошибочно полагал, что, в конечном итоге, все вернутся к нему и попросят возглавить новый Советский Союз.

Бывший корреспондент газеты ИКП «Унита» Дж.Кьеза также высказал отношение к перестройке. Начатые Горбачевым перемены, нацеленные на изменение социально-экономической системы одной из двух крупнейших держав

на планете, не могли не повлечь за собой колоссальных сдвигов в международном масштабе. Волна, поднятая этим землетрясением, выпала за географические пределы Российской империи и опрокинула концептуальные границы, в которых планета «рассуждала» последние сто лет. Зародившись в недрах кризиса реального коммунизма, идеи перестройки внедрились настолько глубоко, что поставили под сомнение устои других систем, заключал итальянский журналист²⁴. Характеризуя период правления Ельцина и становления новой России, Кьеза подчеркивал, что «для миллионов российских граждан слово «демократ» сегодня носит ругательный характер». По его мнению, главные ценности Запада – либеральная демократия, плюрализм, рынок, свобода личности – это достижения мировой цивилизации. Но западные советники предлагают России не эти ценности, а «определенную неолиберальную их интерпретацию, которую, слава Богу, на Западе поддерживают далеко не все»²⁵.

С.Романо отмечает, что перестройка оживила надежды на то, что существует путь социализма, и что именно на этом пути будут решены национальные социальные и экономические, равно как и международные проблемы. Но этот «сезон надежд» закончился уже в 1989 г. В то время как СССР терял часть за частью своей европейской империи и продвигался к саморазрушению, Италия утратила значительную долю своего внешнеполитического потенциала. Развал СССР и быстрая деградация экономических отношений между двумя странами, не мешали тому, что Россия продолжала оставаться важной составляющей итальянской политики²⁶. «После смерти коммунизма его родина продолжает оставаться местом, к которому итальянская левая – будь то коммунисты или левые католики – продолжает относиться с пристрастием... Не существует больше родины социализма, но все же остается та фамильярность, которая заставляет немалую часть итальянцев воспринимать российские события как свои собственные... Многие итальянцы прежней коммунистической веры не могут признать, что они отдали свои чувства и свой ум потерпевшему поражение эксперименту и продолжают делать ставку на происходящие теперь российские события в надежде, что они вовсе не ошибались»²⁷.

Приведенные выше точки зрения позволяют заключить, что СССР занимал и продолжает занимать заметное место в итальянских общественных дискуссиях. В Италии следили и продолжают следить за развитием событий в стране, к которой итальянцы в большинстве своем относятся с большим уважением и неравнодушной пристрастностью.

¹ Любин В.П. Итalo-советские торгово-экономические отношения в 20-е годы // Вопросы истории. М., 2002. № 11. С. 54-72.

² Хормач И.А. Отношения между Советским государством и Италией, 1917-1924 гг. М., 1993. 197 с.; она же. СССР-Италия, 1924-1939 гг. (дипломатические и экономические отношения). М., 1995; она же. СССР-Италия и блоковое противостояние в Европе. Вторая половина 40-х - начало 60-х гг. - М., 2005. Т.1. С.1–417. Т.2. С. 421-939.

³ Lami G. La questione ucraina fra '800 e '900. Milano, 2005; Buttino M. La rivoluzione capovolta. L'Asia centrale tra il crollo dell'Impero zarista e la formazione dell'URSS. Napoli, 2003.

⁴ Cinella E. La Rivoluzione russa. Milano, 2005.

⁵ Ibid. P. XV.

⁶ Ibid.P. 8.

⁷ Комолова Н.П. Италия в русской культуре Серебряного века. Времена и судьбы. М., 2005. 470 с.

⁸ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000.

- ⁹ Lami G. L'URSS - Fascismo. Manoscritto. Milano, 2007. (Неопубликованная рукопись).
- ¹⁰ Santomassimo G. La terza via fascista. Il mito del corporativismo. Roma: Carocci ed., 2006.
- ¹¹ Ibid. P.199.
- ¹² Ibid. P.200.
- ¹³ Ibid. P. 155.
- ¹⁴ Ibid. P. 160.
- ¹⁵ Ibid. P.167.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. Секретариат Литвинова. Оп.18, папка 144. Д.88. Л.286.
- ¹⁷ Там же. Л.148-149.
- ¹⁸ Там же. Л.149.
- ¹⁹ Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi. Milano, 2002.
- ²⁰ Ibid. P. 213.
- ²¹ Подробнее см.: Любин В.П. Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники, 1892-2006. М., 2007. С. 347-462.
- ²² См. работы Хайнца Тиммерманна, причастного к налаживанию в те годы контактов между СДПГ и ИКП. Timmermann H. Zwischen "Mitte-Rechts" und "Mitte-Links", das innenpolitische Kraeftspiel Italiens. Köln, 1972; Idem. Una visione piu' laica del mondo, il Pci la deve molto a lui // Ciao Enrico. Roma, 1984. P. 59.
- ²³ Romano S. Guida alla politica estera italiana. Da Badoglio a Berlusconi, cit. P. 234-238.
- ²⁴ Къеза Дж. Переход к демократии. М., 1993. С. 7-8.
- ²⁵ Къеза Дж. Прощай, Россия! М., 1998. С. 254-255.
- ²⁶ Salvi S. La disunione sovietica. Guida alle nazioni della Non Russia. Firenze, 1990.
- ²⁷ Romano S. Lo spirito di Racconigi e gli orfani della perestrojka // Limes. Roma, 1994. № 1. Р. 186-192. - Р.191-192.

В.И.Пантин, М.В.Пантин (Москва)

Исторический опыт СССР и перспективы мирового развития

Опыт СССР имеет важнейшее значение не только для понимания истории, но и для осмысления перспектив современного мирового развития по целому ряду причин. Во-первых, это наиболее длительный и полный исторический опыт некапиталистического, небуржуазного развития со всеми его противоречиями, взлетами и падениями. Во-вторых, СССР в XX веке сыграл огромную роль в мировой политике, экономике, социальном и культурном развитии, повлияв на судьбы подавляющего большинства как развитых, так и развивающихся стран. Во многом именно благодаря СССР траектория мирового развития в XX веке изменилась, в это развитие в качестве самостоятельных субъектов оказались вовлечены бывшие колонии и полуколонии. В-третьих, СССР на протяжении долгого времени противостоял монополии финансового спекулятивного капитала, который после распада СССР приобрел невиданные масштабы и пытается диктовать всем государствам мира свою волю, называя самы разрушительный и бесчеловечный путь развития. Наконец, в-четвертых, опыт СССР важно учесть всем левым силам для более эффективного противодействия распространяющемуся "либеральному фашизму", за которым стоят международный банковский капитал, с целью выработки более гуманного политического и социально-экономического курса в интересах трудящихся, в интересах выживания человечества.

В то же время многое в оценках исторической роли и опыта СССР остается предметом идеологизированных спекуляций, которые не имеют ничего общего с трезвым и объективным научным анализом. С одной стороны, современные либералы и консерваторы стремятся всячески очернить опыт советского периода, вычеркнуть его из сознания современной молодежи, чтобы полностью утвердить свою монополию на власть и на манипулирование сознанием людей. С другой стороны, радикальные российские коммунисты, в том числе сталинисты, всячески воспевают опыт СССР и выпячивают роль Сталина, не желая видеть многочисленные ошибки, провалы и преступления сталинского и последующих режимов. В результате, в обоих случаях складывается искаженная, тенденциально нарисованная картина, а реальное историческое значение опыта советского развития остается во многом не проясненным.

При научном анализе исторического опыта СССР, как представляется, прежде всего следует учитывать тот факт, что СССР возник в ситуации глубокого кризиса мирового капитализма, кризиса, порожденного упадком владевших половиной мира Великобритании и Франции и усугубленного Первой мировой войной. Октябрьская революция 1917 г. и образование СССР в 1922 г. явились альтернативой господствовавшим формам мирового капиталистического порядка. Однако, в силу относительной малочисленности рабочего класса в России, преобладания в ней докапиталистических и полу-капиталистических отношений, с самого начала эта альтернатива представляла собой конгломерат социалистической идеологии и государственного капитализма в экономике и политике. Иными словами, с самого начала революционных преобразований в СССР существовало противоречие между социалистическими целями и лозунгами, с одной стороны, и реальной неразвитостью предпосылок для социалистического развития. Это противоречие вылилось в необходимость мобилизации всех сил и ресурсов страны не только для реализации социалистических лозунгов, но и для элементарного выживания нового общества и государства в чрезвычайно враждебном окружении и к тому же в неблагоприятную, кризисную эпоху. Однако необходимость мобилизации всех сил и ресурсов страны довольно быстро привела к диктатуре Сталина, который пришел к власти в результате революции, но сыграл роль ее могильщика, по сути, уничтожившего ленинскую партию большевиков и совершившего чудовищные преступления в целях удержания личной власти.

Тем не менее, импульс, данный Октябрьской революцией 1917 г., оказался настолько значительным, что сталинская диктатура не смогла его полностью уничтожить. Более того, революция в России действительно способствовала пробуждению народов колониальных и полуколониальных стран, составлявших большинство человечества. Анти-буржуазная направленность русской революции заставила капитализм в развитых странах существенно измениться, причем на некоторое время (период "холодной войны") его паразитические черты несколько ослабли, поскольку капиталистические страны, чтобы выжить, вынуждены были развивать реальное производство и реальную конкуренцию. Прежняя буржуазия, в которой значительную часть составляли рантье, во многом была вытеснена так называемым "средним классом", включавшим мелких и средних предпринимателей, специалистов (прежде всего преподавателей и медицинских работников), управляющих низшего и среднего звена. На некоторое время, вплоть до 1980-х годов в развитых капиталистических странах социальную политику во многом стали диктовать не банкиры и рантье, а представители среднего класса и трудящиеся. Кроме того, введение в СССР бесплатного медицинского обслуживания и бесплатного образования подтолкнуло развитые

капиталистические страны к социальным реформам. Советская система образования, целенаправленно разрушающаяся в постсоветский период, особенно после 2000 г., безусловно, была лучшей в мире. Таким образом, СССР, проводивший сильную социальную политику и противостоявший монополии одной сверхдержавы, сыграл важную и во многом позитивную историческую роль. Правда, плодами советской социальной и внешней политики воспользовалась не столько сам Советский Союз, сколько другие страны. Так, современное "китайское чудо" было бы невозможно без прямого учета и заимствования советского опыта, прежде всего опыта НЭПа 1920-х годов.

Однако уже с 1970-х годов огромные человеческие ресурсы СССР, бездарно растратченные в ходе репрессий 1930-х – начала 1950-х годов и во время Великой Отечественной войны, стали иссякать. Прежде всего, это было связано с разрушением деревни в результате насилиственной сталинской коллективизации, а также в результате непродуманной политики при Хрущеве и Брежневе. Между тем, деревня во многом поставляла кадры для рабочего класса, для армии, для производства специалистов, не говоря уже о производстве сельскохозяйственной продукции, и когда она оказалась разрушенной, наступил глубокий кризис всей советской системы.

Чрезвычайно важно иметь в виду, что советский исторический опыт имеет важное значение не только для понимания прошлого, но и для осмыслиения перспектив будущего развития. Это связано с тем, что как уже отмечалось выше, начиная с 1970-х – 1980-х годов капитализм вошел в новую стадию своего развития. Эта стадия характеризуется транснационализацией и глобализацией банковского и промышленного капитала, полным отрывом финансово-спекулятивного капитала от реального производства, многочисленными финансовыми пирамидами и пузырями, ростом имущественного и социального неравенства, разрушением профсоюзов, ухудшением позиций среднего класса, появлением новых мощных информационных технологий для непрерывного промывания мозгов подавляющего большинства населения всех стран. Однако все эти новейшие технологии оказались не в состоянии эффективно противодействовать начавшемуся в 2008 г. глобальному финансовому, экономическому и социально-политическому кризису. Более того, этот кризис (а точнее, целая цепь кризисов) чреват масштабными социальными и geopolитическими потрясениями, связанными с утратой США лидирующей роли в мире и с постепенным перемещением центра мировой экономики с Запада на Восток, из США и Европы в Азию. Последствия этого кризиса неизбежно будут весьма тяжелыми и долговременными для большинства человечества, прежде всего, для рабочих, крестьян, среднего класса. Между тем банковский, финансово-спекулятивный капитализм во главе с США последовательно и планомерно ведет мир в тупик, к деградации природы, общества, личности. Глобальный экологический кризис наряду с тотальным распадом отношений между людьми в результате господства денег и диктата рынка во всех сферах общественной жизни, включая семью, образование, культуру, медицину, подрывают все естественные и социальные основы жизни человека. И здесь очень многое будет зависеть от того, удастся ли выработать приемлемую и прогрессивную альтернативу нынешнему финансово-спекулятивному капитализму, которая отвечала бы интересам трудящихся.

В этом отношении исторический опыт СССР имеет важное значение не с точки зрения его буквального или измененного повторения, а прежде всего с точки зрения учета уроков истории и мобилизации общественных сил для изменения характера и траектории мирового развития. СССР был альтернативой

капиталистическому развитию и связанному с ним вырождению человека и общества, хотя альтернативой непоследовательной, противоречивой, подверженной давлению того же капитализма извне и изнутри. В настоящее время такой четко оформленной и мощной альтернативы нет, и это ощущается во всем мире: ничем не сдерживаемый финансово-спекулятивный, "информационный" капитализм творит все, что хочет, активно способствуя полному вырождению человечества и природы. Китай не является альтернативой капиталистическому развитию, напротив, он служит мощным ресурсом капитализма, хотя противоречия между США и Китаем еще дадут о себе знать. В этой сложной и по-своему трагической ситуации главным препятствием на пути формирования некапиталистической альтернативы мирового развития остается раздробленность и фрагментированность левых сил, их неспособность действовать совместно и скоординированно в разных частях планеты. Еще Эрнесто Че Гевара в свое время говорил о необходимости "многих Вьетнамов" для свержения господства США в мире. Это требование и сегодня остается необходимым условием эффективной борьбы с транснациональным финансово-спекулятивным капитализмом, условием изменения траектории мирового исторического развития.

Однако главными и наиболее сложными предпосылками координации и согласованных действий левых сил остаются, во-первых, преодоление многочисленных идеологических и культурно-цивилизационных расколов и, во-вторых, борьба с "информационно-дезинформационным" промыванием мозгов, которое в гигантских количествах производят по всему миру электронные и печатные СМИ. Противодействие информационным войнам, которые почти во всех странах ведут правящие элиты с собственным народом, распространение правдивой информации о замалчиваемых или искажаемых событиях отчасти возможно с помощью Интернета, хотя нередко он также становится пространством целенаправленно распространяемой дезинформации. Однако главным направлением остается разоблачение политики правительства крупнейших стран, демонстрация ее туникового характера и воспитание критического отношения у большинства людей, в том числе у молодежи, к происходящему в реальном и в виртуальном мирах. В этом смысле особую тревогу вызывает полное незнание мировой культуры и истории, которое характерно для современной молодежи во многих странах, включая Россию, одичание масс, огромный разрыв между поколениями, создаваемый с помощью информационных и иных технологий. Это относится и к истории СССР, к Октябрьской революции, к ее наиболее глубоким причинам и последствиям. Но отсюда же следует и необходимость преодоления пропасти между поколениями, необходимость защиты подлинной культуры и подлинной истории. Все это может произойти лишь в ситуации нового общественного подъема и активизации борьбы трудающихся за свои права в разных частях планеты. Такая ситуация неизбежно возникнет (и отчасти уже возникает) по мере углубления кризисов глобального финансово-спекулятивного капитализма. Можно полагать, что решающим в этом отношении станет период 2012 – 2025 гг., когда весь мир будет переживать глубокие кризисы, geopolитические сдвиги, социальные и политические перевороты и революции.

Феномен Советского Союза и общественные науки Запада

Истинная сущность Советского Союза и его значение являются одними из тех вопросов современности, которые сопровождаются наиболее горячими историческими дебатами и вызывают бурные эмоции во всех концах света. Реальное значение Советского Союза и его объективные позиции во всемирном историческом процессе до сих пор не установлены. Книга под названием «История СССР», содержащая в себе правдивую информацию, еще не опубликована.

Господствующей идеологией Запада на сегодняшний день стала русофobia, в задачи которой входит намерение разрушить остатки Советского Союза до конца. С этой целью в пограничных с Россией странах осуществляются «оранжевые перевороты», а в самой России идет формирование особой «пятой колонны», состоящей из так называемых нынешних «либерастов». Факт того, что Российская Федерация ныне представляет собой могучее государство, укрепляющее свои позиции по всем направлениям, внушает страх исконным врагам России. В свете происходящего есть потребность вновь исследовать историю и, рассмотрев, чем был Советский Союз в прошлом, попытаться представить, что может ожидать Россию в будущем.

Если страны Прибалтики уже два раза присоединились к Российской империи, то вполне уместно будет задаться вопросом, почему этот процесс не может повториться и в третий раз? Все больше и больше жителей прибалтийских стран признаются в том, что жизнь в советское время была по многим характеристикам лучше, безопаснее и счастливее. Однако все те же «оранжевые либерасты» воздействуют на средства массовой информации, принуждая СМИ ежедневно трубить о том, что период СССР якобы был «оккупацией», худшей, нежели даже немецкие концлагеря. Таким образом, многим населяющим постсоветское пространство людям приходится жить не только в условиях экономических потрясений, но и в обстановке абсурдной лжи.

Наше сознание загрязнено продуктами деятельности проводимых по всему миру антироссийских кампаний, усилиями которых Советский Союз становится воплощением абсолютного зла, образом «преступной» системы тоталитаризма. В моду снова вошел предложенный в нацистской Германии тезис об «азиатской дикости» большевизма, и во многих мелких государствах, возникших на месте бывшего СССР, абсолютно всерьез считается, что большевизм был намного хуже, чем нацизм, так что Гитлер практически «спас» Европу от большевизма. Именно так кричат нам поднявшие в ряде стран свои головы бывшие ветераны СС.

Известный профашистский историк, «энтакт» Гитлера Эрнст Нольте (Ernst Nolte) выдвинул в восьмидесятых годах прошлого века идею о виновности Сталина в преступлениях Гитлера и нацистов, а также и их сообщников, утверждая, что русские «подучили» Гитлера устроить геноцид евреев¹. Этот изначально ложный пропагандистский тезис, к сожалению, сейчас стал официальной политической линией многих стран, таких как государства Прибалтики, в Финляндии, на Украине, в Польше. Следует напомнить, что знакомый нам миф о зверствах большевистской «оккупации» в Прибалтике изначально использовался фашистами. Как бы то ни было, нормальным людям трудно жить в подобном круговороте абсурдной лжи, в мире негатива.

Латвийское государство официально распространяет лживую профашистскую пропагандистскую кинокартину «Советская история» («The

Soviet Story»), в которой утверждается, будто российский народ считает геноцид евреев подвигом. Пропагандирующий антироссийские идеи кинофильм «Советская история», чей создатель, латыш Эдвінс Сноре (Edvīns Snore), является открытым нацистом, через латвийское консульство в Нью-Йорке распространяется по всему миру. Согласно кинофильму, русские виноваты в Холокосте и второй мировой войне. Данный фильм является прямым военным выпадом против Российского государства и россиян, поскольку он стремится посеять ненависть к России и русским во всем мире. Картина содержит кадры, грубо дискредитирующие российские государственные символы, такие как гимн России, и российские институты государственности, такие как государственная дума². Финская профашистская организация «Про Карелия» провела во многих городах Финляндии ряд бесплатных показов этого кинофильма, сопровождая их лозунгами «Вернем Карелию обратно!» и требуя реабилитации военных преступников³.

Проблемы искажения истории, на наш взгляд, следует воспринимать прежде всего не как идеологическую, но как военную угрозу. Те люди, которые, повторяя гитлеровскую пропаганду, утверждают, что Гитлер был прав, по сути, готовы вслед за Гитлером вновь совершить те же самые действия: напасть на Россию, уничтожив русских и евреев. Каждая попытка исторической фальсификации, каждый новый фильм, каждая книга или газетная статья, искажающие историю, являются провокацией и подготовкой к новой гитлеровской войне против России. К их числу относятся также лживые утверждения о том, что страны Прибалтики будто бы были «оккупированы» Советским Союзом, а депортации 1941 и 1949 годов были якобы «геноцидом». Все это – война против России.

К сожалению, Советский Союз в большинстве случаев воспринимается как синоним ГУлага; формированию такого представления во многом способствовал А. И. Солженицын своей книгой «Архипелаг ГУЛАГ». Нельзя отрицать заслуги Солженицына, к примеру, в создании нового литературного стиля и документальном отображении страданий русского народа, однако, несмотря на это, фактографичность книги вызывает большие сомнения. Следует напомнить, что Солженицын работал над своим произведением в Эстонии: жил в домах эстонских реваншистов и документировал их рассказы. В этом ему активно помогал бывший заключенный Арнольд Суси (Arnold Susi), получивший известность благодаря тому, что осенью 1944 года являлся эстонским министром просвещения в так называемом трехдневном правительстве Отто Тиэфа (Otto Tief)⁴. Что ж, этот «министр просвещения», бесспорно, преуспел на своем поприще, создав из «Архипелага ГУЛАГа» мощное орудие глобальной пропаганды. Таким образом, и в данном случае мы можем обнаружить «предысторию» типичной для эстонцев исторической подделки.

Знаменитая речь В. В. Путина, в которой он назвал распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой прошедшего столетия, нашла поддержку у известного американского публициста Ноама Хомски (Noam Chomsky). Отвечая на заданный ему вопрос, Хомский заметил, что следовало бы поговорить не о жертвах Советского Союза, а о жертвах крушения Советского Союза, поскольку количество пострадавших исчисляется уже сотнями тысяч и миллионами. Развал СССР привел к преступному «беспределу», экономическому кризису, сепаратистским войнам, терроризму, перманентному хаосу и беззащитности населения. Если говорить о жертвах сталинизма и так называемого сталинского террора, от которого, согласно данным научных исследований, погибло около девятисот тысяч человек, то необходимо сказать и о том, что

количество жертв крушения Советского Союза, очевидно, на порядок выше, точно также, как и количество пострадавших от распада СССР.

Еще никто из западных социологов и политологов не смог дать определение феномену Советского Союза и его значению. Одним из самых распространенных толкований по-прежнему остается так называемая «теория тоталитаризма», представленная в работах Збигнева Бржезинского (*Zbigniew Brzezinski*), суть которой заключается в сопоставлении Советского Союза и нацистской Германии⁵. Подобное реваншистское сравнение совершенно некорректно, поскольку его единственной целью является, так сказать, окончательное завершение «операции Барбаросса». На основе этой теории ведутся приготовления к информационной войне, которая должна довести Россию до распада и исчезновения точно так же, как ранее хитроумный Запад теми же методами информационной войны уничтожил Советский Союз. На постсоветском пространстве разгораются «оранжевые перевороты», а в России формируется «пятая колонна», состоящая в основном или из находящихся на американском финансировании либерастов, зачастую имеющих гражданство США, или из открытых неонацистов. Им оказывает поддержку западная пресса.

Тем не менее, многие более объективные ученые Запада считают, что Советский Союз был столь же демократическим государством, что и Соединенные Штаты. По мнению сторонников данной «теории модернизации», между «коммунистической» и «капиталистической» системами в действительности нет существенной разницы. Наконец, последователи школы «исторической теории» придерживаются точки зрения, согласно которой Россия идет своим собственным путем исторического развития, и царизм, советские времена и современный период, по сути, одинаковы в политическом и культурном отношении. Некоторые новые молодые ученые заявляют, что Советский Союз был совершено капиталистической системой, в чем-то даже «более капиталистической», чем западные страны.

В связи с этим есть необходимость рассмотреть явления, сопровождавшие крушение СССР, причины разрыва Советского Союза и окончательное значение этого распада. Согласно общим представлениям считается, что крушение Советского Союза выражается, прежде всего, в образовании новых мелких «феодальных» государств, но не обозначает фундаментальных культурно-политических изменений. Согласно одной из объективных концепций, распад Советского Союза значил разгосударствление собственности, то есть своего рода социальный переворот, в результате которого теневая экономика распространилась предельно широко.

К примеру, Финляндия и Эстония в советские времена на практике были зоной использования единой валюты, так как в Эстонии имели свободное хождение миллионы наличных финских марок и цены часто обозначались в марках. Но так называемое «обретение новой независимости» выразилось в том, что в стране начала действовать собственная валюта, узкая сепаратистская элита взяла контроль над государственной собственностью в свои руки и зародилась современная феодальная Эстония, областное государство апартеида, в котором сотни тысяч русских лишены всех политических и экономических прав. Не удивительно, что эстонцы сейчас считают жизнь при Советском Союзе более легкой, однако не могут открыто выразить эти претензии, поскольку средства массовой информации контролируются спецслужбами.

Финская антифашистская журналистка Леена Хиетанен (*Leena Hietanen*) пишет о том, что Советский Союз распался, потому что его идеалы отчасти стали

общемировыми ценностями, а в особенности распространились в странах Запада. К их числу, например, относятся права трудящихся, права женщин, бесплатное образование и социальное обеспечение, бесплатное медицинское обслуживание и т. п., которые в настоящее время превратились в обыденное явление во многих так называемых демократических государствах. Так пример Советского Союза стал словно бы ненужным.

Сразу после раз渲ла Советского Союза Дэниэл Ергин (*Daniel Yergin*) и Тейн Густафсон (*Thane Gustafson*) выпустили в свет книгу «Россия 2010», в которой изложили сценарии будущего России⁷. Самыми естественными казались мрачные предположения о гражданской войне и диктатуре. Самым фантастическим был сценарий об экономическом чуде и политически стабильном государстве. Сейчас, когда мы дожили до 2010 года, очевидно, что реализовался именно этот сценарий. Политическая и экономическая стабильность России, весьма быстрое формирование мощной державы и усиление государственного влияния действительно можно считать геополитическим чудом. Сегодня на постсоветском пространстве единственным политически и экономически стабильным и надежным государством является только Россия, тогда как окружающие ее страны пребывают в состоянии политico-экономической нестабильности. Многие крупные и значимые государства современного мира, такие как Германия, Франция, Италия, Испания, Венесуэла, Индия и другие доверяют России и верят в нее, высоко оценивая ее руководство и выражая ему свое уважение.

На развалинах Советского Союза сейчас образовались опасные тоталитарные псевдогосударства, лишенные свойств государственного суверенитета и на самом деле являющиеся зонами действия правительства апартеида. В действительности там установлен оккупационный режим, поскольку люди разделены на два класса: граждан и не-граждан. Вдобавок, главой Эстонской Республики является американец. Легитимность этих областей пытаются подкрепить историческими фальшивками, которые распространяются средствами психологической информационной войны с целью довести население до военного психоза. Будничной работой таких режимов становится проведение антироссийских кампаний, усиливающих русофобию, репрессивные действия полиции безопасности и неограниченный контроль государства над политической жизнью, нарушение политических, демократических, а также общечеловеческих прав граждан и, наконец, введение системы гетто.

Следует упомянуть, что создание режима апартеида в Эстонии является целиком и полностью финским проектом. Фальсификация истории и проведение политики апартеида не помешало тому, что Эстония была признана равноправным членом международного сообщества и среди прочего принята в Совет Европы, Европейский Союз и НАТО, хотя страна явно не обладает свойствами суверенного государства, и к этому приложило свою руку финское лобби. Финские лоббисты, в числе которых можно назвать и нынешнего президента Финляндии Тарью Халонен (*Tarja Halonen*), всегда закрывали глаза на преступления Эстонии против прав человека, поддерживая политику репрессий по отношению к русским. По мнению финской журналистки Леены Хиетанен (*Leena Hietanen*), Эстония является для Финляндии опытным материалом для воплощения идей о «жизненном пространстве», финским «*Lebensraum*-экспериментом, в цели которого входит подготовка к осуществлению «возврата» Карелии назад, «в лоно» Финляндии и проведению там этнических зачисток. Ради этого стараются и проводят огромную работу реваншистские организации, такие как «Про Карелия». Кстати говоря, генеральный штаб «Про Карелия» сейчас

располагается в Таллинне, откуда, таким образом, под защитой эстонских спецслужб и осуществляются этнические чистки и информационная война против русских людей. Таким способом Финляндия ускользает от исполнения парижского мирного договора, наложившего запрет на действия фашистских организаций.

На сегодняшний день постсоветское пространство носит временный статус. Сама жизнь ежедневно доказывает его временный характер. Против России ведется жесткая и агрессивная информационная война. Исторические фальсификации используются для попыток психологического давления на население России, чтобы привить россиянам чувство вины и внушить недоверие к руководству страны. Бесстыдная пропаганда распространяется врагами России по всему миру. В то же время происходит процесс конвергенции и интеграции регионов постсоветского пространства. В ожидании будущего крупные государства все теснее сближаются с Россией. Идет формирование новой великой державы и новых форм ее государственности.

¹ Low Alfred D. The Third Reich and The Holocaust in German Historiography. Toward The Historikerstreit of the Mid-1980s. East European Monographs, Boulder. Distributed by Columbia University press, New York. 1994.

² Dyukov A. «The Soviet Story». Forgery Tissue. «The Soviet Story». Механизм лжи. Фонд Историческая память. М., 2008.

³ http://prokarelia.net/fi/?x=artikkeli&article_id=1805&author=10

⁴ «Suden talo, Solženitsynin pesä». Helsingin Sanomat 27.2.2000.

⁵ Friedrich Carl J. & Zbigniew K. Brzezinski. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Harvard University Press. Cambridge. 1965.

⁶ Hietanen Leena. Antifasistin päiväkirja 2009. Suomen antifasistinen komitea. Helsinki. 2010.

⁷ Yergin Daniel & Thane Gustafson. Russia 2010 and what it means for the world. The CERA report. Random House. New York. 1993.

Elizabeth Clarke (Лондон)

Revolutionary ferment of twenty years ago. The nightmare of capitalism's return to the land of the October Revolution

who visited Russia in 1989 and lived there for five years until 1995.

The bosses' media milked the celebrations of the 20th anniversary of the fall of the Berlin Wall to remind their audiences of the evils of Stalinism. Equating it as always with 'communism', they welcomed the opportunity to repeat the lie that there is no alternative to capitalism – a system now deeply mired in crisis.

They have spoken glowingly of the "revolution, or series of revolutions" of 1989 which turned world history in their favour. At the same time they condemn as a mere 'coup' the genuine revolution of October 1917 - the mighty event that followed the overthrow of the Tsarist dictatorship and liberated tens of millions of people from war and capitalist exploitation.

The events of twenty years ago, including the mass revolt in China, showed the potential for mass struggle to overthrow entrenched bureaucracies. Counter-revolution in terms of the restoration of capitalism across Eastern Europe and the USSR was by no means a foregone conclusion.

Long before the Wall actually came down, there had been a ferment in society across Eastern Europe, and inside Russia itself. A decade earlier, Solidarnosc in Poland had begun its life as a defiant independent trade union. Its 1981 congress adopted what amounted to the programme of the political revolution – for wresting control of the state and industry out of the hands of the ruling parasitic caste of bureaucrats and establishing democratic workers' control and management.

The mass strikes which Solidarnosc organised terrified the ruling bureaucracy of the Soviet Union. They played them down as no more than 'temporary interruptions to work', hoping in the process to prevent the idea catching on in their massive, but ailing, economy! (At the time, inhabitants of Leningrad, who knew all too well what was happening in Poland, began mockingly referring to the famous 'Strike Avenue', which runs past the revolutionary Putilovsky factory as 'Temporary-Interruption-to-Work Avenue'!)

Gorbachev's reforms.

Mikhail Gorbachev rose to the position of General Secretary of the ruling Communist Party in 1985, acutely aware of the need to get the economy out of the doldrums caused by top-down management on a stultifying scale. Genuine workers' democracy – the vital oxygen needed to keep the state-owned, planned economy functioning – would make the bureaucrats redundant. Hence the search for an alternative.

While swearing allegiance to Lenin and orthodox Marxism, Gorbachev revived certain 'market' ideas like 'self-accounting' in every enterprise. In his book of 1988, the economist Aganbegyan pointed to the need for 'intensive' as opposed to 'extensive' investment. Gorbachev needed to bring in reforms in order to prevent revolution.

No revolution or counter-revolution is one single event. Nevertheless, one event - the opening of the Berlin Wall - was of major significance. With hindsight, it appears, to have been the point of no return for the collapse of the state-owned planned economies. It appears to have led directly to the restoration of market capitalism in more than one sixth of the world's surface, in much of which it had not existed for decades.

After the Wall fell, a social counter-revolution spread across Eastern Europe and the now ex-Soviet Union. The USSR, made up of fifteen major republics, soon crumbled into separate states, the Russian Federation being by far the largest. Almost without exception, they saw the local ruling 'communist' cliques converting rapidly to capitalism and pursuing their separate struggles for narrow, nationalist interests.

But in the 1980s, the bureaucrats in power in the Stalinist states were not the only ones who feared the revolt welling up beneath them. Recent revelations show that Thatcher, Bush (Senior), Mitterand and others not only dreaded a united Germany and (secretly, of course) also supported the rule of General Jaruzelski in Poland rather than the coming to power of Solidarnosc. Along with Gorbachev, Honecker, Deng Xiao Ping, the Ceausescus and the rest, there is no doubt that the capitalist leaders feared just as much the aroused working class. If it succeeded in throwing off the incubus of Stalinist dictatorship, in the East, could it not move in the west to dispense with capitalist rule?

Inside the USSR.

So how close did it come in the late '80s inside the Soviet Union to a political revolution from below? Could workers have regained control of the state established by the Bolshevik revolution in 1917 – the workers' state usurped a decade later by the murderous regime of Stalin?

On the 72nd anniversary of the Russian revolution, just two days before the fall of the Wall in Berlin, a thousands-strong 'unofficial' mass demonstration made its way into Winter Palace Square, Leningrad. It was one of the biggest since the days of the Trotskyist Left Opposition in the late '20s. (In the Summer, up to 500,000 had defied the authorities to show support for two well-known lawyers seen as champions of the struggle for democratic rights.) The bureaucrats here on the rostrum were booed and shouted at and yet, to the relief of those on the opposition demonstration, no tanks appeared.

The political outlook of the demonstrators was very mixed. Most were supporting the demand for multi-party elections - the abolition of Article 6 in the constitution that gave the 'Communist' Party the "leading" if not exclusive, role in the state. Many carried slogans demanding free speech, freedom of assembly, freedom of organisation and freedom of the press.

Under 'glasnost', hundreds of small publications and organisations had begun to blossom 'unofficially'. On the opposition demonstration in Leningrad on November 7, 1989, there was a palpable enthusiasm for Solidarnosc in Poland, especially amongst those endeavouring to build new, independent trade unions. There was admiration and solidarity for the miners of Vorkuta, the Kuzbas and the Donbas who had challenged the ruling bureaucracy with a massive general strike earlier in the year. Others supported the growing independence movement in the Baltic states.

"Let's build socialism!"

Some on the demonstration had such hatred towards those who ruled over them in the name of Lenin and the Bolsheviks that they wanted nothing to do with them. Some supported the cooperatives that were developing and the idea of introducing market incentives as a way of getting round the shortages and blockages in the economy. Shares "might not be a bad idea", some said, so alienated did workers feel from the state-owned 'enterprises' in which they worked. But one of the biggest home-made banners on the November the 7th demonstration in Winter Palace Square read; "Power to the soviets, not the party!" and "Let's build socialism!".

Few, if any, at that stage favoured opening the door to full-blown privatisation. That was being discussed by the 'boys in pink trousers' who supported the ideas of the Chicago School. Economists like Chubais and Gaidar were later keen advocates of 'shock therapy', bringing the economy out of state hands in one blow – along the lines of Yavlinsky's '500 Days' programme of a year later. For the moment, Gorbachev himself was keen to stick to what he called "revolutionary reforms" aimed to keep the state-owned planned economy in tact and safeguard the livelihoods of the bureaucracy that depended on it.

At this time, Boris Yeltsin who two years earlier had been sacked as Moscow Party boss - the 'man of the people', riding on buses, standing in queues at food shops - was evincing ecstatic support. He denounced the privileges of the nomenklatura. The 'inter-regional' group of Congress deputies was battling to break the grip of the multi-million 'Communist' Party of the Soviet Union. He became far more convinced than Gorbachev about the need for the 'transition to the market'. After his dramatic victory later, in August 1991, over the generals' coup, he would not only clear them and the old guard out of the way. He would push the CPSU Secretary, Gorbachev, aside, and illegalise the party itself, opening the road for the brutal and rapid wholesale privatisation of the economy.

Elements of revolution.

But in 1989 there was still a potentially revolutionary situation in the making.

The upper layers in society were divided as to how to deal with the rapidly developing economic and social crisis. There were the reformers and the privatisers and then there were the-out-and-out hard-liners like Nina Andreyeva, Ligachev and co. They vehemently demanded a return to the methods of Lenin as they saw them and even of Stalin! Some of them would have favoured the 'Tiananmen Square solution', which so many feared, to stop the revolt that was developing under their feet!

The troops had been sent in to quell revolt both within and beyond the borders of the Soviet Union, even since the death of Stalin, including Germany, Hungary and Czechoslovakia. They had also been used, in spite of heroic examples of insubordination, to put down workers' strikes and demonstrations most notably in 1962 in Novocherkassk, capital of the Don Cossacks where hundreds were killed. Even Gorbachev, while clearly not willing to send troops into Eastern Europe, had ordered them in to crush revolt in Tbilisi in April 1989 and would send them into Vilnius in early 1990.

But in the ferment of 1989 it is unlikely that soldiers and police could have been deployed in the main Russian cities, against their brothers and sisters on the streets and in the work-places, people who now knew no fear. Conscripts returning from Afghanistan were also disaffected. They had organised an opposition movement called 'Zashita' (Shield).

As the economy had slowed in the '70s and '80s, discontent had grown within certain layers of the intelligentsia. Samizdats (self-edited publications) appeared in their hundreds, defying the authorities. By the time of Gorbachev's accession to power in 1985, there was more widespread discontent in the middle layers of society. They shared some of the privations of the working class in an economy grinding to a halt – the empty shops, the rationing and the queues everywhere.

Some looked towards Social Democracy as a way out, imagining to themselves that it was not really capitalist. Others openly returned to Menshevik opposition to socialist revolution. A few took up outright reactionary ideas of the pre-1917 period. Many wanted to return to an illusory golden era of democratic capitalist development that had simply been 'interrupted' by Lenin and the Bolsheviks (with Stalin equated with Lenin)!

Workers and change.

Within the working class there was a simmering resentment – a slow-burning fuse, much as there is in the oligarch-dominated Russia of today. There were outbreaks of strike action, usually brief, but sometimes bitter and long. Deeply-felt discontent was being expressed in newspapers, in letters to Gorbachev, in unofficial workers' publications. The STKs – factory committees set up by Gorbachev - allowed workers to vent their anger with complaints and suggestions for improvements without actually exercising control.

This had all come to a dangerous head in the miners' strikes of the summer of 1989. They flared up again later that year and would continue into 1990 (in spite of Gorbachev's u-turn on workers' rights in the passing of anti-strike laws). Miners had occupied the central squares of their towns and controlled everything that came and went. They had, to some extent, taken things out of the hands of their overseers in the work-place and in society. Like workers elsewhere across the Soviet Union, in what were only partially free elections, they had voted out a whole range of party hacks from the administrative bodies (mis-named Soviets) and replaced them with new people.

"The list of losers is startling," the Washington Post reported at the time. "They include the commander-in-chief of the Moscow regional armed forces, the chairman of the Moscow city council, the prime minister of Lithuania, the chief of the Estonian

KGB, the admiral of the northern fleet and the commander of Soviet forces in East Germany"...In Leningrad, which has been dominated by a conservative party apparatus, the secretary of the city's party committee, Anatoli Gerasimov, won only 15 percent of the vote, losing to shipyard worker Yuri Boldyrev." In Moscow, the massive 89% vote Yeltsin received enabled him to boast he had been rehabilitated by the voters against the wishes of the Party.

Workers across the country took a whole two weeks off work to watch live coverage of the new delegates debating in the Congress of People's Deputies. In a few places the black Zil cars of the bureaucrats had been 'arrested'. Their car boots had been opened to reveal hordes of sausages, vodka and other (for those times) 'luxury' items.

Things were moving fast. As one building worker in Leningrad commented during a still-illegal meeting of his independent union, "Anything that happened a fortnight ago is history!". By this time, workers as well as elements in the middle layers were losing patience with the dithering of Gorbachev. His support was down to little more than a third in opinion polls.

If there had been a force with at least some roots in the working class, calling for workers to throw off the bureaucracy and take control into their hands, directly electing their own representatives to genuine soviets at a local, regional and all USSR level, it could have made a difference. The anger of the working class could have been channelled into a coordinated struggle for the re-establishment of workers' democracy.

A revolutionary party could have grown rapidly in the turmoil of that period. But the odds were heavily stacked against such a development. The long years/decades of Stalinist repression weighed heavily on the scales of history:- the snuffing out of the slightest opposition, the threat of the Gulag for a passing comment. By 1989 anything associated with the old regime, including "Marxism", was being rejected lock, stock and barrel; the attractions of life in the west were winning out.

Prophecies.

When 'Militant' Labour Member of Parliament, Terry Fields, was invited to a congress of Siberian miners in Novokuznetsk in May 1990, his audience was delighted. He brought greetings "from the workers of Europe" and the wholehearted support he expressed for their struggle against the bureaucrat-bosses. But he began to warn them against taking the road to the market, if that was what they were contemplating, as the only way to get a better deal for their labour. It would not lead to a capitalism of the Swedish, North American or British type, but of the Latin American kind:- i.e. mass unemployment, hyper-inflation and dictatorship. The miners got restless and began to tap their watches, telling him that his time was up! They preferred not to hear his prophecy!

As Gorbachev's star waned, miners gave their support to Yeltsin in his battle with the 'communists'. Some miners' representatives travelled to Western Europe to find direct buyers for their coal. One of them, a certain Yakovlev, when he came to Britain, actually asked to meet representatives of the CBI and to go to the Tory Party conference!

In his uncannily prophetic book, 'Revolution Betrayed', Leon Trotsky wrote from exile in 1936: "The fall of the present bureaucratic, if it were not replaced by a new socialist power, would (thus) mean a return to capitalist relations with a catastrophic decline of industry and culture".

Within three years of Terry Fields going to Russia, (including to Leningrad), workers were experiencing one of the biggest collapses of any economy in history. Industry declined by 50%, inflation in 1992 reached 2,520% per annum, mass

unemployment and non-payment of wages rocketed. Whereas 1.5% of the population was living in poverty (defined as income below the equivalent of \$25 per month) in the late 'Soviet' era, by mid-1993 between 39% and 49% of the population was living in poverty.

Privatisation - daylight robbery.

The 'great money trick' of capitalist restoration in Russia was "voucherisation". Every citizen was issued a certificate of entitlement to an equal share in the enterprises they already theoretically owned (through the state)! Most of the population was so impoverished at the time that they quickly swapped the vouchers for cash. Grannies and spivs standing at stations and street corners to buy them were obviously working as agents for the would-be oligarchs who thus scooped up and concentrated in their hands whole swathes of the previously state-owned economy!

For a whole period, different wings of the old bureaucracy fought each other for control over the spoils of the privatisation process. They set up rival private banks with public money, they put out contracts for gunmen who would literally kill off competition. The biggest "shoot out" was when Yeltsin sent the tanks against his own parliament in October 1993. This and Yeltsin's rapid concentration of power into his own hands signified the arrival of the dictatorship of which Terry had warned. (Today the country is headed, if not in name, then in practice, by a not much more salubrious Bonapartist than Yeltsin, in the shape of Vladimir Putin.)

The 'shock therapy' inflicted on the population of the ex-Soviet Union did nothing to assist the working class to live better. It has actually been blamed by medical researchers for no less than one million premature deaths of adults (The Lancet, January 2009). Most pensioners, students, workers have felt the baleful effects of the transition to the market 'on their skins', as the Russians express it.

It all sounded so fine in words. In practice, it has turned out to be a nightmare. Millions lost their life savings when pyramid scams collapsed. All have lost the security of a home, a job, a free health service, and free education to university level and beyond.

The quality of services, of products, of food was never great under the old regime. As Trotsky wrote, it "slips out of the hands of a bureaucracy like a shadow". But the privations of life under Stalinism have begun to look bearable compared with what faces workers, pensioners and young people today. (This may be what lies behind the so-called popularity polls that give Stalin such a high rating. Few know today of the crimes of that mass murderer and think only of the stability and certainties that the planned economy used to provide, in spite the vile distortion it represented of 'socialism'.)

The bureaucrats-turned-oligarchs of today have accumulated unimaginable wealth – billions of dollars worth. They have almost literally bought themselves the 'strong state' of Vladimir Putin. 'New Russians' flaunt their ill-gotten wealth at home and abroad and stoke up the anger of a new generation of workers, growing up as capitalism shows itself to be a failing system. Many of today's intelligentsia fail to take up the struggle for genuine democracy and themselves favour a 'strong state' to protect them from future upheavals.

Just as the Russian economy had got back up to the level of 1990, mainly through rising prices for its energy supplies, it has fallen again this year by around 8%. There is a new storm brewing under the surface of Russian society. 40% of Russians live in absolute poverty. Unemployed workers have gone to the countryside to eke out a living. Carworkers facing tens of thousands of redundancies have organised mass protests and have been demanding total renationalisation of their industry.

Big clashes between the classes will engender a renewed interest in the genuine ideas of socialism. The lessons of the past must all be examined and forces built which can bring lasting victory over capitalism in Russia and internationally.

В.Ф. Исаичиков (Москва)

Причины образования и распада СССР

Закономерности и причины образования и распада СССР взаимосвязаны, поэтому и рассматривать их следует в единстве. Краткая в историческом плане история СССР успела обрасти множеством мифов, часть из которых взята из мелкобуржуазного сталинского «Краткого курса», а другая сформулирована в рядах антикоммунистических сил. Разоблачение исторических мифов – необходимая часть марксистского анализа истории и подготовки к новой революции; однако специально на этих мифах автор останавливаться не будет, а постараётся изложить марксистскую концепцию, которая их опровергает.

Географически новое государство - СССР - образовалось на территории царской России через 6 лет после того, как многовековая царская Россия рухнула. 6 лет в историческом масштабе – период короткий; однако темп исторического времени далеко не всегда совпадает с темпом физического времени, и именно поэтому этот период весьма важен для понимания причин образования СССР, поскольку историческими предшественниками СССР были последовательно царская Россия, буржуазно-демократическая Россия, и республики, возникшие после раз渲а буржуазно-демократической России.

Национальный вопрос в царской России.

Царская Россия была многонациональным государством периферийного капитализма, в котором существовала четыре основных общественно-экономических уклада: капиталистический, феодальный, мелкотоварный, патриархальный. Укладам соответствовали классы, имманентно присущие каждому укладу. Хотя господствующими экономическими отношениями в стране были товарные капиталистические отношения, но в России были столь значимые пережитки предыдущих экономических укладов, что картина общественных отношений была необычайно сложной. Основные классы общества либо не были окончательно сформированы, либо разлагались, а между ними располагались многочисленные переходные слои. Например, класс-сословие дворян-помещиков, в течение веков бывший классовой опорой царского государства, втягиваясь в товарные отношения, одним из первых (но в виде класса феодального), стал расслаиваться на землевладельцев, живших за счёт монополии на землю и сдававших её внаём капиталистам, на юнкерско-капиталистические хозяйства и фермерство, одновременно пополняя ряды интеллигенции и рабочего класса.

Развивавшийся капитализм в промышленности и финансах был в значительной мере основан на иностранном капитале, и не занимал ведущего места в экономике; при этом потомственным пролетарием крупного машинного производства (являющихся, по Энгельсу, «природными носителями социализма»), являлось чуть более миллиона человек.

Рабочий класс был также неоднороден: наряду с пролетариатом крупного машинного производства, характерным для капитализма, большую часть пролетариата составляли пролетарии ручного труда, являвшиеся пережитком пролетариата мануфактурного производства (характерного для развитого

феодализма), а также крестьяне-отходники, которые не полностью потеряли связь с землёй.

Каковы были исторические перспективы разрешения национального вопроса в полуфеодальной царской России? Хотя прошлое не имеет реальных вариантов, анализ этих возможностей не является гаданием на кофейной гуще, так как опирается на уже известные исторические закономерности, выявленные марксистами уже ко времени начала первой мировой войны: на закономерности образования и распада многонациональных буржуазных государств.

Для докапиталистических государств национальный состав подданных был явлением малозначимым; как правило, феодальные государства существовали как многонациональные (Австро-Венгрия, Россия, Швеция, Великобритания, Испания, Турция, Китай и др.). С другой стороны, на территориях, населённых одной народностью, могло существовать множество государств (Германия, Италия). Для эпохи капиталистического развития сложилась закономерность преимущественного образования национальных государств; при этом первая буржуазная революция в Нидерландах носила не только антифеодальный, но и национально-освободительный характер. В свою очередь, буржуазные революции ускоряли формирование буржуазных наций. Так, в многонациональных Великобритании и Франции после революций довольно быстро сформировались практически моннациональные государства (во времена Великой Французской революции лишь половина населения страны говорила по-французски). К образованию национальных государств приводила и консолидация буржуазных наций (образование Италии и Германии из десятков мелких государств). Многонациональные буржуазные государства - скорее исключение, чем правило; при этом исключения сами подчинялись достаточно чётким правилам: либо это были пережитки прошлого, с большой долей феодальных отношений, не успевшие развалиться (Австро-Венгрия, Россия, Турция и др.), либо страны с высоким уровнем буржуазной демократии (классический пример – Швейцария).

Исходя из выявленных закономерностей, участь царской России была вполне предсказуема: тюрьма народов была обречена на развал. О демократии в стране, особенно на окраинах, не было и речи, наоборот, там консервировались самые отсталые общественно-экономические отношения - вплоть до невольничего рабства в протекторатах Хивы и Бухары. Не случайно, что практически одновременно после первой мировой войны развалились многонациональные Австро-Венгрия и Турция. Более развитые западные национальные окраины России, Польша и Финляндия, определенно стремились к независимости. Однако и полуфеодальные и феодальные окраины Кавказа и Средней Азии держались в рамках единого государства не столько силой экономических связей, сколько силой оружия. Попадая в сферу влияния Англии, эти окраины имели все шансы быть отторгнутыми от России.

Национальный вопрос в буржуазно-демократической России

Буржуазно-демократическая Февральская революция значительным образом изменила положение в национальном вопросе. Хотя сразу после Февральской революции стали быстро формироваться национальные движения, однако нельзя сказать, что тенденции к развалу страны резко усилились. Нельзя забывать, что после Февральской революции полусоветская Россия была страной с высоким уровнем буржуазной демократии. И это меняло ситуацию в национальном вопросе, тем более, что самый острый национальный вопрос – польский, заметным образом не влиял на положение в стране. Утраченная во

время войны Польша присутствовала в составе России почти номинально; вопрос о её независимости был уже вопросом внешнеполитическим. Даже царское правительство склонялось к предоставлению формальной независимости Польше: удержать Польшу невозможно, а предоставление ей независимости могло осложнить положение в Германии и Австро-Венгрии и облегчить военное положение России.

Кроме готовой к независимости автономной Финляндии, буржуазные националисты не сильно стремились к независимости. В условиях единого демократического государства, в котором национальные притеснения ликвидированы, намного лучше условия для капиталистического развития. Независимость могла подорвать экономические связи с Россией и лишить эти страны важного рынка сбыта (как это реально, и произошло в буржуазных прибалтийских государствах, потерявших после обретения независимости промышленный потенциал и получивших презирательное прозвище «картофельные республики»). Вторым важным фактором являлось то, что в условиях мировой войны независимость была весьма опасной: новые национальные государства попадали в сферу интересов соседних Германии, Австро-Венгрии и Турции. Без поддержки России новые государства могли стать легкой добычей Германии и её союзников, к этому времени определённо проигравших войну, но еще достаточно сильных, чтобы захватить новообразованные государства (что, кстати, и произошло после Брестского мира).

Можно сказать, что демократическая послефевральская Россия уже перестала быть тюрьмой народов, но стать многонациональной демократической буржуазной федерацией она не успела.

Национальный вопрос во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

Великая Октябрьская социалистическая революция установила совместную диктатуру рабочего класса и крестьянства, изменила классовую природу государства, и это не могло не отразиться на национальном вопросе. Коренные классовые интересы пролетариата превращают лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в программу совместных действий. Установление советской власти в России проходило во всех регионах России, невзирая на их национальные особенности. Это было тем более легко, что ядром российского рабочего класса был русский рабочий класс. Однако для врагов социализма Советская Россия была чуждым государством; национальная буржуазия сразу же стала выдвигать лозунги независимости. Например, буржуазное правительство Украины – Центральная Рада, – сразу же после свержения революции сделала попытку задушить голодом Советскую Россию, прекратив поставки продовольствия не только в Россию, но и фронтам, находившимся на территории Украины. Однако классовая база Центральной Рады была слабой, правительство – неустойчивым, и под давлением как со стороны Советского правительства и революционных организаций фронтов, так и под давлением мелкобуржуазной стихии (из-за прекращения поставок в Россию сразу же упали цены на сельхозпродукцию, что вызвало недовольство широких масс), правительство Украины было вынуждено отменить своё решение.

Установление Советской власти сопровождалось и национальным размежеванием. Например, советская власть северных уездов Черниговской губернии, население которых в городах было преимущественно русским, а на селе – переходным между украинским, белорусским и русским, не поддержала правительство Центральной Рады и приняла решение выйти из состава Украины и

подчиняться ближайшему губернскому Совету в Могилёве. По условиям Брестского мира эти районы подпали под немецкую оккупацию (за исключением незначительной территории, ставшей базой для украинских партизан и формирующейся украинской советской армии – дивизии Щорса). После Ноябрьской революции в Германии отряды Щорса освободили эту часть Черниговщины, рабочие и крестьяне этих уездов пополнили его дивизию, в ее составе освобождали Киев, сражались с украинскими и польскими националистами, однако сами уезды по окончании войны вошли в России (ныне территория Брянской области).

Буржуазные националисты на окраинах стали активно отделяться как от Советской России, так и от помещичье-феодальных белогвардейских правительств, выступавших большей частью за «Единую и неделимую Россию».

Советские национальные республики во время гражданской войны образовали такой единый военный, политический и хозяйственный союз, что его закрепление юридически оставалось лишь вопросом времени. Ядром этого союза был русский рабочий класс, а также единая коммунистическая партия России. Однако образование СССР было делом не простым. Сталин и представители мелкобуржуазных течений в партии стремились к бюрократической централизации страны и поддерживали известный план «автономизации», отвергнутый Лениным. Несмотря на то, что он и поддержал предложения о создании военного, политического и экономического союза равноправных советских республик, вместе с тем, предлагал, по результатам деятельности этого союза, быть готовым дать «обратный ход» и «оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военного и дипломатическом, а во всех других отношениях – восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов». Эта позиция Ленина не понималась большинством членов Политбюро, фактически замалчивалась и после его смерти не проводилась в жизнь, хотя партийный кризис по национальному вопросу произошел практически сразу после образования СССР (так называемое «грузинское дело»)¹.

Позицию Ленина по образованию СССР довольно трудно понять, если руководствоваться общими соображениями о том, что для пролетариата предпочтительнее борьба в рамках крупной страны, а не в рамках мелкой. Но дело в том, что как раз пролетариат в СССР был весьма немногочисленным, и именно на национальных окраинах процент промышленного пролетариата был меньше, чем в промышленных центрах России и Украины. Когда встал вопрос о присоединении закавказских республик, то Ленин, выступая за помочь бакинским рабочим, был против присоединения к России мелкобуржуазной Грузии. Однако фактически СССР оказался построенным не по плану Ленина, как союз пролетарских советских государств, а по плану Сталина, в качестве бюрократической мелкобуржуазной централизованной структуры. Кроме того, что существовавшие национальные республики были низведены до уровня бесправных автономий, Сталин придал статус советских социалистических республик автономиям Средней Азии, в которых национального промышленного пролетариата практически не существовало. В большей части этих республик государственные структуры формировались не из представителей рабочего класса, а из мелкобуржуазных и феодальных слоёв. В этих районах даже местная контрреволюция («басмачи») была контрреволюцией феодальной. И если по части развития национальных языков и национальной культуры в Советском Союзе было сделано много и быстро, то ведь и этот этап нельзя назвать полностью социалистическим – в нормальных условиях с такой культурно-

просветительской работой справлялись и демократические буржуазные государства.

Кроме того, были ли республики СССР советскими и социалистическими? На этот вопрос с одинаковой убежденностью отвечают и «да», и «нет». Но определенно, что советы в СССР быстро выродились в одну из форм убого парламентаризма и мелкобуржуазной имитации пролетарской демократии; рабочий класс в мелкобуржуазной стране потерял не только реальную власть, но и по конституции 1936 года даже формальные преимущества при выборах. Советский социализм был социализмом мелкобуржуазным.

Национальный вопрос в СССР решался с большими мелкобуржуазными перекосами: то репрессиям подвергались целые народы; то неоправданные преимущества (в основном за счет пролетариата России и Украины) получали национальные окраины (например, сельскому хозяйству Эстонии выделялось удобрений в десятки раз больше (в расчете на гектар), чем соседней Псковщине; то в перенаселенном Таджикистане развивались капитало- и энергоемкие производства в ущерб трудоемким.

Однако гибельным для СССР стали не названные перекосы в национальном вопросе, а рост и развитие капиталистических товарных отношений как криминальных («теневики»), так и почти законных, когда за счет дифференциальной земельной ренты на своих приусадебных участках жители юга получали неоправданные экономические преимущества по сравнению с северянами и пролетариатом. Развивающиеся буржуазные отношения возродили или породили буржуазный национализм. После краха мелкобуржуазного социализма в результате Августовской контрреволюции гибель СССР была закономерной, как и последовавшие обострения (вплоть до военных столкновений) национального вопроса в независимых (и даже не совсем независимых) республиках и автономиях. Можно напомнить конфликты между Арменией и Азербайджаном, Осетией и Ингушетией, Чечней и Россией, Молдовой и Приднестровьем, Грузией и Абхазией и т.д.

В то время как интернационализация и глобализация мировой экономики требует ликвидации национальных границ и национальных притеснений, прогноз разрешения национального вопроса для многонациональной России малоутешителен: при отсутствии в стране развитой демократии развал страны был бы фактом, если бы экономика России не держалась на «трубе», без доступа к которой большинство национальных республик обречено на нищету и политическую неустойчивость (как это было в Киргизии или Таджикистане) – вплоть до «сомализации» (то есть полного раз渲ла государства и превращение стран в арену бесконечных бандитских разборок и захватнических рейдов).

Чтобы сохранилась многонациональная буржуазная Россия, в стране требуется широкое развитие демократии; чтобы восстановить СССР, сначала необходимо восстановить советскую власть и социализм.

¹ Мартовский 1923 года пленум ЦК РКП(б), на котором рассматривался этот вопрос – последний пленум, в работе которого принимал участие Ленин (заочно), и на котором линия Сталина и его сторонников-великодержавников потерпела поражение (к сожалению, временное; большая часть материалов этого Пленума так и осталась неопубликованной и до сих пор неизвестна).

Советский период мировой истории (1917-1991) в свете глобально-формационной теории

I

В глобально-формационной концепции всемирной истории¹ существенное развитие получило материалистическое понимание истории, обогащен понятийный аппарат, в частности, уточнено понятие общественно-экономической формации и достигнуто принципиально новое понимание предпосылок и способов смены общественно-экономических формаций.

Для обозначения того отдельного, в чём общественно-экономическая формация онтологически воплощается как общее, введено понятие социально-исторического организма (социора). Предложена типология социально-исторических организмов, в частности, указано, что могут иметь место такие их типы, которые не являются общественно-экономическими формациями (т.н. парапрограммы), описаны виды взаимодействия между существующими социорами и показано, что взаимодействие социоров во многом, а зачастую решающим образом определяет характер и направленность их эволюции и развития человечества в целом, в частности – смену общественно-экономических формаций и всемирно-исторических эпох.

Смена формаций может происходить не только в виде трансформации супериорных социально-исторических организмов, исчерпавших возможности для дальнейшего развития, но и в результате трансформации социоров инфильтраторных, стоящих на более низком уровне развития. Историческое возвышение инфильтраторных социоров происходит при условии наследования ими тех результатов экономического и культурного развития, которые были достигнуты супериорными организмами и которые имеют всемирно-историческое значение. Подобный способ смены формаций назван эстафетным.

Эстафетная смена формаций является единственной возможностью для человечества подняться на новую ступень развития, если подняться на новую ступень развития не способны супериорные социальные организмы, т.е. если эволюция супериорных социоров завершается тупиком. Выход человечества из тупика и его подъем на новую ступень происходит в том случае, если один или несколько инфильтраторных социоров трансформируются в общество такого типа, которое является передовым и по отношению к своему исходному типу, и по отношению к зашедшему в тупик супериорному. При этом находившийся на исторической периферии социум приобретает качество нового исторического центра. В передаче роли центра мирового развития от одних социумов к другим и заключается сущность исторической эстафеты.

Примером общества, развитие которого завершилось тупиком, явился античный мир. Переход от античности к феодализму явился примером эстафетной смены формаций. Феодальное общество возникло как непосредственный результат романо-германского синтеза, без образования промежуточных типов общества, сосуществовавшего с античным. Но эстафетная смена формаций может происходить и более сложным путем – с образованием промежуточного типа общества, которое на протяжении некоторого времени существует с супериорным, и которое преобразуется в общество нового формационного типа общества, которое существует с супериорным и которое при этом не является обществом более высокого типа, чем супериорное, в глобально-формационной

теории обозначено как факт **латерализации**. Исторически прогрессивная роль социора, обозначившего латеральную линию исторического развития, заключается в том, что оно, само не будучи обществом более высокого типа, чем находящиеся на магистральной линии супериорные социоры, способно в более или менее отдаленной перспективе превратиться в более передовое общество – в отличие от доминирующего супериорного, перспективой которого является исторический тупик.

Данная схема дает наиболее адекватное понимание сути той всемирно-исторической эпохи, которая началась в 1917 и закончилась в 1991 г. – закончилась распадом СССР и реставрацией в России периферийного капитализма.

II

В целом сущность и значение советского периода всемирной истории в рамках глобально-формационной теории трактуется в следующих тезисах.

1. Основным содержанием мирового исторического процесса с XVI по конец XIX в. является разделение человечества на ортокапиталистический исторический центр и паракапиталистическую историческую периферию.

Процессы, которые в указанный период происходили на большей части обитаемой суши, привели отнюдь не к преобразованию всего человечества «по образу и подобию» Западной Европы, как это поначалу предполагалось даже авторами «Коммунистического манифеста». Основным результатом «развития капитализма вширь» к концу XIX в. оказалась трансформация большинства всех социально-исторических организмов, существовавших на Земле к моменту прихода западноевропейской буржуазии, в тип общества, который, при всем разнообразии вариантов, может быть отнесен к одному устойчивому параформационному типу – к паракапитализму. Преобразование в обществе паракапиталистического типа явилось первичной латерализующей трансформацией большинства социально-исторических организмов, существовавших на Земле. В последней трети XIX в. периферийной зависимой страной становится Россия.

2. К влиянию, которое ортокапиталистический центр оказал на паракапиталистическую периферию в целом, может быть применена оценка, данная Марксом результатам британского колониального господства в Индии: это влияние носило одновременно и разрушительный, и созидательный характер².

3. Если вплоть до конца XIX в. влияние ортокапиталистического центра имело несомненную созидательную составляющую, если попадание в зависимость и в вынужку от «Запада» было единственным условием прогресса как для стран периферии, так и для человечества в целом, то в конце XIX зависимость от ортокапиталистического центра условием социального и экономического прогресса быть перестала. Условием дальнейшего прогресса периферии и человечества в целом стало освобождение зависимых социоров от господства со стороны ортокапиталистического центра.

4. В конце XIX-начале XX в. в странах периферии проходит первая волна социорно-освободительных революций – на Кубе, в Мексике, Иране, Турции, Китае, в России. Революция в России оказалась единственной успешной из социорно-освободительных революций первой волны. Трактовка русской революции как революции социорно-освободительной является одним из основных выводов глобально-формационной концепции.

5. Революция 1917 г. была одновременно и социальной и привела к глубокому преобразованию всего общества. Освободившись от внешней

зависимости, бывшая Российской империя, преодолела и внутренние препятствия к развитию, характерные для паракапитализма. В России произошло то, что впоследствии стали называть «модернизацией», т.е. произошел переход от т.н. «традиционного» общества к «индустриальному». Этот переход завершился в основном к концу 1950-х гг. По уровню развития производительных сил и качеству жизни страны в основном сравнялась со странами ортокапиталистического центра.

6. Внутренняя трансформация, произошедшая в стране после революции 1917 г., не привела и не могла привести к созданию общества более высокого типа, чем ортокапитализм. Страна развивалась не на магистральной, а на латеральной линии. В СССР сложился тип общества, являвшийся не новой общественно-экономической формацией, а параграфацией, пришедшей на смену параграфации ортокапиталистической, которая не могла обеспечить устойчивого развития на длительный исторический период, и которая в более или менее отдаленной исторической перспективе должна была смениться более прогрессивным и устойчивым типом общества – либо очередной параграфацией, продолжая развиваться по латеральной линии (что было более вероятно), либо более прогрессивной, чем ортокапитализм, формацией. Но именно промежуточный характер сложившегося типа общества предполагал возможность его последующего возвышения и в конечном счете – образования новой формации, в то время как ортокапитализм все в большей степени обнаруживал тупиковый характер.

8. Главными характеристиками того типа общества, которое сложилось в СССР, кроме того, что было оно латеральным и промежуточным, было то, что оно было классовым, основанным на частной собственности и эксплуатации человека человеком. Этот тип общества назван политарным³.

9. Хотя развитие страны происходило по латеральной линии, СССР на протяжении нескольких десятилетий выполнял роль второго, альтернативного ортокапиталистическому, центра исторического развития. Роль СССР как центра заключалась в той поддержке, которую он оказал странам периферии в их борьбе за независимость в ходе второй волны социорно-освободительных революций конца 40-х-начала 60-х гг. и в их модернизации. Опыт содействия экономической и особенно культурной модернизации стран периферии, продемонстрированный СССР, некоторыми обществоведами признан как недоступный по результативности для стран капиталистического центра.

9. Характер сложившегося в СССР политарного способа производства предопределил ограниченность сроков его бытия и его исторических возможностей. К началу 80-х годов XX в. эти возможности были в основном исчерпаны, общество вступило в полосу системного кризиса. Сложилась противоречия между требованиями дальнейшего развития производительных сил и изживших себя производственных отношений – противоречие, которое должно разрешаться изменением способа производства и типа общества через социальную трансформацию или социальную революцию. Признаки революционной ситуации в позднем СССР действительно имелись. Однако вместо революции, которая продвинула бы страну вперед, произошла реставрация периферийного капитализма.

10. В результате реставрации в России паракапитализма произошло восстановление всемирно-исторического господства старого ортокапиталистического центра. Глобальное господство капитализма сегодня не даёт повода ни для какого иного отношения к действительности, кроме

исторического пессимизма. И Россия, и мир в целом сегодня находятся на нисходящей ветви исторического развития и движутся в тупик.

11. Перелом в существующей тенденции исторического развития возможен только а) с развертыванием третьей волны социорно-освободительных революций; б) с тем, что страны и народы, борющиеся против ультраимпериалистического центра, будут действовать солидарно и в) если во главе союза этих стран и народов встанет Россия, вновь, как и в 1917 году, освободившись от периферийной зависимости и возвратив себе роль СССР как страны, поддерживающей борьбу народов. Что именно в этом заключается историческая миссия России, показал военный конфликт в Южной Осетии в августе 2008 г.

¹ См.: Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М., 1999. 2-е изд.: «Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней». М., 2003; Он же. «Введение во всемирную историю. Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. - XX в. н.э.)». - М., 2001.

² Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9-ти т. М.: 1987. Т. 4. С. 102.

³ Семенов Ю. И. Великая октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР// Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М., 2008. с.149-234.

М. Слива (Краков)

Будущее социализма в Польше после распада Союза Советских Социалистических Республик*

Вопрос о том, возможно ли в Польше возрождение социалистических идей следует не столько из сомнения, возможно ли оно вообще, а скорее из того, что условия, сформированные опытом последних семидесяти лет перечеркнули шанс реализации прежней модели общественного строя. Однако постановка этого вопроса сегодня может казаться, по меньшей мере, задачей странной и беспersпективной. Ведь известно, что в свете событий конца XX века и вследствие этих событий социалистические идеи не воспринимаются благосклонно обществом, что не сулит им большого будущего. Определение для них места лишь на «свалке истории», на «кладбище идей» или «ристалище» устаревших принципов и ценностей - это еще не самый худший из способов сведения счетов с прошлым.

Поэтому постановка вопроса о будущем социализма, или скорее неосоциализма, а, следовательно, и вопроса о том, можно ли в современную эпоху быть социалистом и каким образом им быть, не является заданием легким и благодарным, хотя несомненно важным и полезным, в частности, учитывая необходимость создания новых перспектив и общественных проектов, альтернативных неолиберальному капитализму. Размыщение над этим вопросом представляет собой фрагмент великого спора о будущем Польши и центрально-восточной части европейского континента. Его решению нельзя приписывать только идеино-политическое значение, оно имеет также значение историософское и общетеоретическое, поскольку касается вопросов трансформации

* Перевод с польского языка осуществлен Хеленой Плес.

общественного строя, теории социальных перемен и т. п. Вокруг него концентрируются споры о современном понимании сущности общественного развития, трудностей и ограничений цивилизационного прогресса и т. д.

Для многих современных мыслителей и публицистов события последних десятилетий подтверждают конец идей детерминизма, исторической необходимости, предопределенности истории, как следствие, и определенного подхода к общественным наукам и создания на его основе представлений об общественном строе, воплощение которых понималось как результат линейного общественного прогресса, заключающегося в переходе общества через последовательные формации от первобытного сообщества до социализма. Такое растянувшееся на девятнадцать столетий понимание общественного прогресса как определенной «заданности» истории придавало истории механистический характер. Она должна была развиваться в соответствии с объективными законами, как бы над людьми, которые ее творят. Между тем, как кажется, парадоксом истории является то, что социалистические идеалы и ценности лучше всего реализуются в общественном строе, в оппозиции к которому сформировалось социалистическое движение. Ведь история всех без исключения обществ, достигших материального благополучия, является ярким тому примером. Еще нигде и никому не удалось вступить в царство благосостояния без того, чтобы прежде дать право голоса законам рынка и конкуренции. Каждый самостоятельный социалистический проект, лишенный частнокапиталистического фундамента, заканчивался фиаско или, хуже того, впадением в «социалистическую» экономику, исторический путь которой мы могли проследить. Удались лишь те социалистические построения, что сумели сохранить этот фундамент. Удались в том смысле, что не перечеркнули достижений прежних поколений и не разрушили всей постройки, воздвигнутой трудом многих поколений. Сегодня мы все отчетливей постигаем истину, что обещания сытого социализма или какой-либо его мутации, вырастающего непосредственно из коллективной бедности и тягот — это всего лишь фантазии. Сначала необходимо развить механизмы умножения богатства и познать их логику, социально адаптируя настолько, насколько это на самом деле необходимо, и лишь затем предоставить поле действия всем сторонникам равенства, социальной справедливости, рабочей демократии и т. п.

Не подлежит сомнению, что воплощаемая десятилетиями модель социализма в Польше и в остальных странах Центрально-восточной Европы в качестве преемника и заменителя капитализма, ассоциируемого, главным образом, со свободной рыночной экономикой, в конце концов, утратила свой исторический шанс. Сегодня уже нельзя относиться к социализму, как к преемнику капитализма, являющемуся его принципиальной противоположностью. Ведь уже в тридцатых годах в Польше предпринимались попытки соединить то, что является фундаментальным для капитализма — институт частной собственности и свободного рынка с принципами и ценностями демократического социализма. Были попытки осуществить это и в короткий период «польского октября» 1956 года. По многим причинам тогда не удалось полно и последовательно сделать рыночной экономическую систему социализма. Это могло произойти лишь после падения реального социализма в странах советского блока и распада СССР. И поражение реального социализма вовсе не должно было неизбежно вести к выбору крайне либеральной модели капитализма. Адаптация демократическим социализмом всего того, что связано с принципами свободной рыночной экономики, вовсе не должно означать, как замечают современные польские экономисты Владзимеж Брус и Казимеж Ласки, «отказ от многих

основополагающих социалистических ценностей — равных шансов, заботы о всеобщей занятости, социальной защиты и т. д.. Исключая определенные фрагменты народного хозяйства из рыночной координации и отводя существенное место для макроэкономической политики, концепция рыночного социализма в той форме, в какой она вырисовывается в конце прошлого века, сохраняет веру в существование выгоды общества как целого, которую нельзя свести к сумме индивидуальных выгод. В этом смысле данная концепция подвержена критике с крайне либеральных позиций¹. Поэтому современный социализм, или скорее неосоциализм, не может помещаться между капитализмом и коммунизмом, но, принимая от капитализма систему свободного рыночного хозяйства, должен представлять собой альтернативу модели капитализма неолиберального характера, предполагающего ничем не сдерживаемое действие законов рынка. По сути, это модель социализма, являющегося средним путем между неолиберальным капитализмом и прежним демократическим социализмом.

Но из констатации того факта, что в XX веке в Польше и других странах Центральной и Восточной Европы социализм уже имел шанс воплотить свои идеи и проекции и этим шансом не воспользовался, следует ли вывод о поражении и конце социалистической идеи как таковой?

Ведь нельзя отрицать, что, например, движение за демократический социализм радикально изменило облик современного западного общества. Если согласиться с выводом, к которому приходят специалисты в области общественной мысли, как, например, Лешек Колаковский в работе «Основные течения марксизма. Восстание — развитие — распад» (Варшава 1989), что коммунистический тоталитаризм был законным потомком марксизма, но не единственным правомочным и неизбежным его наследником, то можно заметить, что социалистические идеи, трансформируясь в политические планы и проекции общественного строя, подвергаются различным интерпретациям и модификациям и потенциально содержат в себе различные типы организации общества. Имея это положение в виду, следует обратить внимание также на то, что многие другие доктрины не были свободны от антигуманных и антимонополистических тенденций, как, например, демократический либерализм — колониализм, христианская доктрина — религиозные войны, нетерпимость, инквизиция и т. п. Ни одно из этих течений не покаялось в той степени, в какой сделали это адепты идеи социализма. Не следует также забывать, что марксизм является лишь одним из множества направлений социалистической мысли, в оппозиции к которому или рядом с которым сформировались различные ориентации и направления, признающие социалистические принципы и ценности.

Демократический социализм имеет совсем иной, чем коммунистический тоталитаризм, идейный и практический масштаб. Ибо с самого начала социалистической мысли в ней присутствовал демократический выбор, обращающийся к гуманистическим ценностям и идеалам. Многие из ее авторов как прошлого, так и современных, видят совершенно иную, отличную от коммунистической перспективу развития общества. Прогресс цивилизации, по их мнению, — это скорее история обучения, история становления общества, а не только лишь реализация готовых образцов и решений, и, следовательно, является лишь определенным шансом, возможностью развития общества.

Часто в качестве примера воплощения социалистических идеалов и ценностей в соответствии с требованиями современности приводится Годесбергская программа немецкой социал-демократии (1959). Она должна была выражать изменение взгляда на демократический социализм как на неизбежную закономерность и конечную стадию Истории к признанию того, что

демократический социализм — это перманентная задача. Программа должна была привести к принятию основополагающих ценностей: свободы, справедливости, солидарности, но также и открытости мировоззрения, свободы выбора вероисповедания. За основу экономического строя в ней принимался принцип конкуренции и рыночные механизмы. Но сегодня этой программы уже недостаточно. Появляются новые решения и возникают новые сомнения, например, в том, стоит ли верить в возможность неограниченного экономического роста, невзирая на его экологическую и общественную цену. Выражается определенный скептицизм относительно таких перспектив и обращается внимание на необходимость повышения качества жизни и избирательность экономического роста. Отчетливей, чем прежде, видятся границы этого роста, человеческие границы того, что выполнимо технически и т. п.

В этой ситуации невозможно не заметить чрезвычайно богатую, разнообразную и живую, хотя, к сожалению, слишком быстро забытую, польскую социалистическую мысль, в большинстве течений которой постоянно присутствовали демократические и гуманистические ценности, представляющие собой сущность социализма. В предсоциалистических проекциях Станислава Ворцеля и Людвика Круликовского, в безгосударственном социализме Эдварда Абрамовского, в демократическом социализме Людвика Кшивицкого, Казимира Келлес-Краузе, Феликса Перля, Игнация Дашиньского и Мечислава Недзялковского, в гуманистическом социализме Яна Стшелецкого и Юлиана Хохфельда всегда проявлялось озабоченность тем, чтобы в новом обществе не возникло новое неравенство и новая зависимость, чтобы будущие реформаторы, законодатели, благородное меньшинство «просвещенного государства» не присвоили себе права решать, какой характер будет носить новый тип общественной жизни, без осознанного решения самого субъекта этой новой жизни, то есть человеческого сообщества. Постоянно велись поиски соответствующих гарантий предохраняющих структуры власти нового общественного порядка от роста отчужденности и олигархизации. Считалось, что соответствующими гарантиями, затрудняющими развитие этих опасностей, являются активная позиция общества — субъекта нового строя и соответствующее устройство государственной власти. Последнюю предполагалось основывать на обеспечении единства властных решений в государстве, на институциональном противодействии централистическим тенденциям, на институциональных гарантиях процесса демократизации власти, на ограничении форм политической борьбы, кроме тех, которые продиктованы стойкими принципами гуманистической морали. Они крепили постройку нового общественного строя на широком общественном фундаменте, что должно было обеспечить институционально-юридическую гарантию в существовании многосекторной экономической системы социализма, основанного на свободных рыночных принципах и разнородности его политической надстройки с сохранением многопартийной политической системы, а также терпимости к различным политическим убеждениям. Конечно, наилучшую форму общественного устройства они видели в модели парламентарной демократической республики, дополненной институтами непосредственной демократии, такими, как народный референдум и народная законодательная инициатива, и обеспеченной социально-экономическими механизмами. Основой общественного строя нового государства, альтернативного государству диктатуры пролетариата, должны были стать широко развитые институты общественного самоуправления, а также различные организационные структуры всесторонней активности рабочих масс. Учитывая сложное историческое

прошлое Польши, государство должно было играть роль фактора, формирующего национальное самосознание и обеспечивающего национальный суверенитет.

В Польше не было сферы жизни, свободной от влияния социалистических идей.. Их влияние отразилось не только в упомянутых выше проекциях и общественной практике, но также и в сфере культуры, литературы, искусства и т. п. Поэтому я считаю, что итог социализма в Польше не совсем негативен, и что социализм не исчерпал еще своих возможностей.

Хотя невозможно дать полный и однозначный ответ на вопрос о правомерности социалистической ориентации в современной польской культуре, мне кажется, что ее стойкое присутствие оправдывают, в частности, вышеупомянутые новаторское и живое идеально-интеллектуальное наследие польских социалистов; нерешенные животрепещущие проблемы, отягощенные усиливающимся неравенством и социальными противоречиями; нарастанием цивилизационных опасностей, связанных с процессом глобализации в современном мире; общим стремлением польского общества к самоорганизации и повышению гражданственности во всех сферах общественной жизни и т. п. Мне кажется, демократический социализм, принимающий рыночные механизмы капитализма, имеет определенное будущее, обеспечивая польскому обществу прогресс и упрочение своей позиции в истории цивилизации.

¹ Брус В., Ласки К. От Маркса к рынку. Варшава, 1992

И.Г.Абрамсон (Санкт-Петербург)

Об интернациональных основах социалистической революции и Советской федерации

1. Ностальгия, тоска по Советскому Союзу, широко распространена среди населения России и стран Ближнего зарубежья. С годами она только усиливается, охватывая новые слои не только пенсионеров и трудящихся со стажем, но и молодёжи, задумывающейся об окружающих реалиях капиталистического бытия. Она становится особенно убедительной, когда исходным пунктом выбирает всемирно-историческое поражение 1991 года, спустя 74 года после всемирно-исторической, изменившей социально-политическую картину мира, победы Октябрьской революции 1917 г., и с откровенной полнотой вскрывает причины разрушения СССР и регressiveного зигзага в капиталистический уклад.

2. У распада Советского Союза и капиталистической реставрации в его бывших республиках очевидны как общие, так и специфические причины.

Общие причины заключаются в бюрократическом перерождении партийного и советского руководства, в забвении предложенного В.И.Лениным плана социалистического строительства в условиях задержки пролетарских революций в странах капиталистического ядра. Они достаточно глубоко проанализированы в работах отечественных учёных, в том числе участниками конференции «Социалистический идеал и практика его претворения в СССР», прошедшей 14-15 ноября 2009 г. в Петербурге, в Доме Плеханова.

Специфические причины распада Союза советских республик кроются в способе его образования. Ленину в 1922 г. далеко не полностью удалось отстоять собственную точку зрения против автономизации, выдвинутой И.В.Сталиным. Союзные республики не вошли в состав РСФСР, как первоначально предлагал Сталин. Но внутри РСФСР и некоторых других союзных республик (Украина,

Грузия, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан) были созданы автономные республики, автономные области и национальные округа на территориях, компактно населенных людьми той или иной нации, не титульной по отношению к данной союзной республике.

3. С одной стороны, Советский Союз продемонстрировал мощнейший потенциал, имеющийся у союзного некапиталистического государства. Дружба народов, опирающаяся на бурное экономическое и культурное развитие всех республик (естественно неравномерное, в пользу отстававших, ранее угнетённых, окраин), явилась одним из определяющих факторов победы в Великой Отечественной войне.

С другой стороны, иерархическая конструкция СССР, где уже успела сложиться наднациональная общность – советский народ, общность ещё достаточно хрупкая, стала, в конечном итоге, самым слабым местом советской политической надстройки. Градация советских наций и народностей на 5 категорий подарила могильщикам Советского Союза эффективный идеологический ресурс для возбуждения ущемлённых национальных чувств. Не случайно крах советского социализма начался с развала советского федерализма, как не случайно и то, что российские либеральные политики практически отказались от идей А.Д.Сахарова. Как известно, он выступал за конвергенцию лучших сторон социализма с элементами рыночной капиталистической экономики, за власть Советов (!) и за Союзное государство полностью равноправных республик, число которых могло достичь 53-55. Конституция, предлагавшаяся А.Д.Сахаровым, при всей её наивности, будь она принята, могла бы предотвратить распад СССР.

4. Одной из многих причин крушения «реального» социализма явилась задержка социалистической революции в странах развитого капитализма, усугубленная непривлекательностью советской модели социализма, пострадавшей от сталинистских извращений.

Следует признать, что в настоящее время продолжает сохраняться резкий контраст между политической организованностью мирового капитала и неорганизованностью мирового наёмного труда. Как бы отдельные группировки капиталистического ядра ни соперничали между собой, в большой политической стратегии они поддерживают единство (G8, G20, Давос, МВФ и т. д.), координируя совместные действия для усиления экономической эксплуатации и внезапного угнетения громадного большинства планеты. Политическое же представительство и защита угнетённых на глобальном, региональном и даже национальном уровнях ослаблено отсутствием должной координации.

5. Сегодня в разных регионах мира – на Балканах, в Латинской Америке - в левой политической среде вновь популярен лозунг социалистических федераций. Этот лозунг выдвигается и в странах ЕС, где он звучит призывом превращения капиталистического Европейского Союза в Социалистические Соединённые Штаты Европы.

В этой связи нельзя не обратить внимания и на ностальгию, о которой говорилось вначале. Она является не чем иным, как исторической памятью – важным и имманентным свойством коллективного субъекта, конкретного социума, взятого в целом, - а потому должна быть признана важной социологической характеристикой современного постсоветского общества. Тоска по советскому прошлому включает осознание утраты таких элементов коммунистических отношений, как распределение даже не по труду, а по потребностям возможности получения качественного образования всех уровней и, как следствие, раскрытия творческих способностей детей и взрослых, получения

той или иной формы здорового отдыха, непосредственного приобщения к богатствам отечественной и мировой культуры, утраты или весьма ощущимого ослабления чувств коллективизма, взаимопомощи, интернационализма.

Никакая национальная идея, безуспешными поисками которой занимаются нынешние идеологи правящих на территории постсоветского пространства режимов, не сможет увлечь трудовые массы так, как привлекает идея восстановления утраченных социальных ценностей. Успех скоординированной работе общественно-политических сил бывших советских республик может принести идея создания федерации советских республик социалистической демократии с развертыванием всё более широкой системы самоуправления и самоорганизации трудовых коллективов.

A.A.Куренышев (Москва)

Современные неонародники о создании, природе и гибели СССР

К современным «неонародникам», то есть к политикам, социологам и историкам мы относим тех представителей выше названных категорий общества, которые разделяют фундаментальные положения народнической теории и практики развития России. К этим фундаментальным положениям мы относим, в первую очередь, признание особого, отличного от западноевропейского, пути развития России. «Особый путь» России, а затем СССР определяется, по мнению неонародников наших дней, существованием в России конца XIX-начала XX вв. многомиллионного крестьянства, сохранявшего свою традиционную социально-экономическую и политическую организацию в форме общины (земельного общества, схода сельского и волостного и связанных с ними традиций, обычая, образа жизни и элементов обычного права).

Именно там, в России, где сильнее всего чувствовался пресс вестернизации и модернизации, особенно усиливались традиционалистские взгляды и настроения. В 1870-1900 гг. как раз в центральных губерниях России, где относительно быстро развивались товарно-денежные отношения и отходные промыслы, крестьянство стремилось к укреплению общин и усилению в ней уравнительного начала. На этих основаниях зиждалось народническое видение перспектив социально-экономического и политического развития России. С этими взглядами энергично боролись русские марксисты Г.В. Плеханов, В.И. Ленин и др. в конце XIX - начале XX в.

Уже в ходе революции 1905-1907 гг. (после крестьянских волнений 1902 г.) начинает меняться представление Ленина о крестьянстве и его отношении к капитализму. Он рвет с установкой западной социал-демократии - избегать уступок крестьянам даже в виде включения аграрного вопроса в партийные программы. На IV (объединительном) съезде РСДРП он предлагает принять требование о «национализации всей земли» - крестьянский лозунг революции 1905 г. Это было настолько несогласимо с принятыми догмами, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Луначарский даже упрекнул Плеханова за старую кудую программу, которую тот якобы протащил «из страха перед крестьянской революцией, из боязни, чтобы ее торжество не повлекло за собой и торжество народников над марксистами».

Плеханов на IV съезде верно понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию - так, например, он распространяется о пресловутом

народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения».

После 1908 г. Ленин уже совершенно по-иному представляет сущность спора марксистов с народниками (кстати, спора, который он сам активно вел в последние годы XIX века). Он пишет в письме И.И.Скворцову-Степанову: «Воня с народничеством как с неверной доктриной социализма, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (классическая постановка) противоречит «всему ходу хозяйственного развития». «Противоречит всему ходу хозяйственного развития» - это ли не реакционность?».

Из этого ясно видно, что трактовка, которую давал проблеме сам Ленин десять лет назад, ушла в прошлое, он о ней даже не вспоминает. «Чудовищная, идиотская, ренегатская идея» меньшевиков, не понявших прогрессивного содержания народничества - это их позиция после революции 1905 г., которая выявила реальность. После этой революции мыслить в канонах марксизма десятилетней давности - значило именно стать ренегатами марксизма», - отмечает Кара-Мурза, фиксируя изменение оценок В.И. Ленина социально-экономического строя, сложившегося в России в начале XX в.¹

«В советское время через школу и прессу в массовое сознание вошло очень упрощенное представление о том, что советский строй создавался исключительно в рамках доктрины большевиков. Это мнение исторически неверно.

Какова, например, роль «бесплодных» народников в становлении советского проекта и потом строя? Думаю, она гораздо больше, чем роль марксистов.

Когда Центральная Рада Украины для защиты от «великодержавных большевиков» опиралась на военную силу немцев, германская оккупация была важным доводом за то, чтобы отойти от Рады. Когда после этого Петлюра поехал за помощью к Пilsudskому и на Украину нахлынули поляки, для украинского крестьянства это было простым и убедительным доводом за то, чтобы поддержать Красную Армию и воссоединиться с Россией в виде СССР².

В 20-е годы стали все более четко просвечивать основные черты строящегося советского порядка. СССР восстанавливается как держава со своим особым представлением о мироустройстве, исключающим как империалистическую глобализацию под эгидой Запада, так и униформизацию человечества через мировую пролетарскую революцию. Восстанавливались и развились основные черты России-СССР как цивилизации.

Важной частью идеологии неонародников, как и ранее, является противопоставление российской цивилизации западной. С.Г. Кара-Мурза пишет: «Советский строй - особый период в истории государственности Руси, а затем России. Шире - это период в истории той цивилизации, которая сложилась в Евразии, отделенной более или менее четкими природными и культурными границами от западной цивилизации и от того, что условно понималось как «Восток» (Турция, Иран, Афганистан и Китай)³.

Характеризуя Советский строй, явившийся основой государственного устройства СССР, С.Г. Кара-Мурза пишет: «Советы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру. Судить их

принципы, процедуры и ритуалы по меркам западного парламента - значит впадать в примитивный евроцентризм. В практике Советы выработали систему приемов, которые в конкретных условиях советского общества были устойчивой и эффективной формой государственности. Как только само это общество дало трещину и стало разрушаться, недееспособными стали и Советы, что в полной мере проявилось уже в 1989-1990 г.⁴.

Сравнивая Советское государство с западными демократиями, С.Г. Кара-Мурза пишет: «Любое государство побуждает людей к поведению, не выходящему за рамки установленных норм. Это осуществляется двумя принципиально разными способами - принуждением и внушением. Государство традиционного общества издавна действует *открытым* принуждением и внушением. Называя его «недемократичным», «тираническим», обычно имеют в виду именно его авторитарность. Государство гражданского общества породило новый тип господства - через *манипуляцию сознанием*. Манипуляция - способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрыто и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном направлении⁵. Манипуляцию сознанием, автор считает гораздо более вредным и преступным методом воздействия на народные массы, чем прямое давление. Именно поэтому данному вопросу он посвятил отдельную, весьма объемную, книгу⁶.

Главной причиной гибели СССР С.Г. Кара-Мурза считает действия его врагов, как внешних, так и внутренних. К последним относится так называемая пятая колонна, состоявшая из весьма разнородных компонентов. «Чистый «ленининст» вступал в союз с заклятым врагом марксизма - ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Понятно, что когда движущей силой интеллектуального сообщества становится страсть к разрушению, судьба миллионов «маленьких людей» не может приниматься во внимание. Это - функция «пятой колонны» противника⁷.

«Антисталинизм - главная идея, мобилизационный стяг, использованный Хрущевым в борьбе с тоталитаризмом. Такой подход открывал определенный простор для борьбы против основ существующего социализма, против антидемократических структур тоталитарного типа, но его было совершенно недостаточно, чтобы разрушить все тоталитарные устои»⁸.

Помимо С.Г. Кара-Мурзы, современным неонародникам можно отнести еще ряд известных обществоведов и публицистов. Так, например, известный историк русского средневековья И.Я. Фроянов, обратившись к событиям XX в., написал несколько книг, выдержанных в неонародническом духе. В своей историко-публицистической книге он пишет: «Капиталистические отношения отторгались нашим крестьянством. Русские крестьяне не хотели быть земельными собственниками⁹. Российские революции Фроянов не считает буржуазными. Они, по его мнению, были аграрно-крестьянскими и антибуржуазными. Также, как и Кара-Мурза, Фроянов считает столыпинские реформы мощным ускорителем революционного движения в России. Уничтожение СССР он, как и коммунисты из КПРФ, относит на счет деятельности «мировой закулисы», поставившей себе целью разрушить не только СССР, но и Россию. «Развитие событий шло, как правильно считает Г.А. Зюганов, по сценарию, разработанному мировой закулисой под управлением опытных дирижеров»¹⁰. Позиция Фроянова, как можно заметить, оказалась очень близка к высказываниям А. Зиновьева, в прошлом - антисоветчика, а в последние годы - патриота России и СССР!

При ближайшем рассмотрении концепции современных неонародников оказываются очень близки к своему историческому прототипу. Мы можем обнаружить и у тех, и у других идею об особом пути России и, соответственно, антизападничество, плавно перетекающее в ксенофобию, и упование на антибуржуазность крестьянства, сиречь русского народа, и веру в сильную личность - demiurgo исторического процесса и, в конечном итоге, отрицание марксизма, как учения об объективных законах развития общества. Большинство неонародников, естественно, придерживаются цивилизационного подхода к истории, считая, что российская - советская история представляет собой особый тип цивилизации. Разрушение СССР они связывают с процессом глобализации, который, в свою очередь, представляют, как навязывание всему миру ценностей Запада. Для современных неонародников, как и для их предтеч, присущ субъективизм, как метод познания общественных явлений.

Большинство теоретических построений и конкретно-исторических выводов современных неонародников, касающихся проблем социально-экономических отношений, сомнений не вызывает. Достаточно абстрактны, спекулятивны и нежизненны их теории и концепции развития межнациональных и межконфессиональных отношений в России - СССР. От многих из них за версту отдает казенно-бюрократическим, русско-православным сnobизмом, если не сказать великодержавным шовинизмом. Отсюда и многочисленные, при почтительном раскланивании, претензии к Ленину за излишний интернационализм и предпочтение других народов русскому, фактическое пренижение России по сравнению с другими республиками в статусном отношении при одновременном финансовом и ресурсном донорстве. Так, один из наиболее активных в своей публицистико-пропагандистской деятельности неонародник Ю.Мухин описывает историю формирования многонационального российского государства в сугубо великодержавно-православном духе. «Историческая роль покровительницы единоверных народов воспринималась Россией вполне серьезно», - пишет Мухин¹¹. «Россия никогда не была матерью-родиной только для русских, а для остальных народов зла мачехой», - пишет он далее¹². Далее он мимоходом пишет об «исключительном расизме поляков»¹³. Жизнь в СССР в 1930-е годы современными неонародниками всячески идеализируется. Так, тот же Мухин утверждает, что народы Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии стремились стать советскими гражданами исключительно из-за якобы более высокого уровня жизни в СССР. Отрицать факт этого «стремления» мы не станем, но заметим, что причина его была в другом: надвигалась большая война и представители малых стран и малых народов чувствовали себя очень неуютно перед лицом более мощных держав и стремились куда-либо «прибиться». Выбор для них в 1939-1940 гг. был невелик: либо нацистская Германия, либо СССР.

Мухин не забывает упомянуть о социальных параметрах жизни в СССР 1930-х гг. «Это для подлых и тупых бездельников СССР был тюрьмой, а для трудящихся сталинский Советский Союз был родным»¹⁴. Итак, еще одной родовой чертой современных неонародников, несомненно, является идеализация и восхваление сталинского периода истории СССР. В соответствии с этим критерием отбора, к неонародникам можно отнести и главного сталиноведа и сталинофила Ю.Н.Жукова. Общими усилиями эти обществоведы сделали из суровой предвоенной жизни сладенький, благостный кисель! И это притом, что сражаться вскоре пришлось не с хлюпиками и мальчиками для битья, а с людьми, твердо убежденными в правоте именно своего дела, своей нации, своей

идеологии, обладавшими более высокой технологией и современной производственной культурой!

Начало демонтажа советской системы С.Г. Кара-Мурза относит ко второй половине 1950-х гг.: «в момент смены поколений была предпринята форсированная операция. На разрушение духовного и психологического каркаса (выделено нами А.К.) советского народа была направлена большая кампания, названная «перестройкой», – пишет С.Г. Кара-Мурза в другой своей книге¹⁵. «В результате экономической и информационно-психологической войны была размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат», – пишет он далее¹⁶. «Свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания этносов. Бесполезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями», – считает ведущий неонародник нашего времени¹⁷. Выход из кризиса, в котором находится постсоветское общество, Кара-Мурза видит в реинтеграции народов бывшего СССР, но уже не классовой основе, а на базе «восстановления его (народа А.К.) культурного и мировоззренческого ядра с преемственностью исторического цивилизационного пути России»¹⁸.

¹ Там же. С. 50.

² Там же. С. 322.

³ Там же. С. 333.

⁴ Там же. С. 346.

⁵ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Т.2. М. 2002. С. 400.

⁶ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. 2003.

⁷ Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. 2. С. 623.

⁸ Бутенко А.П. Общественные науки и современность", 1995, № 5.

⁹ Фроянов И. Я. Уроки Красного Октября. М. 2007. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 155; Зюганов Г.А. Россия – Родина моя. М. 1996. С. 76-92.

¹¹ Мухин Ю. Кликуши голodomора. М. 2009. С.18.

¹² Там же. С. 22-23.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М. 2007. С. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ Там же.

Axel Rüdiger (Halle)

Terror and Dream: The Russian revolution between historicism and world history. Considerations about revolution and failure

Die Geschichte der Sowjetunion und der ihr zugrunde liegenden Revolution erscheint gut 20 Jahre nach ihrem Ende in einem dubiosen Zwielicht. Einerseits ist der alte postrevolutionäre Mythos, der die Sowjetunion zusammenhielt, obwohl er ihre Geschichte bis ins Groteske verzerrte und entstellte, tot. Andererseits hat die liberale Totalitarismuskritik, welche die kapitalistische Restauration ideologisch begleitet hat und nun wie Mehltau auf der Geschichte liegt, den Unterschied zwischen Kommunismus und Faschismus soweit eingeebnet, dass beide als ebenso dämonische wie barbarische Verirrungen der Geschichte erscheinen. Der Entmystifizierung der

Revolutionsgeschichte folgte also gleichsam ein Rückfall in eine schwarze Revolutionslegende, wie sie der Konservativismus schon seit der Französischen Revolution pflegt, die Politik durch Verschwörungstheorie ersetzt und das demokratische Eingreifen der Volksmassen in die Politik a priori als totalitär denunziert. Im Mittelpunkt steht dabei ein abstrakter Gewaltbegriff, mit dessen Hilfe die revolutionär-demokratische Gründungsgewalt (*pouvoir constituant*) umstandslos mit der Repression eines unterdrückterischen Herrschaftsapparates gleichgesetzt wird. Damit wird die normative Unterscheidung zwischen Unterdrückung und legitimem Widerstand, die zum Verständnis politischer Prozesse unumgänglich ist, einer ebenso ahistorischen wie abstrakten Moralperspektive geopfert.

Auf diese Weise wird aber nicht nur das alternative und emanzipatorische Potential der russischen Revolution von 1917 politisch getilgt, sondern auch der Weg versperrt für eine ernsthaften und angemessen Umgang mit der Geschichte, der die konkrete Ereignisgeschichte in Beziehung setzt mit den Hoffnungen und Enttäuschungen, mit denen Menschen auf der ganzen Welt mit diesem Ereignis verbunden waren. Revolutionen sind aber bekanntlich nicht nur Lokomotiven der Geschichte, sondern auch der Geschichtsschreibung. Am Beispiel der Geschichte der Französischen Revolution kann man sehr gut sehen, wie das Ringen um ein adäquates Verständnis der Revolution und deren Bedeutung für die politische Kultur nicht nur die moderne Geschichtswissenschaft formte. So ist die Französische Revolution ist im 20. Jahrhundert zu einem privilegierten Gegenstand der modernen Geschichtswissenschaft geworden, der zu immer neuen Methodenreflexionen herausfordert und an dem sich zentrale Paradoxien der modernen Gesellschaftsgeschichte studieren lassen. Die merkwürdige Ausnahmesituation, in dem sich die Geschichte der russischen Revolution heute aber befindet, tritt deshalb umso deutlicher hervor, wenn man sie mit der Rezeptionsgeschichte der Französischen Revolution vergleicht.

In Frankreich hat es zwar auch 100 Jahre gedauert, aber die Revolutionsgeschichte ist schließlich ganz prominent in die politisch-republikanische Kultur der „grande nation“ integriert worden. Die Revolution, deren gewaltsamer Beginn jährlich am 14. Juli gefeiert wird, steht seitdem trotz ihrer terroristischen Exzesse für die Geburt der modernen Nation und wird auch außerhalb Frankreichs als Gründungsakt der modernen Demokratie anerkannt. Die Revolution liegt der modernen Gesellschaft zugrunde, stellt diese aber zugleich auch immer wieder in Frage und treibt sie deshalb immer wieder über sich selbst hinaus. Der politischen Anerkennung der Revolution folgte die Aufwertung zu einem legitimen wissenschaftlichen Gegenstand, die mit der Einrichtung des Lehrstuhls für die Geschichte der Revolution an der Pariser Sorbonne 1887 einen institutionellen Ausdruck erhielt. Historiker, wie Alphonse Aulard, Albert Matthiez, Georges Lefebvre bis hin zu Albert Soboul und Michel Vovelle, schufen mit ihren Forschungen die Voraussetzungen, um den demagogischen Verschwörungsfantasien, wie sie von der konservativen Geschichtsschreibung in der Tradition des 19. Jahrhunderts gepflegt werden, wissenschaftlich entkräften zu können. Die Geschichte der Revolution muss, so Michel Vovelle, gegen ein imaginäres Geschichtsbild geschrieben werden, das „von den Phantasmen einer Elite“ bestimmt ist, „die in der Angst vor „der“ Revolution lebt“ und „mit Hilfe der Massenmedien ein breites Publikum erreicht – vom Fernsehen über die Geschichtsmagazine bis hin zu einer vordergründig seriösen Literatur –, das Ansehen und die Themen dieser Revolutionstheorie von vorgestern verteidigt: die Verbrechen der Schreckenherrschaft, der Leidensweg der königlichen Familie, die phantastischen Porträts der negativen Helden [...] – all dies sind Elemente einer alten Leier, die für das breite Publikum leider immer noch das quasi offizielle Bild der Revolution hergibt.“¹⁹

Heute nach dem Verschwinden des Sozialismus aus Osteuropa hat sich diese „Revolutionstheorie von vorgestern“ jedoch in der Totalitarismustheorie erfolgreich regeneriert und erneut mit dem Feigenblatt der Wissenschaftlichkeit geschmückt.

Während sich bei der Deutung der Französischen Revolution inzwischen die „neoliberalen und revisionistische Kritik“², wie sie von François Furet und Denis Richet entwickelt wurde³, weitgehend durchgesetzt hat, ist das Problem für eine kritische Geschichtsschreibung der russischen Revolution noch viel akuter, da hier bisher kaum Platz blieb zwischen der stalinistischen Mystifizierung und der totalitären Verteufelung. Die ideologiekritische Entmystifizierung durch die historiografisch-empirische Arbeit in den Archiven gerinnt unter diesen Bedingungen fast automatisch zur Bestätigung des hegemonialen Totalitarismus. Statt auf Emanzipation und revolutionärem Enthusiasmus stößt man dort nur noch auf die nackte Gewalt der Lüge.

Dagegen gilt es aber festzuhalten: Wie die Französische Revolution das 19. Jahrhundert, so prägte die Russische Revolution das 20. Jahrhundert. Beides waren Ereignisse von welthistorischem Rang, deren universale Ausstrahlung sich einer rein historistischen Perspektive entzieht. Denn über die konkrete Verlaufsgeschichte hinaus besitzen solche welthistorischen Ereignisse, einen symbolischen Überschuss, der sich in der enthusiastischen Parteinahe nicht nur der unmittelbaren Akteure, sondern darüber hinaus auch der internationalen Öffentlichkeit artikuliert. Über die reine Faktitität hinaus besitzen solche welthistorischen Ereignisse deshalb eine zweite historische Ebene, die von der Geschichte einer universalen „Idee“ bestimmt wird. Eine Idee, die universale Emanzipation verspricht und welche dem modernen Verständnis von Revolution zugrunde liegt. Revolutionen mögen daher gewalttätig sein, sie unterscheiden sich aber von Revolten, Staatsstreichern oder politischen Verbrechen, wie dem Kolonialismus, Imperialismus oder Faschismus, dadurch, dass sie der universalen Idee von Emanzipation verpflichtet sind. Aus diesem Grunde finden sie auch über den nationalen Rahmen hinaus enthusiastische Unterstützung, weshalb sich die Weltöffentlichkeit in ein progressives und reaktionäres Lager spaltet. Es handelt sich bei Revolutionen also nicht um einen bloßen Machtwechsel oder einen Elitenauftausch, auch nicht um das bloße Streben nach besserer wirtschaftlicher Effizienz, sondern immer um einen Kampf um die Freiheit, in dem die Idee der Emanzipation das Volk und darüber hinaus international alle progressiven Kräfte mobilisiert. In diesem Sinne fasst auch der Revolutionshistoriker Manfred Kossok seine Überlegungen zur weltgeschichtlichen Bedeutung der revolutionären Idee zusammen: „Stets wurden die großen Ideen, gleich ob religiös oder aufklärerisch begründet, nicht als nationale und schon gar nicht als bürgerliche, sondern auf die Emanzipation der Menschheit als Ganzes, mit dem Anspruch, sie aus Unmündigkeit, Abhängigkeit, Rechtlosigkeit und Unterdrückung herauszuführen, gerichtet empfunden. [...] Wann hätte je eine große Revolution, den Schritt in eine neue Epoche der Menschheit gegeben, ohne einen, auch im Praktischen, die Theorie zur materiellen Gewalt werden lassenden utopischen Maximalismus?“⁴

Selbst wenn sich also die große revolutionäre Idee nach der Revolution als Utopie und „heroische Illusion“ herausstellt – und das muss letztlich immer der Fall sein, da jede Revolution gemessen an der universalen Idee, die sie hervorbringt, immer historisch scheitern muss – reiht sie sich doch als Teil der Weltgeschichte in die Geschichte dieser Idee ein. Gerade weil der Widerspruch zwischen konkreter historischer Kontingenz der Revolution – etwa die politische, ökonomische und soziale Rückständigkeit, wie in Russland – und dem universalen Anspruch der revolutionären Idee letztlich tragisch ist, bleibt sie als erhabene Erinnerung im kollektiven Gedächtnis der Menschheit bestehen und konstituiert auf die Weise eine Weltgeschichte, welche jenseits der reinen Kontingenz des Historismus liegt. Darüber hinaus hat schon Max Weber darauf aufmerksam gemacht, dass man in der Politik „das Mögliche nicht erreichte, wenn nicht immer wieder in der Welt nach dem Unmöglichen gegriffen worden wäre.“ Deshalb habe auch nur der den „Beruf zur Politik“, „wer sicher ist, daß er daran nicht zerbricht, wenn die Welt, von seinem Standpunkt aus gesehen, zu dumm oder zu gemein ist für das, was er ihr bieten will, daß er all dem gegenüber: ‚dennoch!‘ zu sagen vermag“. Die Weltgeschichte erweist sich insofern als die Geschichte einer

emanzipatorischen Idee, deren politischer Fortschritt sich auch gegen das tragische Scheitern seiner historischen Protagonisten durchsetzen kann. Oder mit Hegel gesprochen: „Die Weltgeschichte ist der Fortschritt im Bewusstsein der Freiheit.“⁶

Während also für Hegel und in gewisser Hinsicht selbst für Weber die Weltgeschichte mit ihrer revolutionären Idee von Emanzipation noch Voraussetzung aller wirklichen Politik war, besteht die reaktionäre Tendenz der Gegenwart insbesondere in der Geschichtsschreibung darin, den klassischen Begriff der Weltgeschichte zu verleugnen und unter Totalitarismusverdacht zu stellen, oder die Weltgeschichte, wie im Fall von Francis Fukuyama, zumindest für beendet zu erklären. Obwohl davon die gesamte Revolutionsgeschichte betroffen ist, wird doch insbesondere die sozialistische Revolution in Sowjetrußland delegitimiert, indem man ihr den Status eines weltgeschichtlichen Ereignisses abspricht. In diesem Fall kann die Totalitarismuskodiktrin alle Gewaltexzesse, die sich im Herrschaftsbereich der Sowjetunion ereignet haben, ganz undifferenziert als apolitische Verbrechen behandeln, die nicht auf eine evtl. revolutionäre Legitimität befragt werden können. Das leninistische Modell der Weltrevolution, die von Russland als dem schwächsten Kettenglied der imperialistischen Mächte ihren Ausgang nimmt, fällt aus dieser Perspektive ununterscheidbar zusammen mit dem Terror Stalins sowie den Machtkämpfen innerhalb des staatlichen Machtaufapparates unter dem Paradigma des Aufbaus des Sozialismus in einem Land. Von hier aus ist es nur noch ein Schritt, um die Verbrechen des deutschen Faschismus mit dem Terror Stalins gleichzusetzen. Damit jedoch fehlt jedes normative Kriterium, um Gewaltexzesse historisch-politisch bewerten zu können, die ihre Ursachen nicht in sich selbst tragen.

Ein ebenso einflussreiches wie widersprüchliches Beispiel für die Tilgung der Sowjetunion aus der Weltgeschichte lieferte Furet in seiner Abrechnungsschrift mit dem Kommunismus von 1995. Nach Furet bleibt nach dem Zusammenbruch der Sowjetunion nichts weiter übrig als eine *tabula rasa*. Nichts hat demnach mehr Bestand, „weder Prinzipien noch Gesetze oder Institutionen, ja nicht einmal die Geschichte.“ Lenin, so Furet, hinterlässt keinerlei Erbe, das im kollektiven Gedächtnis der Weltgeschichte aufbewahrt werden könnte. „Der Kommunismus endet also gewissermaßen im Nichts.“⁸ Und trotzdem muss er als halbwegs seriöser Historiker dennoch einräumen, daß die Idee des Sowjetkommunismus so „universell“ war, „dass sie „Bevölkerungen, Gebiete und Zivilisationen berührte, in die selbst das Christentum nicht vorgedrungen ist“.⁹ Furet verhehlt auch nicht, dass die Oktoberrevolution „ihren schillernden Glanz aus dem Glanz der Tragödie (erhielt), die ihr vorausging: Das primitivste Land Europas weist den zivilisierten Ländern Europas den Weg, deren Geschichte sie unablässig nachahmte, ohne bis dahin eine Gelegenheit gehabt zu haben, an der Spitze der Geschichte voranzuschreiten. Kurz gesagt, durch den siegreichen Bolschewismus erhält die revolutionäre Idee, die seit 1789 untrennbar mit der Demokratie verbunden ist, das zusätzliche Prestige, Frieden zu stiften und eine internationale Brüderlichkeit zu schaffen“¹⁰. Die Rückständigkeit Russlands, so lässt sich Furets Argumentation entnehmen, erweist sich demnach erst *post festum* als zentrale Tragödie der Revolution, da sie aus der Perspektive von 1917/18 gerade Voraussetzung für den konsequenten Internationalismus des leninischen Revolutionsmodells war. Die Oktoberrevolution konnte für Lenin nur das Fanal und der Auftakt einer europäischen Revolution sein, wobei sich Lenin offenbar nicht vorstellen konnte, dass die europäische und insbesondere deutsche Sozialdemokratie Russland gerade unter dem zynischen Hinweis auf seine ökonomische Rückständigkeit im Stich lassen würde. Auf alle Fälle hat er dieses Wagnis zugunsten eines revolutionären Kriegsende in Gesamteuropa übernommen, welches im Falle des Erfolgs den Zweiten Weltkrieg als imperialistischen Revanchekrieg hätte verhindern können. „Auf dieser Weise“, so resümiert Furet schließlich, „erlangt die bolschewistische Oktoberrevolution von 1917 gleich in den ersten Nachkriegsjahren den Status eines universellen Ereignisses. [...] Das 20. Jahrhundert erblüht im hellen Schein dieses Ereignisses, das

viele Zeitgenossen als entscheidenden und wohltuenden Bruch mit Krieg und Kapitalismus begrüßen, [...]. Das Russland Lenins ist ein Symbol. [...] Es symbolisiert die Weltgeschichte“¹¹.

Wenn aber Furet in der Folge den konkreten Verlauf der sowjetischen Geschichte gegen die „heroische Illusion“ des Kommunismus aufrechnet, und zu dem Schluss kommt, das von dieser Illusion nichts weiter übrig bleibt, als die nackte Lüge, so dass der Sowjetkommunismus ebenso wie der Faschismus letztlich nichts anderes war, als „eine der großen antiliberalen und antidemokratischen Reaktionen“ in der europäischen Geschichte des 20. Jahrhunderts¹². So zeigt sich, dass er nicht nur die weltgeschichtliche Bedeutung der Oktoberrevolution bestreitet, sondern die Weltgeschichte überhaupt für eine idealistisch-metaphysische Spekulation hält, von der man sich endgültig lösen muss. Die Weltgeschichte oder der sogenannte „Sinn der Geschichte“ ist für Furet insofern nur „ein anderer Ausdruck für die historische Notwendigkeit“, mit deren Hilfe dann der Stalinismus seinen Terror pseudowissenschaftlich gerechtfertigt hat¹³. Unter der weltgeschichtlichen Illusion des Kommunismus versteht Furet schließlich, „daß der Kommunismus drauf gerichtet war, der zwangsläufigen Entwicklung der historischen Vernunft zu gehorchen, und daß der Errichtung der ‚Diktatur des Proletariats‘ von daher ein wissenschaftlicher Charakter bescheinigt wurde: eine Illusion, die anderer Natur ist als diejenige, die aus der Berechnung von Mitteln und Zielen oder aus der einfachen Überzeugung von der Richtigkeit einer Sache heraus entstehen kann, denn sie ist für das Leben des orientierungslosen Menschen nicht nur sinnstiftend, sondern bietet auch wohltragende Gewissheit. Sie ist nicht das, was man eine falsche Einschätzung bezeichnen könnte, die sich mittels Erfahrung durchschauen und korrigieren ließe, sondern eher ein tieferes Engagement – und damit einem religiösen Glauben nicht unähnlich –, auch wenn es einem historischen Gegenstand galt“¹⁴.

An dieser Stelle laufen allerdings einige Sachen bei Furet durcheinander, so dass es sich lohnt, dieses Durcheinander zu entwirren. In der Tat hat sich der Vulgärmarxismus stalinscher Prägung in Abkehr von der Dialektik auf ein positivistisches Wissenschaftsverständnis berufen, um die eigene Politik und nicht zuletzt den Terror zu rechtfertigen. Es handelt sich dabei gleichsam um ein „Pfeifen im Walde“, was in Anbetracht der Außerordentlichkeit der historischen Situation verständlich war, zugleich aber – und das wiegt wesentlich schwerer – war es ein bequemer Modus, sich vor der moralischen Verantwortung des eigenen Handelns zu drücken. Die Berufung auf objektive Gesetzmäßigkeiten geben den politischen Akteuren nach dem Ausbleiben der europäischen Revolution in einer nahezu ausweglosen Situation Sicherheit und Autorität, führte aber zugleich auch zur machiavellistischen Pervertierung der kommunistischen Idee. Mit Hilfe der Doktrin vom „Wissenschaftlichen Kommunismus“ suchte Stalin, die erschöpfte revolutionäre Illusion zu ersetzen und zugleich Terror, Lüge und Verbrechen zu rechtfertigen. Auf diese Weise wurde das Regime normalisiert, was das Ende jeder Revolution bedeutet. Aus der Außerordentlichkeit des revolutionären Terrors im Bürgerkrieg wurde normaler Terror, der die Herrschaft Stalins und der Partei verstetigte. Daher scheiterte der stalinsche Sozialismus nicht an seinem illusionären Realitätsverlust, insofern er der Wirklichkeit eine illusorisch-utopische Vision der Menschheit aufzuzwingen trachtete, sondern vielmehr an seinem pragmatischen Realismus. Im Unterschied zur leninistischen Phase der Revolution, setzte Stalin nicht mehr primär auf die politische Kraft der kommunistischen Idee, welche der Oktoberrevolution im In- und Ausland allgemeine Autorität verschafft hatte, vielmehr installierte er ein völlig anderes Regime, welches seine Autorität ganz „realistisch“ aus der Ausbeutung und Mobilisierung seiner Bürger schöpfte. Man kann daher mit Slavoj Žižek die These wagen: „Während Lenin dem ‚Realen der (kommunistischen) Illusion‘, seinem emanzipatorischen utopischen Potential treu blieb, war Stalin ein schlichter ‚Realist‘, der rücksichtslos um seine persönliche Macht kämpfte“¹⁵. Diese Tendenz blieb später auch noch in der Phase des

„real existierenden Sozialismus“ erhalten. Diese Formel signalisierte unzweideutig inwieweit die revolutionär-utopische Legitimität des Sozialismus aufgebraucht war, so dass er sich nur noch über seine bloße Existenz rechtfertigen konnte. Damit hatte sich das sozialistische Regime aber bereits vor seinem historischen Ende selbst aus der Weltgeschichte gestrichen. „Die eigentliche Zumutung des Sozialismus Stalinscher Prägung“, schreibt Bois Groys, „bestand in seinem Anti-Utopismus, d. h. in der Behauptung, daß in der Sowjetunion die Utopie im Grunde schon realisiert ist. Der reale Ort, an dem sich das sozialistische Lager etabliert hat, wurde zum Nicht-Ort der Utopie ausgerufen. [...] Damit ist der Kommunismus in der Tat keine Utopie mehr – seine irdische Inkarnation ist vollendet. Vollendet bedeutet hier: abgeschlossen und somit zur Wiederholung freigestellt. Eine solche Wiederholung kann sicherlich keine Rückkehr zum sowjetischen Kommunismus bedeuten, der ein historisch einmaliges Phänomen ist“¹⁶.

War die gesamte revolutionäre Geschichte der Sowjetunion daher eine Sackgasse? Ökonomisch hat sie keine höhere Stufe der Produktion hervorgebracht. Diesen Sachverhalt teilt sie aber wiederum auch mit der Französischen Revolution. „Die Revolution“, so schreibt Lynn Hunt über Frankreich, „beeindruckte ihre Zeitgenossen nicht deshalb, weil sie die Grundlagen für die kapitalistische Entwicklung oder die politische Modernisierung legte.“ Hier waren England und selbst Deutschland, das keine erfolgreiche Revolution erlebte erfolgreicher. „Die Revolution in Frankreich trug wenig zum wirtschaftlichen Wachstum oder zur politischen Stabilisierung bei. Was sie indessen hervorbrachte, das war die mobilisierende Kraft des Gedankens einer demokratischen Republik und die mitreißende Intensität revolutionären Wandels. Die Sprache nationaler Erneuerung, die Gesten von Gleichheit und Brüderlichkeit und die Rituale der Republik gerieten nicht so schnell in Vergessenheit.“ Kurz: „Die wichtigste Leistung der französischen Revolution war die Schaffung einer gänzlich neuen politischen Kultur“¹⁷. Und könnte dasselbe nicht auch für die Oktoberrevolution gelten? Politisch und ökonomisch gescheitert, beflogt sie nach wie vor die kulturelle Fantasie der Menschen. Eine weltgeschichtliche Tragödie, die Sophokles und Shakespeare sich so hätten nicht ausdenken können. „Moskau 1937“, so Karl Schlögel, „ist ein ‚Geschichtszeichen‘ im Sinne Kants, die Chiffre für eine der größten geschichtlichen Katastrophen des 20. Jahrhunderts“¹⁸. Und dennoch ist das „Geschichtszeichen“ für Kant zugleich ein erhabenes Symbol für Humanismus und menschlichen Fortschritt. „Die Revolution eines geistreichen Volks, die wir in unseren Tagen haben vor sich gehen sehen, mag gelingen oder scheitern; sie mag mit Elend und Greuelnaten dermaßen angefüllt sein, dass ein wohlkender Mensch sie, wenn er sie zum zweitenmale unternehmend, glücklich auszuführen hoffen könnte, doch das Experiment, auf solche Kosten zu machen nie beschließen würde – diese Revolution, sage ich, findet doch in den Gemütern aller Zuschauer (die nicht selbst in diesem Spiele mit verwickelt sind) eine Teilnahme dem Wunsche nach, die nahe an Enthusiasmus grenzt, und deren Äußerung selbst mit Gefahr verbunden war, die also keine andere, als eine moralische Anlage im Menschengeschlecht zur Ursache haben kann“¹⁹. Es liegt also an uns, den Nachgeborenen, ob wir das „Geschichtszeichen“ erkennen und wie wir damit umgehen.

¹ Michel Vovelle: Die Französische Revolution. Soziale Bewegung und Umbruch der Mentalitäten, Frankfurt/Main 1985. S. 60.

² Ebenda. S. 69.

³ François Furet/Denis Richet: La Révolution française. 2 Bde. Paris 1965.

⁴ Manfred Kossok: In Tyrannos: Revolutionen der Weltgeschichte von den Hussiten bis zur Commune. Leipzig 1989. S. 440f.

⁵ Max Weber: Politik als Beruf // Gesammelte politische Schriften, hg. v. Johannes Winckelmann, Tübingen 1988 S. 560.

⁶ Georg Wilhelm Friedrich Hegel, Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte // Werke. Bd. 12, 3. Aufl., Frankfurt/Main 1992. S. 61.

- ⁷ François Furet: Das Ende der Illusion. Der Kommunismus im 20. Jahrhundert. München/Zürich 1999, S. 8.
- ⁸ Ebd. S. 9.
- ⁹ Ebd., S. 11.
- ¹⁰ Ebd. S. 112.
- ¹¹ Ebd. S. 133.
- ¹² Ebd. S. 9.
- ¹³Ebd. S. 14.
- ¹⁴Ebd. S. 10
- ¹⁵ Slavoj Žižek. Die gnadenlose Liebe. Frankfurt/Main 2001. S. 117.
- ¹⁶ Boris Groys. Das kommunistische Postskriptum. Frankfurt/Main 2006. S. 95f.
- ¹⁷ Lynn Hunt. Symbole der Macht. Macht der Symbole. Die Französische Revolution und der politische Entwurf einer politischen Kultur. Aus dem Amerikanischen von Michael Bischoff. Frankfurt/Main 1989. S. 29.
- ¹⁸ Karl Schlögel. Terror und Traum: Moskau 1937. München 2008. S. 21.
- ¹⁹ Immanuel Kant: Der Streit der Fakultäten // Werke IX. S. 358.

Э.О.Шульц (Санкт-Петербург)

СССР: тупик или перспектива исторического развития глобального социума?

Восстания могло бы и не быть –
Изрёк высокомудрый аналитик.
Язвительно ему ответил критик:
«Лишь в изъявительном здесь должно говорить».

Эрхард Шнитке.

В докладе предпринимается попытка обоснования перспективности образований типа СССР в развитии глобального социума с опорой на основные положения истмата и оригинальную социологическую систему¹, на вытекающие из неё следствия.

Вопрос, вынесенный в заголовок, на первый взгляд, может показаться риторическим, а дилемма - надуманной. В самом деле, если история не имеет сослагательного наклонения, а распад СССР – свершившийся факт, то ответ становится как будто очевидным. Более того, он может выглядеть даже закономерным в рамках действующей до сего дня инерционной парадигмы. Ибо все насилием созданые империи заканчивали своё существование сходным образом. В этом смысле можно говорить о тупиковом участке в динамике социума, об отрезке его исторического пути, ведущем его в тупик, благополучного выхода из которого не существует. Отвергая понятие «конец истории», с адекватностью понятия «тупиковая ветвь» её для отдельного социума вполне можно согласиться. Здесь это понятие согласуется с аналогичным, применяемым к самоорганизующимся системам, например, к биологическим видам, в частности, - к вымершим примерно 65 миллионов лет тому назад динозаврам. Конечно, можно и нужно иметь в виду особенности рассматриваемой империи, и в рамках обсуждаемой темы они имеют значение, но об этом – ниже. Приialectическом системном подходе к рассмотрению этого вопроса выясняется, что сослагательное наклонение у истории имеет право на существование, а СССР в потенции имел перспективу, и, значит, не только мог, но и должен был сохраняться и развиваться, и эта перспектива за ним сохраняется. Здесь приобретает значение и должно стать предметом рассмотрения

понятие «зигзага истории». Метафорическое по форме оно имеет вполне реальный смысл с учётом стохастического характера законов жизнедеятельности социума на разных по длительности, но характерных временных интервалах. Не имея до сих пор возможности руководствоваться осознанными законами своего бытия, он отыскивает в фазовом пространстве путь своего развития методом «проб и ошибок» в рамках инерционной (традиционной) парадигмы и претерпевает колебания различной амплитуды на тренде (в аттракторе) поступательного движения. В этом аспекте правомерен вопрос, не является ли распад СССР «зигзагом истории».

В традиционных рамках сугубо исторического рассмотрения обсуждаемой проблемы она доказательно вряд ли может быть решена. Необходим системный многофакторный подход, опирающийся на межпредметные связи, на введение формализованных, количественных (динамических и стохастических) соотношений в контекст истории, на знание объективных законов жизнедеятельности социума для нахождения адекватного ответа на поставленные вопросы. Методологической основой остаётся диалектический метод, материализм и основа истмата, заключающаяся в признании объективности социальных законов. Подобные методы в последнее время успешно развиваются рядом исследователей при содействии Института прикладной математики РАН им. М.В.Кедыша под эгидой Г.Г. Малинецкого и А.В.Каратеева, докторов, соответственно, физико-математических и исторических наук. Но создаваемые и анализируемые в этом научном сообществе математические модели социума носят частный характер, не являются всеобщими универсальными моделями, опираются на поддающиеся измерению результаты динамики социума, а не на имманентно присущие ему законы бытия. Однако и эти модели, преимущественно прогностические, полученные на их основе результаты имеют огромное непреходящее значение. В фундаментальном аспекте они доказывают применимость и эффективность методов точных наук в гуманитарных областях знания, в частности, в историко-социальных науках. В прикладном аспекте они не менее значимы, т.к. дают не только вполне обоснованные и подтверждающиеся жизнью социально-исторические предсказания, но и позволяют, разрабатывая метод, получать в перспективе более точные прогнозы и на более длительный срок. За работы по историческому прогнозированию исследователи С.Кузнец, Р.Фогель и Д.Норт - были удостоены Нобелевской премии.

Показателен в этом отношении и опыт прогноза на период с 1985 по 2000 годы, выполненного для СССР коллективом исследователей ВНИИСИ АН СССР под руководством академика В.А.Геловани². В итоге этой работы были установлены все основные черты и даты того, что получило название эпохи перестройки и распада СССР. Но «геронтологическое» руководство страны, «принимавшее решения не приходя в сознание», проигнорировало эти выводы и рекомендации, а финал подтвердил справедливость сделанных выводов. Но главное, по словам докладчиков, состояло в том, что в этой работе «с цифрами, показателями, моделями, учётом мировой динамики «...был прочерчен и другой сценарий, выведивший СССР на новые рубежи (выд. - Э.Ш.)». (Значит, история, всё-таки, имеет сослагательное наклонение. Ничего не говорится, однако, о возможности реставрации СССР в том или ином виде в обозримом будущем. Ответ на этот вопрос позволяет найти предложенная автором динамическая модель социума³. Она вытекает из разработанной автором ранее концепции жизнедеятельности социума, представляющей собой диалектическое объединение каузального (динамического) и телескопического подходов в рассмотрении общественных процессов и содержит в себе эвристические и прогностические возможности. Для обоснования вывода о возможности и необходимости восстановления СССР в том или ином виде с опорой на

указанную модель необходимо хотя бы вкратце охарактеризовать её. Модель строится на следующих основополагающих положениях:

1. Социум есть сложная мегантропийная система взаимодействующих индивидов, каждый из которых приближенно описывается набором параметров, включающим в себя и свободу воли;

2. Интегрально (в целом) социум описывается в фазовом пространстве зависящими от времени 4-мя параметрами: демографией (D), управлением (U), экономикой (E) и культурой (K), которые могут иметь общую для всех них меру;

3. Жизнь человека как вида признаётся социумом как наивысшая ценность;

4. Интенсивность динамики процессов в живой и не живой природе, и в социуме зависит от величины градиентов того признака, по которому наблюдается движение; равенство всего во всём есть условие идеального хаоса и тепловой смерти; роль свободной энергии социума играет социальная напряжённость, которая выполняет конструктивную роль «двигателя прогресса» при оптимальном значении, не выполняет – при значении меньше оптимального и деструктивна при больших значениях;

5. Динамика социума в фазовом пространстве подчиняется оптимизационному принципу, названному принципом наименьшего социального действия (ПНСД);

6. В качестве меры социальной напряжённости выступает человеческая жизнь, предложена и единица этой меры.

Даны системные дефиниции социальной гармонии, социальной напряжённости, социального прогресса. Открыты два социальных закона, один из которых (закон ускорения социального времени) до того был открыт другим автором и другим методом. Второй из них получил название закона гармонизации общественных отношений с течением времени. Он для нашей темы имеет первостепенное значение. Его можно переформулировать: в каждый текущий момент времени социальных систем тем более устойчивы, чем они гармоничней. Этот, казалось бы, очевидный вывод имеет важные следствия. По мере нарастания системного кризиса, вносимой им социальной дисгармонии (роста социальной напряжённости) основной вклад в его усиление вносит неадекватность системы управления. И наоборот: своевременное приведение в соответствие требованиям времени структуры и других параметров системы управления снимает кризис, ускоряет развитие социума. В организованной системе получаемый ею синергетический результат больше чем сумма дискретных вкладов отдельных элементов системы. Имманентное свойство самоорганизующихся систем - усиление своей мобильности за счёт роста и структуризации, гармонизации взаимодействия частей системы, адаптивности и вследствие этого - увеличение КПД, вероятности выживания. Устремлённость к выживанию, к повышению устойчивости системы – свойство всех живых существ (систем), включая и социум.

Системный кризис в СССР и в современной РФ наложился на текущий системный глобальный кризис, и, по некоторым авторитетным пессимистическим прогнозам, ситуация вышла из-под контроля. Но если её удастся переломить, то только с применением неинерционных методов, опирающихся на знание объективных социальных законов. В первую очередь должна быть приведена в соответствие требованиям времени (состоянию формирующегося глобального социума) система международного права и вся функция (система) управления мировыми процессами и в РФ. ООН давно уже не соответствует этим требованиям. Ситуация, когда пираты Сомали на моторных лодках диктуют свою преступную волю державам, осуществляющим освоение космического пространства и обладающим огромной военной мощью, - подтверждение этого

тезиса. Так же, как и не регулируемые до сих пор хищнические атаки ТНК и финансовых воротил, обрушающие экономику стран и целых регионов из своекорыстных побуждений. С другой стороны, постоянные попытки формирования различных по масштабам и функциям кластеров типа ТНК, СССР, США + Канада, ЕС, СНГ, конструктивные экономические союзы – свидетельствуют о поисках соответствующего объективной закономерности пути развития мирового социума. В этом смысле сохранение СССР соответствовало бы современной мировой тенденции. И это означает, что его утрата – зигзаг истории, ошибка, отклонение, а восстановление в той или иной форме – актуальная объективная потребность. А, значит, при благоприятном развитии мирового процесса он будет возрождён. Но, во-первых, этот процесс, как уже отмечалось, может происходить стихийно и медленно (может и не успеть осуществиться), но должен проходить с опорой на знание объективных законов целенаправленно и планомерно, с учётом отпущенного на это времени. В одну и ту же реку нельзя войти дважды. Силовыми приёмами возрождать империю бесперспективно. Формирование Российской империи происходило в целом по классическому сценарию. СССР сконструировал и модернизировал её, адаптировал к современным условиям, и это увеличивает возможности возрождения его в модифицированном варианте, исключающем причины, приведшие его к распаду. Разрабатываемая модель ещё не завершена и не может дать точных рассчитанных по этапам и срокам вариантов этого процесса. Но общие контуры его из неё вытекают. Возрождение СССР должно стать программной целью России, т.к. и её благополучие, даже выживание, в значительной степени зависит от успешности и темпов этого процесса. И не должно встречаться сопротивления на международном уровне. Вхождение в союз должно стать привлекательным для соседей. Основным (базовым) элементом административно-территориального устройства должны стать коммуны – самодостаточные, самоуправляющиеся поселенческие образования граждан. Они при адекватной их организации⁴ приобретают ряд исключительно важных качеств:

- они обладают свойством самонастройки на оптимум по объёму полномочий и ответственности, по численности населения и занимаемой территории; более адаптивны, чем гос власть, являются оперативной составляющей системы управления, в которой гос власть выступает как консервативная компонента;

- более эффективны в экономическом аспекте: собираемость местных налогов на 50% выше, чем государственных, и на столько же выше эффективность их использования;

- они наилучшим образом формируют граждан из населения, освобождают их ментальность от патернализма, что для РФ имеет в наше время первостепенное (спасительное) значение. При этом **должен неукоснительно соблюдаваться принцип: самоуправления – сколько возможно, государства – сколько необходимо.**

Осенняя роль (миссия) принадлежит коммунам, сформированным на принципах высокой нравственности. Они, в силу их неоценимой роли в жизни государства (возможно, - и судьбе), должны иметь целый ряд преференций, закреплённых за ними (как, впрочем, и за университетами) на законодательном уровне. Такие коммуны выполняют роль второго (положительного) полюса в системе государства, которое во всём мире является пока униполярным, обладает лишь одним (отрицательным) полюсом - полюсом зла, который сосредотачивает в своих пределах (в тюрьмах, лагерях) отбросы общества. Биполярная система в разы ускоряет развитие общества в сравнении с однополярной, т.к. «боготу» предоставляется наглядный пример возможностей жизни в «аду» и в «раю». Региональные структуры, их границы, должны формироваться на основе

оптимизации по эконом-географическим критериям из целого числа коммун. Административно-территориальное деление по национальному признаку – атавизм, который должен быть безусловно преодолён с непременным сохранением и развитием культурной автономии.

Все элементы правового государства, разумеется, не только сохраняются, но и строго соблюдаются. В экономической сфере народные предприятия как на практике доказавшие свою эффективность (ассоциация компаний «Мандрагора») должны получить целенаправленное и планомерное развитие в рамках государственной программы. То есть, мы можем провозгласить с обоснованной уверенностью в успехе: СССР умер – да здравствует СССК – Союз свободных самодостаточных коммун.

¹Шульц Э.О. Гармонизация общественных отношений - объективный закон развития общества // Стратегия формирования гражданского общества в России. Материалы Второго российского научно-общественного форума. СПб: НИИХ СПбГУ, 2002г. С.187-192.

²Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. Глобальное моделирование процессов развития СССР/России: 1985-2010 г.г. Прогноз, который мог изменить ход истории. Доклад на 2-ой Международной конф. «Математическое моделирование исторических процессов» // в кн. Проблемы математической истории под ред. Г.Г. Малинецкого и А.В. Коротаева. ИПМ РАН, М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С.22.

³Шульц Э.О. Концепция динамической модели социума. На сайте «Камо грядеши».

⁴Шульц Э.О. Гражданское общество как фаза социального прогресса и продукт «диффузии» власти через самоуправление // Гражданское общество. Истоки и современность. Изд. 2-е, дополн. СПб: Юридический центр Пресс, 2002 г. С.265-289.

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

Абрамсон Иосиф Григорьевич – д.т.н., проф. Института биологии и психологии человека, зав. лаб. научно-испытательного центра «Гипроцемент-Наука», Санкт-Петербург.

E-mail: dialego27@mail.ru

Белёвский Олег Анатольевич - старший преподаватель кафедры философии Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт», г. Киев.

E-mail: obelev@mail.ru

Благих Иван Алексеевич - д.э.н., проф. кафедры истории экономики и экономической мысли Санкт-петербургского государственного университета

Богомазов Геннадий Григорьевич – д.э.н., проф., заведующий кафедрой истории экономики и экономической мысли экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Буров Владилен Георгиевич – д.ф.н., профессор, Институт философии РАН, Москва

E-mail: burovvg2@yandex.ru

Bäckman Johan - Adjunct Professor in Criminology and Sociology of Law, Doctor of Social Sciences, Helsinki University

E-mail: exiron@gmail.com

Исаичиков Виктор Федорович - главный редактор журнала "Просвещение" (Москва)

E-mail: mihmarkin@mail.ru

Калашников Владимир Валерьянович - д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, Санкт-Петербург.

E-mail: vvk2@mail.ru

Кано Т. – доктор философии, декан исторического факультета университета Хусей, Токио

E-mail: tkano@mars.dti.ne.jp

Clarke Elizabeth – International Workers' Movement, London

Косолапов Николай Алексеевич – к.и.н., заведующий отделом международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, ведущий научный сотрудник Совета по изучению производительных сил РАН и Минэкономразвития РФ, профессор МГИМО(У) МИД РФ, Москва.

E-mail: kosolap@imemo.ru

Котюкова Татьяна Викторовна – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института военной истории РАН, Москва.

E-mail: kotukovat@mail.ru

Крохин Алексей Евгеньевич - ООО "Вундер Экспорт Импорт", Санкт-Петербург.

E-mail: abzads@gmail.com

Кудряков Николай Николаевич – к.т.н., ОАО "Санкт-Петербургский Атомэнергопроект", Санкт-Петербург
E-mail: n_kudrjakov@to.spaer.ru, atomgrad@mail.ru

Куренышев Андрей Александрович – д.и.н., ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, Москва
E-mail: kure-andrej@yandex.ru

Любин Валерий Петрович – д.и.н., проф., ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва
E-mail: ljubin2010@yandex.ru

Максимов Борис Иванович – к.ф.н., ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, Санкт-Петербург
E-mail: maximovi@mail.ru

Мельник Денис Валерьевич – к.э.н., доцент кафедры истории экономики и экономической мысли Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: denmelnick@mail.ru

Муслимов Тагир Курбанович – к.и.н., старший научный сотрудник Центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала.
Олегина Ирина Николаевна – к.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.
E-mail: Irina.mail@LSI1970.spb.edu (Ira)

Панюта Игорь Николаевич – к.и.н., доцент кафедры философии Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт», г. Киев
E-mail: igor.panuta@gmail.com

Peter Hartmut Rüdiger – PhD, Associated Professor, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg Institut für Geschichte, Halle.
E-mail: @geschichte.uni-halle.de

Пыльцын Александр Васильевич – генерал-майор ВС СССР в отставке, Санкт-Петербург
E-mail: pyltsynbat@mail.ru

Рублёв Дмитрий Иванович – к.и.н., преподаватель кафедры истории Московского государственного университета природообустройства (МГУП), Москва.
E-mail: rublev773@gmail.com

Симонов Юрий Валентинович – профактивист, Ассоциация марксистских Организаций, Всероссийское движение Альтернативы, Санкт-Петербург
E-mail: newprophet@mail.ru

Славин Борис Федорович – доктор философских наук, профессор Московского государственного педагогического университета, Горбачев-Фонд, Москва
E-mail: nivals@inbox.ru

Слива Михал – доктор философии, ректор Krakowskiego педагогического университета.

Солдатенко Валерий Федорович – д.и.н., профессор, член-корреспондент НАН Украины, зав.отделом социально-политической истории Института политических и этнонациональных исследований им. И.Ф.Куруса НАНУ, Киев
E-mail: dekan007@mail.ru

Цапиева Ольга Константиновна – д.э.н., профессор, заместитель директора Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала.
E-mail: t-ok@rambler.ru

Слюфиньска Моника – доктор философии, преподаватель Ягеллонского университета, Краков.

Смирнова Тамара Михайловна – д.и.н., профессор Санкт-петербургского государственного университета авиационного приборостроения
E-mail: mokva@aanet.ru

Пантин Владимир Игоревич д.ф.н., зав. отделом Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва
E-mail: i.pantin@mail.ru

Пантина Мария Владимировна – социолог ООО "Эйсинильсен", Москва
Риндлсбахер Штефан. – ассистент Исторического института Бернского университета
E-mail: stephan.rindlsbacher@hist.unibe.ch

Rüdiger Axel - PhD, Associated Professor, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg Institut für Geschichte (Halle)
E-mail: axel.ruediger@netzwerk-arw.uni-halle.de

Сачков Вячеслав Николаевич – научный сотрудник, Фонд Г.В. Плеханова, Троицк.
nestor@inetcomm.ru

Тузов Виктор Васильевич – д.ф.н. профессор Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
E-mail: tuzov_1950@mail.ru

Филимонова Татьяна Ивановна – к.и.н., заведующая Домом Плеханова (РНБ), Санкт-Петербург.
E-mail: domplekh@.nlr.ru

Чэн Хун - профессор колледжа по гуманитарным и общественным наукам Харбинского инженерного университета

Чернышева Елена Викторовна – к. и. н., доцент каф. социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, Челябинск
E-mail: scify@rambler.ru

Шевченко Владимир Николаевич – д.ф.н., проф., зав. сектором философских проблем политики Института философии РАН, Москва

Шульц Эуард Олегович – к. т. н., Санкт-Петербург
E-mail: eduard_schultz@rambler.ru

7-385
2276

Надежда на то, что в ближайшее время в Африке начнется политическая жизнь, не оправдывается. Несмотря на то, что в Африке есть много свободных стран, в которых политическая жизнь существует, но это не означает, что политическая жизнь существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Существует ли политическая жизнь в Африке? - Я думаю, что существует. Но это не означает, что политическая жизнь существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Почему политическая жизнь не существует в Африке? - Потому что политическая жизнь не существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Почему политическая жизнь не существует в Африке? - Потому что политическая жизнь не существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Почему политическая жизнь не существует в Африке? - Потому что политическая жизнь не существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Почему политическая жизнь не существует в Африке? - Потому что политическая жизнь не существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Почему политическая жизнь не существует в Африке? - Потому что политическая жизнь не существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Почему политическая жизнь не существует в Африке? - Потому что политическая жизнь не существует в Африке. Африка - это страна, где политическая жизнь не существует.

Почему политическая жизнь не существует в Африке? - Потому что политическая жизнь не существует в Африке.

385-11

11-385

2276